

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3
2022

МАЙ •
ИЮНЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**И.А. Сedaкова (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, М.М. Валенцова (заместитель главного редактора), М. Гардзанити (Италия),
А.А. Гиппиус, Н.С. Гусев, М. Зеленка (Чехия), В.И. Косик, М.В. Лескинен, Л.В. Луховицкий,
Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко (Словакия), В.В. Мочалова, К.В. Никифоров,
В. Павлович (Сербия), В.Я. Петрухин, Р. Прешленова (Болгария), М.А. Робинсон, М.Н. Саенко,
А.С. Стыкалин, Б.Н. Флоря, О.В. Хаванова.**

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

*Отделы: И.Е. Адельгейм (зав. отделом литературоведения),
Е.В. Байдалова, И.И. Баринов, О.В. Белова (зав. отделом культурологии),
М.М. Валенцова (зав. отделом лингвистики), Е.Б. Лопатина,
А.С. Стыкалин (зав. отделом истории).*

Заведующая редакцией Г.А. Михеева

Сотрудники редакции: Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках. Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

© Российская академия наук, 2022

© Составление. Редколлегия журнала
«Славяноведение», 2022

Содержание

СТАТЬИ

<i>Станков Н. Н.</i> (Москва). Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 – 5 июня 1922 года).....	5
<i>Пилько Н. С.</i> (Москва). Культурная жизнь Любляны в начале итальянской оккупации по материалам словенской прессы (апрель – декабрь 1941 г.)	20
<i>Стыкалин А. С.</i> (Москва). Венгерский кризис осени 1956 г. и дискуссии в ООН	32
<i>Улуян Ар. А.</i> (Москва). «Албанский» 1968 год. Отчёт И. Г. Сенкевич о научной командировке на фоне политического пейзажа.....	52
<i>Белов М. В.</i> (Нижний Новгород). Дебаты историков из стран бывшей Югославии о декларации «Защитим историю» 2020 года	71
<i>Заштовт Л.</i> (Варшава). Новая история стран и народов Центральной и Восточной Европы в историографии рубежа XX–XXI веков: между традиционной и постмодернистской интерпретацией	89
<i>Мальцев Л. А.</i> (Калининград). Ежи Стемповский и экзистенциально-эсхатологическая интерпретация комедии А. Фредро «Пан Иовяльский»	108
<i>Ковтун Е. Н.</i> (Москва). Город как модель пространства Мира Посмертия в российской, инославянской и западной фантастике.....	121

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Толстой Н. И.</i> Влияние украинской словесной культуры на южнославянскую в XVII–XVIII веках (публикация <i>С. М. Толстой</i>)	137
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Носов Б. В., Кочегаров К. А.</i> Международная научная конференция «Комиссия историков России и Польши в начале XXI века: итоги, задачи и перспективы»	141
---	-----

НЕКРОЛОГИ

<i>Носов Б. В.</i> Памяти Виктории Сливовской (1931–2021).....	148
<i>Герчикова И. А.</i> Памяти Людмилы Норайровны Будаговой (1932–2022)	151
<i>Толстая С. М.</i> Памяти Ежи Бартминьского (1939–2022).....	153

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

MAY •

JUNE •

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

I.A. Sedakova (editor-in-chief),
I.E. Adelgeim, M.M. Valentsova (assistant editor-in-chief), M. Gardzaniti (Italy),
A.A. Gippius, N.S. Gusev, M. Zelenka (Czech Republic), V.I. Kosik, M.V. Leskinen,
L.V. Lukhovitski, G.F. Matveev, L. Matejko (Slovakia), V.V. Mochalova, K.V. Nikiforov,
V. Pavlović (Serbia), V.J. Petrukhin, R. Preshlenova (Bulgaria), M.A. Robinson, M.N. Saenko,
A.S. Stykalin, B.N. Florya, O.V. Khavanova.

A.S. Stykalin (executive secretary)

Departments: *I.E. Adelgeim, E.V. Baidalova (Literature);*
O.V. Belova (Cultural studies); M.M. Valentsova (Linguistics);
I.I. Barinov, E.B. Lopatina, A.S. Stykalin (History).

Head of the Editorial office: *G.A. Mikheeva*

Copy Editors: *L.A. Avakova, E.V. Ponomareva, I.J. Veslova*

Address: 119991, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Contents

ARTICLES

<i>Stankov N.N.</i> (Moscow). The First Soviet-Czechoslovak Treaty: From the Draft to its Signing (April 2, 1921 – June 5, 1922).....	5
<i>Pilko N.S.</i> (Moscow). Cultural Life of Ljubljana at the Beginning of the Italian Occupation Based on the Materials of the Slovenian Press (April–December 1941).....	20
<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). The Hungarian Crisis in the Autumn of 1956 and Discussions at the UN	32
<i>Ulunyan Ar.A.</i> (Moscow). The «Albanian» 1968. Report of I.G. Senkevich on the Scientific Mission Against the Backdrop of the Political Landscape	52
<i>Belov M.V.</i> (Nizhny Novgorod). Debates of Historians from the Countries of the Former Yugoslavia on the Declaration «Defend History» (2020).....	71
<i>Zasztowt L.</i> (Warsaw). The New History of Nations and States of the Central and Eastern Europe in Historiography at the End of 20 th – the Beginning of 21 st Centuries: Between Traditional and Postmodern Interpretation.....	89
<i>Maltsev L.A.</i> (Kaliningrad). Jerzy Stempowski and Existential-Eschatological Interpretation of Alexander Fredro’s Comedy «Mr Jowialski».....	108
<i>Kovtun E.N.</i> (Moscow). City as a Model of the Universe of Afterlife’s Space in Russian, Slavic and Other Foreign Fantasy	121

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Tolstoy N.I.</i> The Influence of Ukrainian Verbal Culture on South Slavic Culture in the 17 th –18 th centuries (<i>publication by S.M. Tolstaya</i>).....	137
--	-----

SCHOLARLY LIFE

<i>Nosov B.V., Kocheharov K.A.</i> (Moscow). International Scientific Conference «The Commission of Russian and Polish Historians at the Beginning of the 21 st Century: Results, Tasks, Perspectives»	141
---	-----

OBITUARIES

<i>Nosov B.V.</i> In memory of Victoria Slivovska (1931–2021)	148
<i>Gerchikova I.A.</i> In memory of Ludmila N. Budagova (1932–2022).....	151
<i>Tolstaya S.M.</i> In memory of Jerzy Bartmiński (1939–2022)	153

Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 – 5 июня 1922 года)

© 2022 г. Н.Н. Станков

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

stankov11@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается предыстория подписания советско-чехословацкого договора 5 июня 1922 г. Основываясь на дипломатических документах, прежде всего на переписке председателя торговой делегации РСФСР в Чехословакии П. Н. Мостовенко с народным комиссаром иностранных дел Г. В. Чичериным и его заместителем М. М. Литвиновым, автор пытается реконструировать ход советско-чехословацких переговоров по данному вопросу. В статье отмечаются сложности во время переговоров, поскольку первоначальный проект договора, составленный Литвиновым и переданный им чехословацкой стороне, включал только экономические статьи. Попытки же советских дипломатов впоследствии расширить договор, включить статьи о нейтралитете, единстве представительства, обязательстве не оказывать поддержки враждебным организациям и лицам встретили сопротивление со стороны ЧСР. Чехословацкое правительство стремилось получить максимально выгодные условия в торговых отношениях и ограничить договор только экономическими вопросами. Автор исследует причины, которые побудили Чехословакию пойти на уступки и подписать договор.

Ключевые слова: советско-чехословацкий временный договор, М. М. Литвинов, П. Н. Мостовенко, Э. Бенеш, В. Гирса.

Ссылка для цитирования: Станков Н. Н. Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 – 5 июня 1922 года) // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0019971-1

The First Soviet-Czechoslovak Treaty: From the Draft to its Signing (April 2, 1921 – June 5, 1922)

© 2022. Nikolaj N. Stankov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

stankov11@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the prehistory of the Soviet – Czechoslovak treaty signed on June 5, 1922. The author reconstructs the course of negotiations on the basis of diplomatic documents and, first of all, the correspondence between the Chairman of the Trade delegation of Soviet Russia in Czechoslovakia P.N. Mostovenko and People's Commissary for Foreign Affairs G.V. Chicherin and his deputy minister M.M. Litvinov. The article looks over the complications experienced in the course of the talks which were caused by the fact that the initial draft treaty compiled by M.M. Litvinov addressed only the economic issues. The later attempts of the Soviet diplomats to broaden the treaty by adding political agenda to it (including the articles about neutrality, the unity of diplomatic representatives, the obligation not to support hostile organizations and persons) provoked resistance from Czechoslovakia. The Czechoslovak government strived to gain maximum advantageous trading opportunities and to confine itself to economic issues, excluding the political ones. The author of the paper investigates the reasons which forced Czechoslovakia to make concessions and sign the treaty.

Keywords: Soviet-Czechoslovak provisional treaty, M.M. Litvinov, P.N. Mostovenko, E. Beneš, V. Girsá.

Reference for citation: *Stankov Nikolaj N.* The first Soviet-Czechoslovak Treaty: From the Draft to its Signing (April 2, 1921 – June 5, 1922) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie.* 2022. No. 3. P. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0019971-1

В отечественной и зарубежной историографии нет ни одного труда по истории советско-чехословацких отношений и внешней политике Чехословакии, в котором не рассматривался бы временный договор между РСФСР и ЧСР от 5 июня 1922 г. (см., например, [1. С. 209–210; 2. С. 136–138; 3. С. 120–121, 127–128; 4. С. 93; 5. С. 332–333; 6. С. 390–392; 7. Р. 145–146; 8. С. 186–191]). Основное внимание историки уделяли анализу содержания договора, обстоятельствам его подписания, внутривластной борьбе в ЧСР вокруг его ратификации. В меньшей степени изучены события, предшествовавшие подписанию договора. Пока нет специальных исследований, посвященных его подготовке. В данной статье предпринята попытка проследить ход переговоров по данному вопросу между советскими и чехословацкими дипломатами в 1921–1922 гг.

Заключению советско-чехословацкого договора предшествовали длительные переговоры, которые начались в марте 1921 г. в Ревеле (Таллине) между заместителем народного комиссара иностранных дел РСФСР М.М. Литвиновым и представителем министерства иностранных дел ЧСР В. Чехом. Обсуждая вопросы развития экономических связей, Литвинов настаивал на необходимости подготовки в первую очередь торгового договора, после заключения которого должен последовать обмен торговыми миссиями между РСФСР и ЧСР. У Чеха создалось впечатление, что советской стороне «гораздо важнее произвести обмен миссиями и по возможности подписать договоры, чем действительно торговать». Поэтому 29 марта он предложил Литвинову пока не заключать специальный торговый договор и ограничиться только временным соглашением, которое установило бы права и обязанности миссий, а затем миссии непосредственно занялись бы подготовкой торгового договора, с чем советский представитель согласился¹ и 2 апреля вручил Чеху проект договора².

Литвинов назвал свой проект «Временное соглашение», поскольку, по его мнению, целью данного международно-правового акта между РСФСР и ЧСР

¹ ДМИСЧО. М., 1973. Т. 1. С. 408–409. Док. 362.

² AMZV. Praha. II. Sekce – 2. Kr. 563. (В деле отсутствует пагинация).

было, «впредь до восстановления нормальных дипломатических отношений между ними, устранить все существующие препятствия к немедленному возобновлению торговых сношений между обеими странами». В соглашении оговаривались условия товарообмена, транзитной торговли, предусматривалось восстановление почтовой, телеграфной и радиотелеграфной связи. В проекте Литвинова особо подчеркивалось, что монополия внешней торговли «принадлежит правительству РСФСР в лице уполномоченных для этого комиссариатов и учреждений», и «всякая сделка, заключаемая в отношении торговли с Россией с частной группой или с частным лицом, не действующими от имени правительства РСФСР, будет рассматриваться как нарушение указанной монополии со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Из 14 пунктов советского проекта восемь касались условий назначения и деятельности торговых миссий (предоставление удобных помещений для работы и проживания сотрудников, неприкосновенность личности и жилища, право доступа к центральной власти страны пребывания, использования шифров и курьеров, визирования паспортов и свидетельствования документов и т.д.). В пятом пункте отмечалось: «Договаривающиеся стороны гарантируют, что их представители будут воздерживаться от всякой пропаганды, направленной против правительства, учреждений или социально-политической системы страны их пребывания, а также от участия в политических и социальных конфликтах, могущих иметь место в этих странах, и не будут исполнять никаких поручений в пользу ни правительств, отдельных лиц или торговых фирм других стран, кроме своей собственной»³.

14 июня 1921 г. торговая делегация РСФСР прибыла в Прагу, и ее председатель П.Н. Мостовенко в беседе с редактором журнала «Новый мир» заявил: «Я приехал в Чехословакию с целью подготовить определенные условия для торгового договора с Чехословацкой республикой и таким путем установить контакты между обеими странами. Взаимная потребность развития экономических связей между Советской Россией, с одной стороны, и молодой Чехословацкой республикой, с другой, в такой степени очевидна и ясна, что у меня нет ни малейшего сомнения в успехе порученной мне задачи»⁴.

Примечательно, что проект договора, составленный Литвиновым, советскому представителю вручили не в Москве, а в Министерстве иностранных дел ЧСР, которое он посетил на следующий день после приезда. На Мостовенко проект произвел «впечатление крайней умеренности наших требований», в то время как обстановка в Чехословакии, по его мнению, такова (симпатии к России в различных слоях общества, заинтересованность в экономическом сотрудничестве), что «было бы целесообразно настаивать на значительно большем»⁵. Тем более, что к тому времени в Праге начал переговоры о заключении репатриационного договора между УССР и ЧСР глава советской украинской миссии М.В. Левицкий. Он уже встречался с заместителем министра иностранных дел ЧСР В. Гирсой и согласно указанию Совнаркома УССР потребовал, чтобы в репатриационный договор были включены пункты о взаимном нейтралитете, об официальном непризнании других украинских властей, обязательство не оказывать поддержки враждебным группам и претендентам на власть на Украине⁶. В проекте же

³ AMZV. Praha. II. Sekce – 2. Kr. 563.

⁴ ДМИСЧО. С. 422. Док. 379.

⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 36.

⁶ ДМИСЧО. С. 420. Док. 376.

торгового договора между РСФСР и ЧСР, составленном Литвиновым, аналогичные требования отсутствовали. Поэтому Мостовенко обратился в Москву с предложением последовать примеру миссии УССР и включить соответствующие пункты в торговый договор. Он считал, что тем самым была бы оказана поддержка и Левицкому, которому будет сложно отстаивать свою позицию без принятия делегацией РСФСР таких же пунктов⁷.

Действительно, министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш отклонил предложения Левицкого⁸, и тот рекомендовал СНК УССР «оттягивать репатриацию», пока не будет подписан договор, «ибо нам более всего важна политическая сторона»⁹. Сам Левицкий продолжал настаивать на включении в репатриационный договор пунктов о нейтралитете и ликвидации других украинских миссий. Кроме того, он договорился с чехословацкими коммунистами — депутатами Национального собрания ЧСР¹⁰, и они обратились к правительству с требованием ликвидировать петлюровскую миссию¹¹, которая официально именовалась чрезвычайная дипломатическая миссия Украинской народной республики. Помимо миссий УССР и УНР в Праге находилась еще одна украинская миссия — Западноукраинской народной республики. «Действительный курьер с товарищем Левицким» Мостовенко описал в первом письме наркому иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину: все три украинские миссии располагались в одном отеле, и поэтому не только посетители, но и выдавший виды портье, получив пакет в адрес представителя Украинской республики, не знал, к кому обращаться¹². Со временем Мостовенко понял, что с российскими представительствами дело обстояло не лучше. Помимо организаций правых эсеров, в частности Земгора, с которым Прага считалась, по его мнению, «как с вибрионом своего рода политического представительства»¹³, у него вскоре «накопился громадный материал, доказывающий неофициальное существование здесь самых фантастических организаций, которые как минеральные отложения для геолога смогут помочь будущему историку составить последовательный перечень всех петроградских, московских, донских и т.д. правительств и их претендентов»¹⁴.

2 июля 1921 г. Литвинов сообщил Мостовенко, что его проект не был составлен специально для Чехословакии и «дан лишь в качестве образца» и Москва поддерживает предложение Левицкого о включении в договор в виде отдельных статей или во введении соответствующих требований¹⁵. По получении телеграммы Мостовенко немедленно представил Гирсе новые пункты договора, чем, по-видимому, поставил чехословацкую сторону в весьма затруднительное положение. Во всяком случае, продолжительное время Гирса уклонялся от встречи, а когда Мостовенко настоял, то стал отговариваться, что в отличие от Великобритании и Германии, которые весной 1921 г. подписали торговые договоры с РСФСР, «в маленькой и столь зависимой от окружающей обстановки

⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 176, 179.

⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 182.

⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 181.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 181.

¹¹ ДМИСЧО. С. 424. Док. 381

¹² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 32.

¹³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 36.

¹⁴ ДМИСЧО. С. 436. Док. 392.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53933. Л. 19.

Чехословакии» можно было бы начать работать «и без какого-либо договора»¹⁶. Тем не менее под напором Мостовенко Гирса вынужден был согласиться, чтобы тот заново отредактировал проект и представил на рассмотрение чехословацкой стороне. 18 июля Мостовенко направил новый проект договора в МИД ЧСР. Во время его обсуждения Гирса «прямо умолял» советского представителя не настаивать на пункте о нейтралитете, поскольку фактически он и так не может быть нарушен, а упоминание о нем в договоре поставит чехословацкое правительство «в очень неловкое положение». Поэтому Мостовенко в письме наркому иностранных дел Г.В. Чичерину 19 июля предложил отказаться от этого пункта, «ограничившись короткой вставкой в декларативной части договора». Под давлением чехословацкой стороны Мостовенко был не против уступить и в вопросе «о признании нашего представительства единственным», удовлетворившись «признанием единства торгового представительства»¹⁷. Отредактированный таким образом договор вместе с сопроводительным письмом Мостовенко отправил в НКВД¹⁸. Он также отметил, что Бенеш преднамеренно затягивает переговоры, причинами этого он считал, во-первых, зависимость от Франции, а во-вторых, ожидание развития событий в Советской России в связи с неурожаем и голодом, «авось вот-вот придется иметь дело не с большевиками, а с их преемниками»¹⁹.

С целью ускорения подписания договора Мостовенко настаивал, чтобы Москва удовлетворила требование чехословацкого правительства об освобождении арестованных в России чехов, и обращался по этому вопросу не только в НКВД²⁰, но и в Политбюро ЦК РКП(б) и в ВЧК²¹. Когда в начале августа 1921 г. большинство арестованных были освобождены²², Мостовенко настойчиво просил поскорее выполнить новые требования Праги: принять в Москве чехословацкую торговую делегацию в предложенном полном составе, не отводя никаких кандидатур²³, и решить вопрос о «московских чехах», чье дальнейшее «вмешательство в русско-чешские дела, — по словам Бенеша, — становится совершенно невыносимым»²⁴. Проблема с торговой делегацией была решена, когда МИД ЧСР согласился с предложением советской стороны поставить во главе ее Й. Гирсу — брата В. Гирсы, который рассматривался и Мостовенко, и Чичериным как сторонник сотрудничества с Советской Россией²⁵. Без особых затруднений был разрешен и вопрос о «московских чехах». Еще в июне 1921 г. один из лидеров КПЧ Я. Гандлирж обратился к членам чехословацкой секции при ЦК РКП(б) с просьбой не присылать впредь агитаторов в ЧСР, призвав всех чехов и словаков — членов РКП(б) оставаться в стране Советов, где «они принесут больше пользы»²⁶. Соответствующее письменное заявление, в котором «энергично» настаивал на том же, Гандлирж передал и Мостовенко²⁷.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 72.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 73.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 104—107.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 71.

²⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 86—87, 93.

²¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 96—96об.

²² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 28.

²³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 121.

²⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 116.

²⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53930. Л. 4; Д. 53931. Л. 39.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 231. Л. 157.

²⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 137.

31 октября 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло решение ликвидировать Центральное чехословацкое бюро агитации и пропаганды.

Относительно же политических статей договора, особенно в вопросе о единстве представительства, НКИД проявил непреклонность. 12 сентября Литвинов писал Мостовенко, что «необходимо [...] настаивать на сохранении пункта о единственном представительстве». «Раз Германия приняла этот пункт, то Чехословакия подавно не должна возражать против него», — отметил Литвинов. К тому же этот пункт, настаивал замнаркома, был включен и в советско-норвежский договор, подписанный 2 сентября 1921 г. Он вносил и другие предложения с целью усилить политический характер представительства. Литвинов считал желательным также упоминание о нейтралитете и выражал непонимание, почему включение этого пункта в договор может поставить чехословацкое правительство в «неловкое положение», ведь в случае давления Антанты или Малой Антанты оно «могло бы всегда сослаться на договор и отказывать в провозе оружия». Литвинов считал, что Малая Антанта находится под сильным влиянием Франции и может быть использована «для враждебных действий против России». «Во избежание усиления французского влияния мы должны всячески препятствовать сближению между Чехословакией и Польшей и вхождению последней в Малую Антанту»²⁸. Литвинов считал, что Мостовенко недооценивал «лицемерия чехословацких правителей» и за всякого рода любезностями и уверениями в дружелюбии не рассмотрел их истинное лицо. «Оттяжки в подписании договора, упорный отказ от нейтралитета лучше всего вскрывают их лицемерие», — поучал Литвинов²⁹. По его мнению, чехословацкие лидеры рассчитывали на скорую смену политического режима в России, на приход к власти эсеров, поэтому они с ними и заигрывали. И даже помощь голодающим, считал замнаркома, чехословацкие власти рассматривали «под углом зрения возможного укрепления эсеровско-кадетских элементов в России»³⁰. Попавший вскоре в НКИД «очень секретный», предназначенный «в собственные руки господину министру иностранных дел», доклад главы чрезвычайной дипломатической миссии УНР М. Славинского о беседе с В. Гирсой, в ходе которой последний выразил надежду, «что большевики не переживут этой зимы»³¹, только еще больше утвердил руководителей наркомата в своей правоте. Кроме того, они подозревали Францию и Польшу в замыслах «рассорить Советскую Украину с Россией», а потому усиленно заигрывали с Украиной. По этому поводу Чичерин писал Мостовенко: «Надо им противопоставить крепкий единый фронт. Украинские представители должны руководствоваться директивами российских представителей, получающих их от Политбюро из Москвы, в то же время соблюдая для внешнего мира полный декорум. При заключении союзными республиками договоров необходимо их предварительно согласовать с нами»³².

Большую обеспокоенность в Москве вызвали подписание 6 ноября 1921 г. чехословацко-польского договора и приезд в Прагу Б. В. Савинкова. 17 ноября Чичерин направил Мостовенко письмо, в котором упрекал его, что в донесениях тот постоянно уверял НКИД в невозможности достижения соглашения

²⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 48–49.

²⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 49.

³⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 49.

³¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53938. Л. 18.

³² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53933. Л. 23.

между ЧСР и Польшей, «между тем в конце концов соглашение заключено, по-видимому, самое опасное для нас». Нарком подчеркнул, что, по отзывам чешской печати, договор предусматривает пропуск через территорию ЧСР оружия для Польши, тем самым последняя «приобретает весьма солидный тыл, что может заметно отразиться на ее воинственных настроениях». Чичерин предписывал Мостовенко выяснить подоплеку этого договора и как в перспективе он отразится на отношениях ЧСР с Польшей и Советской Россией, требовал «как можно серьезней отнестись к нашим чешским отношениям, которые могут сыграть большую роль для нашего международного положения»³³.

В ответном многостраничном письме Мостовенко оправдывался, уверяя, что сам факт «заключения договора явился большой неожиданностью для самого чешского общества, в том числе и для весьма близких к правительству кругов». По его мнению, договор явился «результатом полной растерянности» чехословацкого правительства во время попытки Карла Габсбурга утвердиться на венгерском престоле в ноябре 1921 г.: «К концу карлистских дней в Праге неожиданно появился Скирмунт, и в течение двух дней договор был окончательно обсужден и подписан»³⁴. В действительности, переговоры между Чехословакией и Польшей начались еще в июне 1921 г., о сближении между двумя странами сообщали газеты³⁵, но Мостовенко, принимая во внимание серьезные разногласия между ними, считал «очень маловероятным» возможность какого-либо сближения³⁶.

Во время беседы с Мостовенко о содержании чехословацко-польского договора Бенеш не скрывал, что в нем имеется пункт о нейтралитете, который предусматривает: «В случае нападения на Польшу кого-либо из соседей, ЧСР соблюдает дружественный нейтралитет. Че[хословацкое] пра[вительство] обязуется допустить снабжение Польши оружием, амуницией и пр.». В ответ Мостовенко предложил включить в советско-чехословацкий договор пункт о нейтралитете в такой формулировке: «В случае нападения на Советскую Россию кого-либо из ее соседей, ЧСР соблюдает дружественный нейтралитет. Че[хословацкое] пра[вительство] обязуется не пропускать доставку оружия напавшему врагу и пр.». Бенеш заявил, что такой путь неприемлем и ЧСР обязана снабжать Польшу оружием независимо от того, кто будет нападающей стороной³⁷.

Исходя из своего анализа ситуации, Мостовенко пришел к выводу, что «корни» чехословацко-польского договора вне Праги, что инициатива и, «может быть, авторство соответствующего пункта» в нем принадлежат Франции, и договор является лишь частью «подготавливаемой интервенции против нас», которой ЧСР не должна мешать. Мостовенко предлагал «сделать Прагу первым поводом для протеста против замышляемых интервенций» и «во всеуслышание заявить», что чехословацкое правительство не только ведет двойную игру, поддерживая одновременно отношения с Советской Россией и эмиграцией, но и «дало открытое обязательство поддерживать интервенцию против Сов[етской] России, тем обеспечивши и облегчивши воинственный напор Польши против нас, мы находим, что нет почвы для каких бы ни было отношений, разрываем их и уезжаем впредь до лучшего будущего»³⁸. Мостовенко считал, что

³³ ДМИСЧО. С. 455–456. Док. 410.

³⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53930. Л. 92.

³⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 171.

³⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53939. Л. 46–47.

³⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53930. Л. 94–95.

³⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53930. Л. 95.

отъезд советской торговой делегации «произведет очень солидное впечатление» и для общественного мнения «будет фактором крупного значения»³⁹.

Следует отметить, что вопрос об отъезде советской миссии из Праги поднимался не впервые. Когда в начале ноября 1921 г. появились сообщения, что Савинков и его сотрудники вынуждены были под давлением советской стороны покинуть Польшу и пытались найти прибежище в Чехословакии, это вызвало резкие протесты Москвы. Мостовенко было предписано прервать переговоры, и в случае невыполнения советских требований торговая делегация должна была не только угрожать разрывом, но и покинуть Прагу. К концу ноября 1921 г., как писал Мостовенко в наркомат: «Вопрос о Савинкове превратился в частность». Сам Савинков и большинство его сотрудников уехали. Бенеш выразил готовность дать «официальную гарантию», что не допустит на территории Чехословакии деятельность организации Савинкова⁴⁰. В письмах в Москву Мостовенко утверждал, что теперь главным является вопрос не о Савинкове, а о договоре, в частности пункт о нейтралитете. Он предлагал Литвинову, чтобы НКИД направил ЧСР ноту с формулировкой о нейтралитете и, в зависимости от ответа из Праги, либо «констатировать отсутствие почвы для дальнейших переговоров и наш отъезд», либо, подчеркнув «наше миролюбие, наше нежелание ссориться с народом из-за ошибок правительства», «все-таки завязать договорные отношения». Мостовенко считал, что с помощью нот НКИД представится возможность подчеркнуть «масштаб вопроса» не только чехословацкий, «да и шума больше»⁴¹. Но в Москве придерживались другого мнения.

13 декабря 1921 г. Литвинов направил Мостовенко письмо, в котором, ссылаясь на его донесения, сделал вывод, что дальнейших уступок в вопросе о нейтралитете от ЧСР добиться не удастся. «Обязательство дружественного нейтралитета в случае нападения на Россию совершенно аннулировало бы значение соответственного пункта чешско-польского договора, и у нас нет абсолютно никаких оснований ожидать, что че[хословацкое] пра[вительство] пойдет так далеко нам навстречу, да и его обязательства немного стоят: оно одновременно способно обещать помощь и нам, и полякам, Сов[етской] Украине, и петлюровцам. Вопрос о провозе оружия в случае столкновения с Польшей будет решен чехословацкими рабочими», — писал Литвинов. Он считал излишним и обращение к чехословацкому правительству с нотой: «Чего не можем добиться путем переговоров, мы вряд ли добьемся открытыми выступлениями». Обвинения чехословацких правящих кругов в двуличии может вызвать некоторую антиправительственную агитацию в ЧСР, но «реальных результатов это не даст». Тем более, «перенесение спора на открытую арену неизбежно вызовет немедленное энергичное вмешательство французской и польской дипломатии». Литвинов считал целесообразным, отказавшись от своей позиции о нейтралитете, проявить большую настойчивость в отношении организации Савинкова, попытаться найти «более резкую формулировку пункта договора о неподдерживании враждебных нам организаций» и поскорее подписать договор. Замнаркома подчеркнул, что договор с ЧСР важен для Советской России не только сам по себе, но и «как стимул для других стран, в частности для Дании и Италии», с которыми переговоры затормозились из-за их неуступчивости в вопросе о единственном представительстве. Поэтому договор с ЧСР

³⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53930. Л. 97.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53930. Л. 98.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53930. Л. 98–99.

желательно подписать еще до нового года⁴². «В вопросе об единственном представительстве нельзя идти ни на какие уступки, — писал Литвинов в шифровке Мостовенко 16 декабря. — Пункт должен быть оформлен не хуже, чем в норвежском и германском договорах. Пришлите немедленно полный текст проекта договора»⁴³. 21 декабря замнаркома в срочном порядке запросил Мостовенко о точной формулировке чехословацким правительством пункта о единственном представительстве⁴⁴.

Однако до нового года договор не удалось подписать несмотря на то, что Мостовенко, следуя директивам Москвы, делал все, чтобы ускорить его заключение. 1 января 1922 г. он сообщил Чичерину, что получил от чехословацкого правительства только торговую часть договора, а формулировки политических пунктов, предложенные советской стороной более двух недель назад, «кроме необязывающего устного отзыва», остались без официального ответа⁴⁵. Формулировки экономических статей договора в основном представляли перевод временного соглашения РСФСР с Германией от 6 мая 1921 г.⁴⁶ В ряде экономических пунктов ЧСР стремилась даже расширить объем своих требований, поставить чехословацких граждан и деловые отношения с Советской Россией в привилегированное положение, но в то же время настойчиво пыталась ограничить договор в политической его части⁴⁷. Сильное сопротивление Праги вызвало предложение советской стороны включить в договор формулировку из советско-германского временного соглашения о «единстве представительства» РСФСР, в чем чехословацкая дипломатия усматривала «предрешение судеб будущей России» и «полное признание» советского правительства⁴⁸.

5 января Мостовенко передал в НКВД копии чехословацких проектов экономической части торгового договора и договора о взаимной репатриации⁴⁹, а 7 января сообщил формулировку правительства ЧСР о единстве представительства, которая, по мнению советского дипломата, «совершенно неприемлема и отзывается юмором»: «Представительство РСФСР в Праге является единственным представительством Советской России»⁵⁰.

Все попытки Мостовенко добиться включения в договор обязательства чехословацкого правительства признать представительство РСФСР в Праге «как единственное русское представительство на территории ЧСР» и гарантии, что «никакое другое русское представительство не получит признания», наталкивались на сопротивление⁵¹. Гирса уверял, что такая формулировка сделает невозможным проведение договора через парламент и возникнут трудности при его утверждении в Лиге Наций. Он предложил пункт о единстве представительства оставить в договоре в чехословацкой формулировке, а затем Мостовенко нотой запросит правительство ЧСР, как его следует понимать, и в ответной ноте в качестве разъяснения будет дана советская формулировка. Смысл

⁴² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 66–68.

⁴³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 71.

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53933. Л. 26.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53939. Л. 25–25об.

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53939. Л. 25. Текст временного соглашения между РСФСР и Германией см.: ДВП СССР. М., 1960. Т. 4. С. 99–104. Док. 72.

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53939. Л. 27.

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53939. Л. 25.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53939. Л. 27–47, 50.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53939. Л. 60.

⁵¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53939. Л. 25.

такого трюка, по словам Гирсы, заключался в том, что ноты не обязательно публиковать, т.е. предавать гласности⁵². Мостовенко отверг это предложение потому, что «сущность предложенного Гирсой разрешения вопроса о единстве не в договоре, а посредством ноты, заключается в готовности дать обязательство провести этот пункт фактически и отказе публично то же самое декларировать». «Нам же как раз необходима публичность провозглашения нашего представительства единственным, как один из этапов полного нашего признания», — написал Мостовенко Чичерину 7 января 1922 г.⁵³

После беседы с Бенешем и Гирсой 12 января, когда советский представитель в очередной раз убедился, что на уступки с чехословацкой стороны рассчитывать не стоит, он предложил прибегнуть к ультимативному решению вопроса: если к установленному сроку ЧСР не примет советские предложения, миссия покинет Прагу. 13 января 1922 г. Мостовенко написал Чичерину: «За целесообразность ультимативной постановки вопроса говорит несомненный факт, что наш отъезд отсюда, несомненно, произвел бы здесь большой переполох». Он отмечал, что Прага не пойдет на разрыв отношений, поскольку ЧСР заинтересована не только в будущих связях с Россией, но «и во вполне конкретных текущих сношениях»⁵⁴.

НКВД не одобрил столь решительных действий своего представителя в Праге, но в то же время рекомендовал не идти на уступки⁵⁵. 7 февраля 1922 г. заместитель наркома Литвинов направил Мостовенко инструкцию, в которой отметил, что присланные им «проекты договоров совершенно неприемлемы». «Политическая обстановка и отношение к Сов[етской] власти чехословацкого правительства не дают никаких оснований к предоставлению Чехословакии тех прав, которые она, опираясь на германский и австрийский договоры, пытается обеспечить себе в России», — написал Литвинов⁵⁶. Он считал невозможным до признания Советской России *de jure* позволить Чехословакии открывать свои дипломатические и иные представительства или их отделения вне Москвы. Литвинов предлагал исключить из договора ст. 10, в которой речь шла о предоставлении Чехословакии права наибольшего благоприятствования, так как она такого права «не заслужила». По его мнению, без всяких оговорок следовало исключить ст. 11, 12 и 13, в которых ставился вопрос об удовлетворении в будущем имущественных претензий граждан бывшей Австро-Венгрии⁵⁷. На устранение этих статей Литвинов обращал особое внимание. В телеграмме в Прагу Мостовенко от 14 февраля 1922 г. он специально подчеркнул, что «о каких-либо обещаниях возмещения “пострадавшим чехам в России” не может быть никакой речи ни в договоре, ни даже в устных переговорах. Этот вопрос даже косвенно не должен затрагиваться ни в одном пункте договора»⁵⁸. Литвинов внес изменения в значительную часть статей проекта советско-чехословацкого договора. Он считал, что «прототипом» для договора с ЧСР должно служить советско-норвежское соглашение от 2 сентября 1921 г.,⁵⁹ а если чехословацкое правительство не пойдет на уступки, «то лучше временно остаться

⁵² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53939. Л. 60.

⁵³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53939. Л. 62.

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53939. Л. 68–68об.

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53940. Л. 18.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53944. Л. 2.

⁵⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53944. Л. 2.

⁵⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53944. Л. 7.

⁵⁹ Текст временного соглашения между Россией и Норвегией см.: ДВП СССР. Т. 4. С. 298–303. Док. 203.

без всякого соглашения. Из этого, конечно, не следует, что Вам необходимо сейчас уложить вещи и уехать. Составьте свой контрпроект, исходя из вышеизложенных замечаний, и начните новые переговоры»⁶⁰.

10 февраля Мостовенко во время беседы с Бенешем в соответствии с инструкциями Литвинова сделал «категорическое заявление, что ни на какие дальнейшие уступки мы не пойдем», чем тот был разочарован, поскольку до последнего времени всех уверял, что договор готов и его подписание — вопрос нескольких дней. Тем более, Бенеш, уезжая в заграничное турне — Лондон и Париж, как он сообщил Мостовенко, надеялся «иметь возможность сослаться на факт уже заключенного договора». В ответ советский представитель выразил убеждение, что чехословацкое правительство «в недалеком будущем сломит свое упорство и пойдет на требуемые нами уступки»⁶¹. Сообщая о содержании разговора с Бенешем, Мостовенко 11 февраля в письме Чичерину предложил, «ссылаясь на отсутствие договора», «свернуть ту часть нашей работы, которая особенно интересна для чехов»⁶².

В течение февраля 1922 г. переговоры по экономическим статьям проходили достаточно успешно. Чехословацкая сторона согласилась принять большинство поправок⁶³. 14 февраля 1922 г. Мостовенко даже написал Литвинову: «Я думаю, что договор с чехами мы все-таки подпишем до Генуэзской конференции»⁶⁴.

К концу марта текст договора был в основном согласован. 21 марта во время беседы с президентом ЧСР Т.Г. Масариком у П.Н. Мостовенко сложилось впечатление, что было достигнуто взаимопонимание и по политическим статьям и, следовательно, устранены последние препятствия на пути подписания договора. В ответ на заявление Масарика, что договор не подписан, поскольку «Вы поставили вопрос о признании советского правительства *expressis verbis de jure*, а [...] мы не можем изолированно и первыми решиться на это», Мостовенко заметил, что «вопрос о [признании] *de-jure* нами не поднимался, что, напротив, [мы] настаивали на признании нас единственным представителем России». Более того, он «предлагал Бенешу в том или ином виде в договоре подчеркнуть, что фактом заключения договора вопрос о *de-jure* не затронут». Масарик констатировал, что «тогда дело меняется», и обещал обсудить этот вопрос с Бенешем⁶⁵. Однако до Генуэзской конференции договор так и не был подписан. ЧСР не желала связывать себя какими-либо обязательствами с Советской Россией до начала конференции и предварять ее решения по «русскому вопросу».

Изменение позиции ЧСР в отношении договора с Советской Россией произошло во время Генуэзской конференции. 16 апреля 1922 г. представители РСФСР и Германии заключили в Рапалло договор, который предусматривал немедленное возобновление дипломатических отношений, урегулирование всех спорных вопросов путем взаимного отказа от претензий и развитие торгово-экономического сотрудничества⁶⁶. Президент ЧСР Т.Г. Масарик и председатель правительства и министр иностранных дел Э. Бенеш реалистически оценивали сложившуюся ситуацию. Они понимали, что подписание

⁶⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53944. Л. 3.

⁶¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53940. Л. 23–23об.

⁶² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53940. Л. 23об.

⁶³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53940. Л. 59.

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53940. Л. 40об.

⁶⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53940. Л. 121.

⁶⁶ ДВП СССР. М., 1961. Т. 5. С. 223–224. Док. 121.

Рапалльского договора означало конец изоляции России и дальнейшее следование этому курсу могло принести только ущерб государственным интересам ЧСР. Масарик поручил Бенешу вступить в переговоры с Чичериным, подчеркнув: «Это должен быть торговый договор, а не политический». Не могло быть и речи о признании Советской России *de jure*. Кроме того, президент считал целесообразным о предстоявших переговорах предупредить Францию и других союзников⁶⁷. 28 апреля и 1 мая 1922 г. Бенеш имел две продолжительные беседы с Чичериным. Они обсудили проблемы взаимоотношений Советской России и Чехословакии, главное внимание уделив вопросам о подготовке торгового договора и признания советского правительства. Бенеш старался избегать каких-либо обязательств и стремился ограничиться лишь информативной стороной дела, особенно в вопросе признания⁶⁸. С одной стороны, он опасался, что в случае ухода Франции с конференции ряд государств подписали бы «сепаратные договоры» с Советской Россией и ЧСР осталась бы не у дел, а с другой – лояльность в отношении Франции удерживала Бенеша от заключения договора с Москвой до завершения работы конференции [З. С. 120; 6. S. 390–391]. Но по окончании конференции заместитель наркома иностранных дел РСФСР М. М. Литвинов и замминистра иностранных дел ЧСР В. Гирса в Генуе согласовали все статьи договора. Как сообщил Литвинов в коллегию НКВД, Гирса был «удивлен, что нам удалось в течение 3-х часов выработать соглашение, над которым они с Мостовенко безрезультатно бились около года». Однако подписывать договор Гирса отказался, сославшись на отсутствие формальных полномочий, и предложил Литвинову для его заключения приехать в Прагу. Замнаркома настоял на парафировании договора. Он собирался после поездки в Берлин на один день поехать в Прагу и лично подписать договор, опасаясь, «что Бенеш попытается увильнуть или внести новые изменения, и Мостовенко придется завязать длительную переписку с нами»⁶⁹. Из-за множества дел в Германии, у Литвинова не оставалось времени на поездку в Прагу, и он вызвал в Берлин Мостовенко, который был уполномочен подписать договор. Чтобы у чехословацкой стороны не было возможности внести изменения в политические пункты договора, Литвинов предложил коллегии НКВД опубликовать в советской печати телеграмму: «По окончании конференции тов. Литвинов от имени РСФСР и товарищ министра иностранных дел Гирса от имени Чехословацкой республики парафировали соглашение, по которому Чехословакия признает представительства РСФСР и У[С]СР единственными представительствами, обязывается прекратить всякие официальные сношения с организациями и лицами, ведущими борьбу против советской республики, причем оба государства гарантируют друг другу нейтралитет на случай конфликта одного из них с третьим государством. В остальном договор составлен в духе норвежского договора»⁷⁰.

Предпринятые Литвиновым предосторожности не были излишними. Накануне подписания договора чехословацкая сторона пыталась внести изменения в ряд пунктов договора. Заведующий экономическим отделом МИД ЧСР Я. Дворжачек убеждал Мостовенко в необходимости переименования договора в соглашение и изменения ряда формулировок. Кроме того, он заявил, что

⁶⁷ См.: ДМИСЧО. С. 494–495. Док. 440.

⁶⁸ AMZV. Praha. Depeše došle. č.j. 604/22.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1978. Л. 1.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1978. Л. 5.

договор может быть подписан только при условии обмена нотами: чехословацкая сторона заявит «об ограничительном толковании примечания к пункту 1», что слово «борьба» следует «понимать как борьбу исключительно насильственными способами, т.е. взрывами, заговорами, покушениями и т.д.», а Мостовенко ответной нотой должен с этим толкованием согласиться. Советский дипломат отклонил все предложения Дворжачека, заявив, что обмениваться нотами он не уполномочен, что невозможно вносить какие-либо изменения в текст договора, «речь может идти только о точном переводе на чешский язык парафированного экземпляра». В последние дни перед подписанием договора Мостовенко сам уклонялся от бесед с чехословацкими дипломатами и устроил дело так, что «им не с кем было разговаривать по существу», поручив сотруднику миссии Р.О. Якобсону только «обеспечить точный перевод»⁷¹.

Тем не менее 5 июня 1922 г. в момент заключения договора В. Гирса «во избежание недоразумений в будущем» пытался довести до сведения советской стороны то, как правительство ЧСР «толкует примечание к пункту 1». Мостовенко решительно заявил, что он уполномочен подписать только парафированный текст и отказался «принимать какие-либо толкования и объяснения». После того как договор был подписан, Гирса передал Мостовенко ноту⁷². На следующий день, 6 июня, аналогичный договор был заключен между УССР и ЧСР.

Временный договор между РСФСР и ЧСР предусматривал развитие торговых и экономических отношений. Большинство статей договора касалось их экономического сотрудничества. Но он содержал и ряд политических положений, включение которых так настойчиво добивались советские дипломаты. Во введении говорилось о необходимости соблюдения каждой из договаривавшихся сторон нейтралитета в случае конфликта одной из них с третьей державой. Ст. 1 предусматривала создание представительств Чехословацкой республики в Москве и РСФСР – в Праге, причем в договоре отмечалось, что «каждое из этих представительств является единственным представительством подлежащего государства в другой стране». По настоянию чехословацкой стороны в ст. 1 было внесено замечание, что «вопрос о признании де-юре правительства другой страны не предрешается настоящим договором». Ст. 1 содержала примечание, согласно которому оба правительства обязывались «прекратить всякие официальные сношения с разного рода учреждениями и представительствами организаций и лицами, имеющими целью борьбу с правительством другой страны»⁷³. Как отмечалось выше, чехословацкая сторона передала правительству РСФСР ноту, в которой дала свою трактовку термина «борьба». В ответной ноте от 21 июня 1922 г. Мостовенко сообщил Бенешу, что правительство РСФСР «может также согласиться с этим толкованием при обязательном, однако, условии, что каждая сторона сама оставляет за собой последнее слово в вопросе о том, какие организации и какие лица ведут с ней борьбу насильственными способами»⁷⁴. Ст. 8 договора содержала обязательства обоих правительств «воздерживаться от всякой пропаганды, направленной против правительства, государственных и иных общественных учреждений или социально-политической системы другой договаривающейся

⁷¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53941. Л. 38–39.

⁷² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53941. Л. 39. Текст ноты см.: ДМИСЧО. С. 511. Док. 448.

⁷³ ДВП СССР. Т. 5. С. 442. Док. 180.

⁷⁴ ДМИСЧО. С. 512–513. Док. 450.

стороны» и «не [...] принимать участия в политических и социальных конфликтах, могущих произойти в этих государствах»⁷⁵.

Таким образом, советская сторона добилась включения в договор, несмотря на ряд оговорок, положений о нейтралитете, о признании единства представительства, обязательства не поддерживать официальные отношения с учреждениями и представительствами организаций и лицами, имеющими целью борьбу с правительством другой страны. Договор создавал благоприятные условия для дальнейшего развития не только экономических, но и политических и дипломатических отношений. Однако взаимная подозрительность и недоверие осложняли их на протяжении длительного времени. В результате признание *de jure* и установление дипломатических отношений СССР и Чехословакии состоялось только спустя 12 лет, 9 июня 1934 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации, Москва
 ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
 ДВП СССР – Документы внешней политики СССР
 ДМИСЧО – Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений
 КПЧ – Коммунистическая партия Чехословакии
 МИД – Министерство иностранных дел
 НКВД – Народный комиссариат иностранных дел
 РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории, Москва
 СНК – Совет народных комиссаров
 УНР – Украинская народная республика
 ЦК РКП(б) – Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков)
 ЧСР – Чехословацкая республика
 AMZV – Archiv Ministerstva zahraničních věcí, Praha

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архив внешней политики Российской Федерации, Москва. Ф. 04. Оп. 43.
 Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 4. 836 с.; М., 1961. Т. 5. 808 с.
 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М.: Наука, 1973. Т. 1. 552 с.
 Российский государственный архив социально-политической истории, Москва.
 Archiv Ministerstva zahraničních věcí, Praha.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстрова Н.Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2020. 280 с.
2. Петерс И.А. Чехословацко-советские отношения (1918–1934). Киев: Наукова думка, 1965. 346 с.
3. Шишкин В.А. Чехословацко-советские отношения в 1918–1925 годах. М.: Изд-во Института международных отношений, 1962. 286 с.
4. Dejtek J. Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století (1918 až 1992). Vybrané kapitoly z dějin československé zahraniční politiky. Praha: Centrum pro ekonomiku a politiku, 2002. 384 s.
5. Dejtek J. Edvard Beneš. Politická biografie českého demokrata. Praha: Karolinum, 2006. Č. I. 632 s.
6. Olivová V. Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922. Praha: Naše vojsko, 1957. 641 s.
7. Vondráček F.J. The Foreign Policy of Czechoslovakia 1918–1935. New York: Columbia University Press, 1937. 451 p.
8. Voráček E., Hubený D., Litera B. V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz. Praha: Historický ústav, 2019. 676 s.

⁷⁵ ДВП СССР. Т. 5. С. 443. Док. 180.

REFERENCES

- Bystrova N. Je. *Sovetskaia Rossiia na konferentsiakh v Genuje i Gaage 1922 g.: vzgliad iz Kremli*. M., Institut rossiiskoi istorii RAN Publ.; Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2020, 280 p. (In Russ.)
- Dejmek J. *Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století (1918 až 1992). Vybrané kapitoly z dějin československé zahraniční politiky*. Praha, Centrum pro ekonomiku a politiku Publ., 2002, 384 p. (In Czech.)
- Dejmek J. *Edvard Beneš. Politická biografie českého demokrata*. Praha, Karolinum Publ., 2006, č. I, 632 p. (In Czech.)
- Olivová V. *Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922*. Praha, Naše vojsko Publ., 1957, 641 p. (In Czech.)
- Peters I.A. *Chekhoslovatsko-sovetskije otnosheniia (1918–1934)*. Kijev, Naukova dumka Publ., 1965, 346 p. (In Russ.)
- Shishkin V.A. *Chekhoslovatsko-sovetskije otnosheniia v 1918–1925 godakh*. M., Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii Publ., 1962, 286 p. (In Russ.)
- Vondracek F.J. *The Foreign Policy of Czechoslovakia 1918–1935*. New York, Columbia University Press, 1937, 451 p.
- Voráček E., Hubený D., Litera B. *V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz*. Praha, Historický ústav Publ., 2019, 676 p. (In Czech.)

Информация об авторе:

Станков Николай Николаевич,
доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Отдела истории
славянских народов периода мировых войн,
Институт славяноведения Российской
академии наук,
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5248-1027>
E-mail: stankov11@yandex.ru

Information about the author:

Stankov Nikolaj N.,
DSc. (History), Professor, Leading Researcher,
Department of the History of Slavic
Peoples during World Wars,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5248-1027>
E-mail: stankov11@yandex.ru

Славяноведение, 2022, № 3, с. 20–31

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 3, pp. 20–31

DOI: 10.31857/S0869544X0019972-2

Оригинальная статья / Original Article

Культурная жизнь Любляны в начале итальянской оккупации по материалам словенской прессы (апрель – декабрь 1941 г.)

© 2022 г. Н.С. Пилько

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

nbg2005@mail.ru

Аннотация. Культурная жизнь Любляны в годы оккупации мало изучена в словенской историографии. В данной статье на основе словенской прессы перечислены основные мероприятия, которые проводились в Любляне в самом начале итальянской оккупации, а именно с апреля по декабрь 1941 г., а также приводятся сведения о деятелях культуры и просвещения того времени.

Ключевые слова: Словения, Люблянская провинция, оккупация, Италия, культура, просвещение, образование, Любляна.

Ссылка для цитирования: *Пилько Н.С.* Культурная жизнь Любляны в начале итальянской оккупации по материалам словенской прессы (апрель – декабрь 1941 г.) // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 20–31. DOI: 10.31857/S0869544X0019972-2

Cultural Life of Ljubljana at the Beginning of the Italian Occupation Based on the Materials of the Slovenian Mass-Media (April – December 1941)

© 2022. Nadezhda S. Pilko

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

nbg2005@mail.ru

Abstract. The cultural life of Ljubljana during the years of occupation is practically not studied in the Slovenian historiography. Based on the Slovenian mass-media, this article lists the main events that took place in Ljubljana at the very beginning of the Italian occupation, namely from April to December 1941, as well as it provides information about cultural and educational public figures of that time.

Keywords: Slovenia, Ljubljana province, occupation, Italy, culture, enlightenment, education, Ljubljana.

Reference for citation: *Pilko Nadezhda S.* Cultural Life of Ljubljana at the Beginning of the Italian Occupation Based on the Materials of the Slovenian Mass-Media (April – December 1941) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie.* 2022. No. 3. P. 20–31. DOI: 10.31857/S0869544X0019972-2

В апреле 1941 г. Дравская бановина (словенские земли в составе Королевства Югославия) была оккупирована и разделена между Германией, Венгрией и Италией. Италии отошли Внутренняя Крайна и часть Нижней Крайны с Любляной. Три оккупационных режима, сложившиеся на словенских территориях, отличались друг от друга. Главной чертой итальянской оккупационной зоны являлось то, что итальянские власти решили заручиться поддержкой местного населения, с первых же дней играя на контрасте с германской оккупационной зоной, где почти сразу же началась германизация, подразумевавшая уничтожение всего, что имело словенский национальный характер.

Когда на границах Югославии начались военные действия, по инициативе бана Дравской бановины М. Натлачена был создан Национальный совет Словении, в который вошли представители всех существовавших на тот момент словенских политических партий. Периодические издания Любляны призывали население не противиться оккупантам, «показать свою зрелость, достоинство и жизнеспособность», поскольку, как объяснялось дальше, «национальная сплоченность и дисциплина входили в сферу интересов тех, кто по-новому перекраивал Европу»¹. 17 апреля Национальный совет формально передал власть в руки итальянскому гражданскому комиссару Эмилио Грациоли. Натлачен и другие представители Совета направили Муссолини в Рим благодарность за «корректное поведение итальянской армии в ходе оккупации словенских земель». В этом же послании выражалась надежда, что вся территория Словении в скором времени сможет перейти под юрисдикцию Италии [2. С. 601]. На это послание Муссолини ответил, что Италия уважала и будет уважать культуру словенского народа и что скоро словенцы получат автономию. Граф Чиано, министр иностранных дел Италии, записал в дневнике: «С дуче готовили декрет аннексии Любляны. Это будет итальянская провинция с широкой автономией как в культурной сфере, так и в фискальной» [1. Р. 343]. День спустя Чиано отметил: «Сегодня утром подготовили карту будущей Люблянской провинции. Она будет создана на основе либеральных принципов, что, в свою очередь, вызовет к нам симпатию в германизированной части Словении, где, по слухам, совершаются жестокие злоупотребления» [1. Р. 344]. Гражданскую власть возглавил Эмилио Грациоли, военную – Марио Роботти. Э. Грациоли занял пост 18 апреля 1941 г. Церемония вступления в должность была обставлена таким образом, что создавалось впечатление, будто бы власть передается из рук бана новому главе.

Верховный комиссар начал деятельность с придания оккупированным землям внешних черт итальянской провинции. Во всех учреждениях фотографии и портреты югославской королевской семьи и государственных деятелей были заменены изображениями дуче и короля Италии². Все вывески и таблички с названиями улиц стали двуязычными. Итальянские надписи по размеру были такими же, как словенские, но стояли на первом месте.

¹ Jutro. 1941. 12 IV.

² Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu. Beograd, Vojnoistorijski Institut, 1949–1986. Т. XIII. Кнж. 1. 1969. Док. № 6. С. 23. (сербский)

С 27 апреля в главных утренних и вечерних словенских газетах стали появляться первые статьи на итальянском языке. Власти сочли необходимым объяснить населению этот шаг, заявив, что теперь в провинции проживает большое количество итальянских солдат, которые должны быть в курсе важнейших событий и новостей. Также отмечалось, что словенские издатели «пошли навстречу итальянским властям, что доказало стремление люблянкой прессы к совместной работе и явилось одним из первых шагов к культурному сотрудничеству»³.

В двадцатых числах апреля люблянскую радиостанцию посетил инспектор радиостанций в Министерстве народной культуры Лео Казолини. Радиостанция Любляны вошла в состав EIAR (*L'Ente italiano per le audizioni radiofoniche*). Особо было отмечено, что комиссия осталась довольна уровнем подготовки дикторов и самые опытные из них – Наталия Прохинарьева и Иван Пенгов сохранили свои места. Возглавил люблянскую радиостанцию Л. Казолини. Вскоре была обновлена аппаратура.

3 мая 1941 г. декретом № 291 Италия аннексировала эту территорию и провозгласила ее новой равноправной итальянской Люблянкой провинцией. Декрет состоял из семи пунктов, суть которых сводилась к следующему: Словения становилась частью Италии, провинции даровалось право иметь автономное устройство, которое учитывало бы этнический характер населения. Главой провинции назначался верховный комиссар, ему в помощь создавался Национальный совет, состоящий из 14 человек, выбранных из «передовых» слоев населения. Кроме того, словенцы освобождались от призыва в итальянскую армию, обучение в школах разрешалось вести на словенском языке⁴. На провинцию распространялись основные положения итальянской конституции, но нигде не говорилось о том, что словенцы становились равноправными итальянскими гражданами.

Основные культурные и образовательные учреждения продолжили работу. К ним относились Люблянкой университет, Академия науки и искусства, драматический и оперный театры, филармония, Музыкальная матица. Однако все эти организации перешли под контроль итальянских властей.

23 мая Люблянку посетил итальянкой министр национального образования Джузеппе Боттаи. После встречи с верховным комиссаром он посетил Люблянкой университет, где провел встречу с ректором М. Славичем. Ректор приветствовал высокого гостя на словенском и итальянском языках. Боттаи отметил в речи, что итальянские власти будут всячески способствовать развитию словенской культуры и науки, а Люблянкой университет должен стать органичной частью итальянского университетского сообщества⁵. Спустя шесть месяцев Грациоли вынужден был предупредить руководство университета, что «ненаучная деятельность», которая, по его сведениям, там ведется, должна быть пресечена, иначе университет может быть закрыт. «Нужно вернуть тех, кто сбился с истинного пути»⁶, отметил комиссар – речь шла некоторых профессорах и студентах, придерживавшихся антиитальянских взглядов.

В конце мая Итальянская королевская академия обратилась с приветствием к Словенской академии науки и искусства, в котором отмечалось, что между Римом и Люблянкой будут установлены интенсивные и плодотворные связи. «Словенский народ, который сохранит свои этнические и языковые традиции, теперь встает на путь еще больших и еще более качественных приобретений на духовной

³ Jutro. 1941. 27 IV.

⁴ Jutro. 1941. 31 VII.

⁵ Jutro. 1941. 24 V.

⁶ Jutro. 1941. 7 XI.

ниве»⁷, — говорилось в приветствии. Глава Академии науки и искусства Р. Нахтигал⁸ выразил благодарность президенту Королевской итальянской академии.

6 августа Э. Грациоли посетил Национальную типографию и редакцию газеты «*Jutro*». Его приветствовали председатель Густав Прапротник и главные редакторы. Верховный комиссар особо подчеркнул, что ожидает лояльности за лояльность и что именно такой подход обеспечит успех обновления в Люблянской провинции⁹. Он также посетил редакцию газеты «*Slovenec*».

В целом жизнь научного сообщества продолжалась. Так, начатые еще до войны исследования получили свое завершение. В августе 1941 г. в газете «*Jutro*» сообщалось о защите диссертации слависта Антона Вратуши¹⁰ в Люблянском университете по теме «Левец¹¹ и “*Люблянски звон*”». По мнению автора статьи, эта диссертация представляла особую ценность, поскольку в ней характеризовалась личность «несправедливо забытого» со всех сторон Франа Левеца — человека, редактора и литератора¹².

В конце августа из печати вышла книга Мирко Чернич¹³ «Клинический словарь». Это был первый словарь словенской медицинской терминологии. В интервью Чернич отметил, что ему стоило большого труда доказать, что в медицинской терминологии возможно употребление словенского языка и что не следует дословно переводить все научные термины¹⁴.

Что касается школьного образования, то было разрешено преподавание на словенском языке, но изучение итальянского стало обязательным для старшей школы, а с 1942 г. вводились обязательные три часа итальянского со второго класса. Учителя сохранили свои места. Из-за того, что итальянские власти понизили возраст поступления в школу до шести лет, количество учеников увеличилось, а это, в свою очередь позволило обеспечить работой учителей, бежавших из германской оккупационной зоны [З. С. 362–363]. Учебный план мало изменился. Из-за нехватки учебников многие предметы преподавались по старым югославским. К ноябрю был подготовлен новый учебный план, согласно которому увеличивалось количество часов по истории и географии. Учителям истории вменялось преподавание теории фашизма. Что касается географии, то основное внимание уделялось изучению Италии. Для этого были напечатаны новые атласы, изданные Географическим институтом Де Агостини (*Geografico de Agostini*). Новые атласы являлись копией итальянских

⁷ *Jutro*. 1941. 1 VI.

⁸ Нахтигал Райко (1877–1958) — словенский филолог-славист, лингвист, исследователь старославянского языка и письменности, сравнительной грамматики славянских языков, истории словенского языка, древнерусской литературы и русского языка. Первый декан философского факультета Люблянского университета. В 1939–1942 гг. был президентом Словенской академии науки и искусства.

⁹ *Jutro*. 1941. 7 VIII.

¹⁰ Вратуша Антон (1915–2017) — словенский политик, дипломат, публицист, славист. После оккупации Словенских земель вступил в ряды Народно-освободительной армии. В 1943 г. был арестован и отправлен в лагерь Гонарс, затем в лагеря Тревизо, Раб. В лагере организовал из заключенных отряды. После капитуляции заключенные разоружили лагерную охрану, захватили несколько небольших судов и напали на итальянский гарнизон, где захватили оружие. Наладил связи с гарибальдийцами. После войны сделал блестящую карьеру дипломата и общественного деятеля.

¹¹ Левец Фран — редактор газеты «*Люблянски звон*» в 1881–1891 гг.

¹² *Jutro*. 1941. 7 VIII.

¹³ Чернич Мирко (1884–1956) — словенский врач, хирург, травматолог, автор словенской медицинской терминологии, писатель. В 1941 г. во время оккупации находился в Мариборе. Вместе с семьей был изгнан в Сербию, оттуда в 1943 г. бежал в Белую Крайну, где примкнул к партизанам. Возглавил одну из крупнейших партизанских больниц.

¹⁴ *Jutro*. 1941. 18 IX.

оригиналов и были переведены на словенский. Географический атлас для средних школ включал 56 карт и 350 иллюстраций. Словенское предисловие подготовил Вальтер Бохинц¹⁵ совместно с Ц. Бернотом, Ф. Планине и Ф. Савником. Также был напечатан атлас по истории. Для словенских школ его адаптировали М. Авсенак, О. Косматин и М. Миклавчич. В него вошли 32 исторические карты, которые показывали развитие мира от Древнего Востока и античного Рима до современности. Естественно, основное внимание уделялось истории итальянского народа¹⁶.

В июне 1942 г. верховный комиссар образовал «Школьный патронат» Люблянской провинции. Это было сделано с целью популяризации фашистской идеологии среди детей. Нуждающимся бесплатно выдавались учебники, тетради и канцтовары. Кроме того, патронат занимался созданием библиотек и кружков внешкольного образования, помощью сиротам, детям из многодетных семей [3. S. 368].

Верховный комиссар активно участвовал в культурной жизни Люблянской провинции. Под его охрану были переданы все культурные ценности. Специальный закон запрещал вывоз из Люблянской провинции предметов, имеющих культурно-историческую, археологическую и палеонтологическую ценность. 19 апреля газета «*Jutro*» в статье «Интересное посещение Национального музея» сообщила о встрече директора Национального музея Любляны доктора Мало с хранителем музейных ценностей Триестской провинции доктором Фаусто Франко и двумя ревизорами — доктором Вигнием и профессором Рото. Цель их визита заключалась в инспекции состояния музея. Особое внимание было уделено коллекции рисунков Джованни Баттисты Тьеполы (1696–1770), одного из крупнейших художников итальянского рококо. Скорее всего, целью визита и была эта коллекция, поскольку споры о ее принадлежности велись еще в межвоенный период. Согласно итальянской версии, рисунки были вывезены из Триеста в Люблян в 1916 г., когда австрийцы захватили Горицу, дальнейшее развитие исторических событий привело к тому, что рисунки оказались в Королевстве Югославия. Переговоры относительно их возвращения в Триест не дали никаких результатов. В статье особо подчеркивалось, что коллекция рисунков — собственность триестского музея и должна быть возвращена.

В 1941 г. художественная жизнь Любляны была довольно активной. Проходило большое количество выставок, в основном молодых скульпторов и художников, многие из них были мало известны широкой публике.

В первые дни оккупации продолжила работу открывшаяся в марте 1941 г. совместная выставка Общества сербских художников в Белграде и Клуба словенских художественных деятелей «Лада» (*Klub slovenskih likovnih umetnikov Lada*). Она продлилась до 15 апреля 1941 г.¹⁷

В мае 1941 г. открылась выставка «*Slovenski lik*». На ее открытии присутствовали представитель верховного комиссара Эдуард Бизи, от комиссариата печати профессор Урбани. Из словенских представителей культуры открытие выставки посетили ректор университета доктор М. Славич¹⁸, представитель жупана доктор

¹⁵ Бохинц Вальтер (1898–1984) — словенский географ, картограф. В 1939–1942 гг. был доцентом кафедры региональной географии в Люблянском университете.

¹⁶ *Jutro*. 1941. 12 XI.

¹⁷ *Jutro*. 1941. 13 IV.

¹⁸ Славич Матия (1877–1958) — профессор теологии в люблянском университете, дважды был деканом теологического факультета (1932–1936 и 1939–1940). В качестве специалиста по Прекомурью участвовал в работе Парижской мирной конференции. Ректор Люблянского университета в 1939–1941 гг.

Претнар, председатель общества «Национальная галерея» Фран Виндишер¹⁹, бывший министр Новак с супругой, глава общества журналистов Ст. Вирант, поэт Силвин Сарденко²⁰. Куратором выставки являлся Франц Краль²¹. Газета «*Jutro*» особо отмечала, что Ф. Краль не нуждается в особом представлении — это маститый художник, который уже имеет учеников, и его работы хорошо известны зрителю. Помимо него в выставке приняли участие начинающие скульпторы Милена Долган²², Иван Штрекель²³, Владимир Якич и художник Лойзе Перко²⁴.

В июне на выставке современного словенского искусства²⁵ были выставлены скульптуры и картины Карела Путриха²⁶, Зденко Калины²⁷, Франчишека Смерду²⁸, Олафа Глобочника²⁹, Стане Крегара³⁰, Миши Малеша³¹, Зорана Мушича³², Николая Омерсы³³, Марии Пугеля³⁴, Максима Седея³⁵.

¹⁹ Виндишер Фран (1877–1955) — с 1929 по 1946 г. являлся председателем общества «Национальная галерея», с 1937 по 1948 г. был председателем искусствоведческо-исторического общества в Любляне. Собирал картины и скульптуры, которые передавал Национальной галерее. Интересовался современной словенской живописью, оказывал финансовую поддержку художникам. После Второй мировой войны его коллекция стала основой Современной галереи в Любляне.

²⁰ Сарденко Силвин (1876–1942) — словенский поэт, священник. Являлся постоянным автором литературного издания «*Dom in svet*». Известны его сборники поэзии «Молодым утром» (1903), «Рим» (1906), «Небо пылает» (1916), «Девичьи песни» (1922), «Тройной колос» (1938).

²¹ Краль Франц (1895–1960) — словенский художник, скульптор, преподаватель.

²² Долган Милена (1917–1945). В 1942 г. ушла в партизаны. Участвовала в подготовке выставки партизанской печати и искусства в 1945 г. Погибла в автокатастрофе в июле 1945 г.

²³ Штрекель Иван (1916–1975) — словенский скульптор. Автор памятника заложникам в Любляне.

²⁴ Перко Лойзе (1909–1980) — словенский художник пейзажист, иллюстратор. Иллюстрировал книгу поэта Франа Левстика «Мартин Крпан» (1942).

²⁵ *Jutro*. 1941. 5 VI.

²⁶ Путрих Карел (1910–1959) — словенский скульптор, автор памятника погибшим в годы Первой мировой войны в Жирах, скульптурных портретов героев народно-освободительной войны.

²⁷ Калин Зденко (1911–1990) — словенский скульптор, автор памятников Симону Грегоричу (1937), Борису Кидричу (1960).

²⁸ Смерду Франчишек (1908–1964) — словенский и югославский скульптор. Был соавтором при создании памятника павшим в годы Первой мировой войны в Требинье (1933), автор портретов Й. Чопу, Й. Гостичу, В. Янко (1942), погибшим борцам НОБ (1953). Был известен за пределами Словении. Его выставки проходили в Москве, Ленинграде, Варшаве, Триесте.

²⁹ Глобочник Олаф (1904–1991) — словенский художник. Фотографии его работ регулярно печатались в журнале «*Dom in svet*».

³⁰ Крегар Стане (1905–1973) — словенский и югославский художник. Лауреат премии Франце Прешерна 1971 г. Известен своими картинами на религиозные мотивы. Автор витражей Францисканской церкви в Мариборе. Иллюстрировал книги.

³¹ Малеш Миша (1903–1987) — словенский художник. Привнес в словенскую культурную жизнь популяризацию искусства, издавал первый журнал об искусстве «*Umetnost*» (1936–1945).

³² Зоран Мушич (1909–2005) — словенский художник. В годы оккупации было организовано несколько его выставок. После капитуляции Италии в 1943 г. переселился в Триест. В 1944 г. был арестован по подозрению в сотрудничестве с антифашистским движением, интернирован в Дахау, где находился до конца войны. После освобождения вернулся в Любляну, но был вынужден уехать из Югославии, поскольку ему не могли простить выставок в годы войны. Жил в Италии, Франции, Швейцарии.

³³ Омерса Николай (1911–1981) — словенский художник. В годы войны был интернирован в Дахау. После преподавал в Академии изобразительных искусств в Любляне. Был лауреатом премии Франце Прешерна в 1978 г.

³⁴ Пугель Марий (1913–1967) — словенский художник. В годы войны был интернирован в лагерь смерти. Известен как иллюстратор Илиады и Одиссея.

³⁵ Седей Максим (1909–1974) — словенский художник. В 1950–1973 гг. — профессор Академии живописи в Любляне. Получил награду им. Левстика в 1953 г. за иллюстрации к книге «Тысяча и одна ночь». В 1967 г. был удостоен премии Прешерна.

В июле состоялась выставка картин Эда Держая³⁶, на ней художник представил горные пейзажи³⁷, а 8 июня была открыта выставка Хинко Смерекара³⁸.

В августе состоялась выставка М. Гаспари³⁹. Вместе с ним были выставлены скульптурные работы Дремеля⁴⁰ и Смерду. Всего зрителю было представлено 83 картины. В статье, посвященной выставке, отмечалось, что Гаспари в свое время не было уделено должного внимания⁴¹. Сам Гаспари отметил, что он занимается 40 лет живописью, но это его первая персональная выставка⁴². Особое внимание на выставке привлекли работы скульптора Стане Дремеля, который представил зрителям медальоны с изображенными на них словенскими выдающимися деятелями. Газета «*Jutro*» напечатала довольно обширное интервью, в котором скульптор рассказал о своей работе и ближайших планах⁴³. Франчишек Смерду, скульптор малых форм, в интервью отметил, что через миниатюрное искусство зритель легче поймет монументальные пластические формы⁴⁴.

В сентябре открылась персональная выставка молодого художника Лойзе Перко. Верховный комиссар выделил художнику стипендию, с тем чтобы он в октябре 1941 г. отправился во Флоренцию повышать свое мастерство⁴⁵. В сентябре же была открыта выставка Клуба словенских художественных деятелей «Лада»⁴⁶. Из двадцати членов клуба в выставке приняли участие четырнадцать. Среди них Смерекар и скульптор Иван Зайц⁴⁷. На выставке было представлено более 80 работ. Зрители увидели новые произведения Ивана Вавпотича⁴⁸, картины Саши Шантела⁴⁹, Тине Горьюпа, Альберта Сирка⁵⁰, Элды Пишчанец⁵¹, Бары Ремец⁵² и Миры Прегель⁵³, а также скульптуры Доры Пайнич.

³⁶ Держай Эдо (1904–1980) – словенский писатель и художник. Автор книг по юношескому альпинизму. Сам иллюстрировал свои книги.

³⁷ Slovenski dom. 1941. 5 VI.

³⁸ Смерекар Хинко (1883–1942) – словенский художник, иллюстратор. Автор многочисленных сатирических рисунков и карикатур. Создавал обложки для книг Ивана Цанкара. В 1942 г. был арестован и расстрелян за сотрудничество с Освободительным фронтом.

³⁹ Гаспари Максим (1883–1980) – словенский художник. Лауреат премии Прешерна в 1953 г. Автор иллюстраций для книги «Словенские народные сказки».

⁴⁰ Дремель Стане (1906–1992) – словенский скульптор. Автор миниатюр из бронзы, золота.

⁴¹ Jutro. 1941. 8 VIII.

⁴² Slovenec. 1941. 9 VIII.

⁴³ Jutro. 1941. 14 VIII.

⁴⁴ Jutro. 1941. 15 VIII.

⁴⁵ Jutro. 1941. 11 IX.

⁴⁶ Jutro. 1941. 18 IX.

⁴⁷ Зайц Иван (1869–1952) – словенский скульптор. В 1950 г. стал лауреатом премии Ф. Прешерна.

⁴⁸ Вавпотич Иван (1877–1943) – словенский художник, представитель академического реализма, портретист, пейзажист.

⁴⁹ Шантел Саша (1883–1945) – словенский художник, скрипач, композитор. Его картина «Словенские композиторы» украшает малый зал Словенской филармонии.

⁵⁰ Сирк Альберт (1887–1947) – словенский художник. Во время оккупации был выселен в Сербию в Заечар. По возвращении преподавал живопись в Портороже, Триесте.

⁵¹ Пишчанец Элда (1897–1967) – словенская художница. В 1940–1946 гг. занималась росписью церкви в Страницах при Коньницах.

⁵² Ремец Бара (1910–1991) – словенская и аргентинская художница. После войны, опасаясь репрессий, бежала в Австрию, затем в Италию и Аргентину. Получила известность как иллюстратор.

⁵³ Прегель Мира (1905–1966) – словенская художница. Популярность получила в 1950-х годах.

30 ноября 1941 г.⁵⁴ открылась выставка мастеров импрессионизма Рихарда Якопича⁵⁵, Матии Ямы⁵⁶, Матея Стернена⁵⁷ и Фердо Весела⁵⁸. На обозрение публики было выставлено 35 картин. В начале декабря⁵⁹ открылась выставка Дебеньяка⁶⁰, Якаца.

Преобразования коснулись и внешнего облика Любляны. В начале августа в прессе сообщалось о подготовке к реставрации Люблянского замка. Отмечалось, что в скором времени будут отреставрированы угловая башня и северо-западное крыло с правой стороны северного входа, где в круглой башне будет открыта смотровая площадка. Также в замке собирались установить новые монументальные ворота⁶¹.

В августе были закончены работы по обновлению площади Амброжа (Ambrožev trg). В газете «*Jutro*» сообщалось, что теперь площадь приобрела совсем иной вид. Посреди нее разбили маленький парк с небольшим памятником в центре, а для удобства перехода на Полянскую улицу была построена лестница из резного камня, отмечалось, что реконструированная площадь стала «красивым приобретением обновленной Любляны»⁶².

13 августа верховный комиссар встретился с архитектором Йосипом Плечником⁶³. Грациоли интересовали его работы и планы на ближайшее будущее. На встрече присутствовал жупан Адлешич.

В начале сентября сообщалось об обновлении Шубичевой улицы: ее расширили и продолжили строительство монументального здания Урсулинской гимназии по проекту Й. Плечника. Музейная площадь также приобрела новый вид. Была обновлена Бетховенова улица (улица Бетховена), которая до этого была тупиком. Теперь же горожане легко могли попасть через нее на Шеленбургову улицу (современная Словенска цеста).

30 сентября открылась выставка эскизов модернизации Любляны. На открытии присутствовали жупан Адлешич, председатель инженерной палаты Пиркмайер, председатель Общества домовладельцев Фрелих, председатель Журналистского общества Железника⁶⁴, председатель Общества деятелей изобразительного искусства Шантел⁶⁵. Особое внимание привлек проект Эдварда Равнихара⁶⁶, который представил Люблянину как современный город из стекла и бетона⁶⁷.

⁵⁴ *Jutro*. 1941. 30 XI.

⁵⁵ Якопич Рихард (1869–1943) – словенский художник-импрессионист. Построил первую словенскую выставочную галерею известную как Якопичев павильон. Сделал многое для открытия Национальной галереи.

⁵⁶ Яма Матия (1872–1947) – словенский художник. Автор плакатов и иллюстраций. Был иллюстратором издания «*Dom in svet*».

⁵⁷ Стернен Матей (1870–1949) – словенский художник и реставратор.

⁵⁸ Весел Фердо (1861–1946) – словенский художник.

⁵⁹ *Jutro*. 1941. 12. XII.

⁶⁰ Дебеньяк Рико (1908–1987) – словенский академический живописец и график. Выставлялся во многих странах мира. Возглавлял кафедру графики Академии изобразительных искусств в Любляне.

⁶¹ *Jutro*. 1941. 9 VIII.

⁶² *Jutro*. 1941. 12 VIII.

⁶³ Плечник Йосип (1872–1957) – словенский архитектор. Автор Тройного моста, здания Национальной и Университетской библиотеки, Люблянского рынка, костела Пресвятого сердца Господня в Праге.

⁶⁴ Железникар Александр (1890–1952). В 1920–1941 гг. являлся редактором многих люблянских газет. В 1942 г. за сотрудничество с ОФ был арестован в качестве заложника.

⁶⁵ *Jutro*. 1941. 1 X.

⁶⁶ Равникар Эдвард (1907–1993) – словенский архитектор, педагог. Ученик Й. Плечника. Автор Максмаркета и Цанкарьева дома (дом Цанкара).

⁶⁷ *Jutro*. 1941. 5 X.

В октябре при посещении Любянского оперного театра верховный комиссар согласился с тем, что театр нуждается в увеличении площади не только зрительского сектора, но и технического⁶⁸. Планировалось полностью заменить котельную, на первом этаже должен был разместиться зал для женской балетной труппы, на втором этаже – зал для мужской балетной труппы и большой балетный зал. Реконструкция крыши обеспечивала дополнительные помещения для хранения костюмов. Кроме того, планировалось сделать два зала для оркестровых репетиций и две хорошо освещенные мастерские.

Репертуар театров не сильно изменился. Состоялось несколько премьер. В сентябре в Люблянском драматическом театре была поставлена пьеса Гена Сенечича «Необычный человек», режиссер и исполнитель главной роли Й. Кович⁶⁹. В Словенском национальном театре состоялась премьера пьесы Рино Алесси⁷⁰. Зрителю был представлен новый спектакль «Гамлет»⁷¹ со Славко Яном в главной роли⁷².

В Любляне проходило много музыкальных вечеров и концертов. Особым событием стал концерт двух словенских пианисток Марты Остерц-Вальало⁷³ и Сильвы Храшовец⁷⁴, исполнивших произведения для двух роялей⁷⁵.

Концерт современной танцевальной джазовой музыки состоялся в начале октября в Францисканском зале. Выступили четыре оркестра, среди них один новый под руководством Кроупа. Первым выступил оркестр Бояна Адамича⁷⁶, далее – оркестр «Ритмика» под руководством Водопивца и оркестр Кроупа. Завершил концерт оркестр «Веселые нищие» Ото Юговеца⁷⁷.

10 ноября в Филармонии прошел концерт⁷⁸ ректора Музыкальной академии Антона Троста⁷⁹.

17 ноября состоялся большой концерт Музыкальной матицы в зале Унион⁸⁰. На концерте была представлена словенская современная музыка. Особое внимание уделено исполнению контаты Х. Саттнера⁸¹. Выступили певцы Юлий Бететто,

⁶⁸ Jutro. 1941. 23 X.

⁶⁹ Jutro. 1941. 6 IX.

⁷⁰ Алесси Рино (1885–1970) – итальянский журналист, редактор и писатель. После капитуляции Италии был редактором триестского журнала «*Il Piccolo*». Его пьесы ставились в Словенском национальном театре. В 1941 г. поставлена «Екатерина Медичи».

⁷¹ Jutro. 1941. 5 X.

⁷² Ян Славко (1904–1987) – словенский актер. Преподаватель Театральной академии. Лауреат премии Прешерна в 1948 и в 1980 г.

⁷³ Остерц-Вальало Марта (1909–1943) – словенская пианистка-виртуоз. В 1941 г. вышла замуж за капитана югославской армии Петра Бизьяка и в 1943 г. ушла вместе с ним в партизаны. В ходе немецкого наступления была убита вместе с мужем.

⁷⁴ Храшовец Сильва (1910–1994) – словенская пианистка, автор учебников по музыке.

⁷⁵ Jutro. 1941. 24 IX.

⁷⁶ Адамич Боян (1912–1995) – словенский музыкант и композитор. До 1943 г. выступал с концертами и выручку от выступлений передавал ОФ. В 1943 г. ушел в партизаны, служил в Люблянской бригаде. Возглавил в 1944 г. оркестр Главного штаба. Выступал на радио ОФ. После войны создал Танцевальный оркестр РТВ Любляны. Писал музыку для кинофильмов.

⁷⁷ Юговец Ото – словенский архитектор. В годы войны участвовал в партизанском движении. Автор здания института в Подгорице при Чрнучах, мемориала в Кочевском Роге.

⁷⁸ Jutro. 1941. 13 XI.

⁷⁹ Трост Антон (1889–1973) – словенский музыкант и педагог.

⁸⁰ Jutro. 1941. 20 XI.

⁸¹ Саттнер Хуголин Франц (1851–1934) – словенский композитор, священник.

Богдана Стритарьева, Валерия Хейбалова. Далее были исполнены произведения Лайовиц⁸², Арнич⁸³. Оркестр выступал под руководством Хубада Само⁸⁴.

В конце ноября⁸⁵ в Францисканском зале состоялось выступление меццо-сопрано Милы Радев-Когеевой, примы-балерины Эрны Махарьевой, премьеры Бориса Пилато⁸⁶ и капельмейстера Димитрия Жебре⁸⁷.

В декабре Люблянское отделение фашистской национальной организации «После работы» (*Opera Nazionale Dopolavoro*), занимавшейся организацией досуга населения, подготовило концерт ко дню вооруженных сил. Представление состояло из певческих и танцевальных номеров. Выступал оркестр радио, а также члены оперной труппы: Ксения Видалиева, Мила Когеева, Рудольф Султцер. На концерте присутствовали солдаты Сардинских гренадеров с их командиром Тадео Орландо⁸⁸.

В начале декабря состоялся концерт известного словенского скрипача Карло Рупела в зале Унион, аккомпанировала Зора Заринкова⁸⁹.

В середине декабря прошел концерт танцевальной музыки Бояна Адамича⁹⁰, который был родоначальником словенского джаза, и приложившего немало усилий для того, чтобы это музыкальное направление получило признание консервативной словенской публики.

Что касается литературы, то в годы оккупации выходило много словенских и переводных итальянских книг. О наиболее значимых событиях в мире литературы сообщала пресса. Так, о выходе из печати сборника «Золотые лестницы» Алойза Градника⁹¹ информировала газета «*Jutro*»⁹². В мае в литературном еженедельнике «*Meridiano di Roma*» вышла рецензия профессора Умберто Урбани⁹³ на сборник стихов А. Градника, рецензия была перепечатана в словенской прессе. В ней Урбани отметил, что Градник самый выдающийся словенский поэт: «Сборник стихов “Золотые лестницы” — это самый большой подарок, который принес 1941 год словенскому народу в области культуры»⁹⁴.

В начале июня был проведен вечер в память 40-летней годовщины кончины поэта Йосипа Мурна-Александрова (1879–1901). В конце июня в Национальном театре состоялся словенско-итальянский литературный вечер.

⁸² Лайовиц Антон (1878–1960) — словенский композитор. Лауреат премии Прешерна 1954 г. Автор вокальных произведений.

⁸³ Арнич Блаж (1901–1970) — словенский композитор, музыкант. В 1940–1943 гг. преподавал в средней школе Музыкальной академии в Любляне. Был заключен в лагерь Дахау. Освобожден в 1945 г. Далее преподавал в Музыкальной академии. Он написал восемь симфоний, несколько симфонических поэм и сольных концертов. В 1947 г. получил премию Прешерна за сочинение «Леса поют».

⁸⁴ Само Хубад (1917–2016) — словенский дирижер. В молодости руководил *Big Band* радио Любляны. В 1942–1958 гг. был дирижером в Театре оперы и балета в Любляне, с 1948 по 1952 г. являлся директором театра.

⁸⁵ *Jutro*. 1941. 25 X.

⁸⁶ Пилато Борис (1914–1997) — словенский и немецкий танцовщик, хореограф. Ученик Елены Поляковой. В 1950-е годы один из основоположников модернизма в современном балете.

⁸⁷ Жебре Димитрий (1912–1970) — словенский дирижер, композитор.

⁸⁸ *Jutro*. 1941. 4 XII.

⁸⁹ *Jutro*. 1941. 4 XII.

⁹⁰ *Jutro*. 1941. 13 XII.

⁹¹ Градник Алойз (1882–1967) — словенский поэт. Был интернирован в лагерь Гонарс (1942–1943).

⁹² *Jutro*. 1941. 10 IV.

⁹³ Урбани Умберто (1888–1967) — итальянский славист, переводчик со словенского и хорватского языков. В 1943–1947 гг. преподавал словенский язык на философском факультете в Триесте.

⁹⁴ *Jutro*. 1941. 11 V.

С вступительным словом выступил У. Урбани. В ходе вечера артисты Национального театра М. Болтар⁹⁵, М. Данилова⁹⁶, М. Шарич⁹⁷, Дебевец, Ян, Э. Краль⁹⁸ и Левар⁹⁹ читали стихи итальянских поэтов в переводе Градника и словенские стихи в итальянском переводе Салвинии, Урбани, Шинковец-Майера, Самера.

В обзоре наиболее выдающихся словенских книг, изданных в 1941 г., были названы: сборник Алоизия Градника «Золотые лестницы», роман Миры Пуцовой¹⁰⁰ «Лицо в зеркале», сборник новелл Эмила Фрелиха «Матери»¹⁰¹, две книги новелл и сатиры Нарта Великонья¹⁰², повесть Фижгара «Господин Горный поток», повесть Янеза Елена¹⁰³ «Толпа без колокольчиков», повесть Мирана Ярца¹⁰⁴ «Бесплодный дом». В конце года вышли новые романы Рудольфа Кресала¹⁰⁵ «Никодемова жена» и Ивана Бучера¹⁰⁶ «Дом на краю».

В целом вторая половина 1941 г. прошла для словенской интеллигенции в привычном ритме, без особых потрясений. Однако по мере усиления репрессивных действий итальянских оккупационных властей, денационализации провинции, вытеснения словенского языка из образования и делопроизводства рос процент тех, кто не хотел мириться со сложившимся положением дел и вступал в ряды Народно-освободительной армии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НОБ – Народно-освободительная борьба
ОФ – Освободительный фронт
РТВ Любляна – Радио-телевидение Любляна

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Jutro. 1941.
Slovenec. 1941.
Slovenski dom. 1941.

⁹⁵ Болтар Милева Укмар (1906–1971) – актриса Национального театра. Была осуждена после Второй мировой войны за участие в концерте в 1943 г. в память поэта Франце Балантича, примкнувшего к домобранцам. Затем работала в Национальном театре.

⁹⁶ Данилова Мира (1899–1979) – ведущая актриса Национального театра. Лауреат премии Прешерна в 1948 и 1955 г. В годы войны продолжала служить в театре.

⁹⁷ Шарич Мила (1891–1977) – актриса Национального театра. В 1950 и 1970 гг. удостоена премии Прешерна.

⁹⁸ Краль Эмил (1895–1945) – словенский актер и режиссер.

⁹⁹ Левар Иван (1888–1950) – словенский актер, певец.

¹⁰⁰ Пуцова Мира (Михелич Мира) (1912–1985) – словенская писательница, переводчица. В годы войны дважды была арестована за сотрудничество с ОФ. Написала 17 романов.

¹⁰¹ Фрелих Эмил (1912–2007) – словенский оперный режиссер, сценограф и публицист. В 1941 г. вышел его сборник новелл «Матери», в 1943 – «Несовершеннолетье», в 1945 г. – «Старый Матия».

¹⁰² Великонья Нарте (1891–1945) – словенский писатель. В годы немецкой оккупации сотрудничал с Леоном Рупником, был ответственен за пропаганду против народно-освободительного движения. На процессе, проведенном военным трибуналом в июне 1945 г., был приговорен к расстрелу.

¹⁰³ Елен Янез (1891–1966) – словенский писатель, драматург, священник.

¹⁰⁴ Ярц Миран (1900–1942) – словенский писатель, драматург, публицист и переводчик. В июне 1942 г. арестован итальянскими оккупантами. По дороге в лагерь Гонарс был освобожден партизанами, к которым присоединился, занимался пропагандой, получил псевдоним Янез Сухи. Был убит во время итальянского наступления в 1942 г.

¹⁰⁵ Кресал Рудольф (1905–1975) – словенский писатель, журналист, редактор, переводчик.

¹⁰⁶ Бучер Иван (1910–1950) – словенский писатель, альпинист. Погиб в горах в результате несчастного случая.

Zbornik dokumenata i podatka o narodnooslobodilačkom ratu. Beograd, Vojnoistorijski Institut, 1949–1986. T. XIII: Knj. 1. Dokumenti Kraljevine Italije 1941. (17. april 1941.– 31. decembar 1941), 1969, 798 s. (In Serbian)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ciano G.* The Ciano Diaries 1939–1943. New York: Doubleday and Company, 1946. 584 p.
2. *Mlakar B.* Slovenski «meščanski» tabor in okupacija // Slovenska novejša zgodovina 1841–1992. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005. Knj. 1. S. 601–605.
3. *Šorn M.* Življenje ljubljancanov med drugo svetovno vojno. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2007. 499 p.

REFERENCES

- Ciano G. *The Ciano Diaries 1939–1943*. New York, Doubleday and Company Publ., 1946, 584 p.
- Mlakar B. Slovenski «meščanski» tabor in okupacija. *Slovenska novejša zgodovina 1841–1992*, Ljubljana, Mladinska knjiga Publ., 2005, knj. 1, pp. 601–605. (In Sloven.)
- Šorn M. *Življenje ljubljancanov med drugo svetovno vojno*. Ljubljana, Inštitut za novejšo zgodovino Publ., 2007, 499 p. (In Sloven.)

Информация об авторе

Пилько Надежда Сергеевна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Отдела истории славянских народов
в период мировых войн
Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-1600-8563
E-mail: nbg2005@mail.ru

Information about the author

Pilko Nadezhda S.,
Ph D. (History), Senior Researcher
at the Department
of the History of the Slavic
Peoples during interwar period,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-1600-8563
E-mail: nbg2005@mail.ru

Славяноведение, 2022, № 3, с. 32–51

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 3, pp. 32–51

DOI: 10.31857/S0869544X0019973-3

Оригинальная статья / Original Article

Венгерский кризис осени 1956 г. и дискуссии в ООН

© 2022 г. А.С. Стыкалин

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

zhurslav@gmail.com

Аннотация. Мощнейшее восстание в Будапеште 23 октября 1956 г., сразу поставившее под угрозу существование коммунистического режима в Венгрии, и ввод советских войск в целях его подавления вызвали широкий международный резонанс, что привело 28 октября к постановке «венгерского вопроса» в повестку дня ООН. Однако начавшийся 29 октября военный конфликт на Ближнем Востоке (боевые действия Великобритании, Франции и Израиля против Египта, национализировавшего Суэцкий канал) переключил основное внимание мирового сообщества с Венгрии на себя, причем возникшие между США и их западными союзниками разногласия создали более благоприятный фон для осуществления Советским Союзом 4 ноября решающей военной акции по смене власти в Венгрии. В ноябре, по мере ослабления напряженности на Суэцком канале, обсуждение положения в Венгрии вышло в ООН на первый план. В условиях противодействия СССР принятие Генассамблеей ООН в ноябре – декабре 1956 г. многочисленных резолюций по Венгрии не приносило реального эффекта, за исключением тех, что позволили улучшить положение 200 тыс. венгерских беженцев, устремившихся после подавления революции в Австрию и Югославию.

Ключевые слова: Венгрия, венгерский кризис 1956 г., Суэцкий кризис 1956 г., Организация объединенных наций, международные отношения в 1950-е годы.

Ссылка для цитирования: *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис осени 1956 г. и дискуссии в ООН // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 32–51. DOI: 10.31857/S0869544X0019973-3

The Hungarian Crisis in the Autumn of 1956 and Discussions at the UN

© 2022. Alexander Stykalin

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

zhurslav@gmail.com

Abstract. The most powerful uprising in Budapest on October 23, 1956, which immediately threatened the existence of the communist regime in Hungary, and the introduction of the Soviet troops to suppress it caused a wide international resonance, which led on October 28 to putting the «Hungarian question» on the UN agenda. However, with

the unleashing of the military conflict in the Middle East on October 29 (the military operations of Great Britain, France and Israel against Egypt, which nationalized the Suez Canal), the main attention of the world community switches from Hungary to the Middle East. The disagreements that arose between the United States and their Western allies created a more favorable background for the Soviet Union to implement on November 4 a decisive military action to change the government in Hungary. In November, as the tension on the Suez Canal eases, the discussion of the situation in Hungary comes to the fore in the UN. In the face of opposition from the USSR, the adoption by the UN General Assembly in November – December 1956 of numerous resolutions on Hungary did not bring any real effect, with the exception of those that made it possible to improve the situation with 200 thousand Hungarian refugees who rushed to Austria and Yugoslavia after the suppression of the revolution.

Keywords. Hungary, Hungarian crisis of 1956, Suez crisis of 1956, United Nations, international relations in the 1950s.

Reference for citation: *Stykalin Alexander S.* The Hungarian Crisis in the Autumn of 1956 and Discussions at the UN // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie.* 2022. No 3. P. 32–51. DOI: 10.31857/S0869544X0019973-3

Включение «венгерского вопроса» в повестку дня ООН, вызванное советской интервенцией в Венгрии осенью 1956 г., и его последующее обсуждение неоднократно привлекали внимание исследователей, позволив воссоздать хронологическую канву основных событий [5; 7]. Однако до сих пор сохраняется поле для дискуссий. Какие мотивы заставляли США и их союзников удерживать вплоть до 1963 г. «венгерский вопрос» в качестве предмета обсуждения на сессиях Генассамблеи ООН несмотря на то, что уже к осени 1959 г. (ко времени известной сентябрьской поездки Н.С. Хрущева в США) он явно не относился к числу факторов, хоть сколько-нибудь отягощавших американо-советские отношения? Идет ли речь только о нежелании Вашингтона отказаться от реального (пусть не всегда эффективного) рычага давления на кадаровскую Венгрию в целях дальнейшей либерализации ее внутривластного режима или за этим стояли расчеты более общего порядка, связанные с острой конкуренцией сверхдержав за влияние в мире? Любые попытки разобраться в сути «венгерского вопроса» как предмета рассмотрения в ООН могут быть основаны только на тщательной реконструкции его генезиса и последующей эволюции с учетом не только изменений внутривластной обстановки в Венгрии, но и широкого международного контекста. В центре внимания настоящей статьи конкретные обстоятельства постановки «венгерского вопроса» в повестку дня ООН вскоре после начала восстания и его активное обсуждение как на Совбезе, так и на Генассамблее ООН в первые месяцы после подавления восстания, вплоть до образования в январе 1957 г. специальной комиссии ООН по Венгрии, которой было поручено отслеживать дальнейшую ситуацию в стране и предоставлять соответствующую информацию на рассмотрение новых сессий Генассамблеи.

Мощнейшее восстание в Будапеште, начавшееся к вечеру 23 октября 1956 г., уже через считанные часы перестало быть внутренним делом одной лишь Венгрии, оказавшись в центре внимания мировой общественности, – ведь на его подавление были брошены значительные внешние силы. К утру 24 октября в венгерскую столицу в целях «наведения порядка» были введены части Особого корпуса советских войск, дислоцированного в стране; на территорию Венгрии оперативно перебрасывались также новые воинские соединения из СССР. Внешнее вмешательство лишь подлило масла в огонь, придав разгоравшемуся с каждым часом восстанию отчетливо выраженный национальный характер,

поскольку речь теперь шла уже не только о массовом протесте против собственного коммунистического режима, но прежде всего о защите национальных интересов в условиях военной интервенции соседней державы. Несмотря на безотлагательную поддержку, оказанную режиму извне, стихийно вспыхнувшее восстание распространилось на всю Венгрию; в последующие дни как в Будапеште, так и по всей стране происходил распад действующих партийно-государственных структур, власть переходила к повсеместно формировавшимся снизу революционным комитетам и рабочим советам.

В связи с советским силовым вмешательством в Венгрию закономерно родилась инициатива обсудить положение в этой стране в стенах ООН. Госсекретарь США Дж.Ф. Даллес санкционировал 25 октября подготовку письма с осуждением политики СССР, которое, предварительно согласовав с представителями Великобритании и Франции, предстояло передать на рассмотрение Совбеза ООН пока еще без официального вынесения вопроса на обсуждение. Поскольку напряженность в Венгрии с каждым днем усиливалась (инцидент у здания парламента 25 октября с участием советских танков привел к десяткам человеческих жертв, после этого повсеместно начали формироваться повстанческие отряды), 27 октября, после некоторого выжидания, США, которых поддержали Великобритания и Франция, потребовали срочного созыва Совета Безопасности ООН для рассмотрения вопроса «О положении в Венгрии» со ссылкой на статью 34 Устава ООН, касающуюся ситуаций, которые представляют угрозу международному миру и безопасности. Вопрос был включен в повестку дня заседания Совбеза, запланированного на следующий день, 28 октября. Заседание началось в 16:15 по нью-йоркскому времени (в 0.15 29 октября по московскому). Впервые с начала в 1950 г. войны в Корее заседание было назначено на воскресный вечер. За это проголосовали девять членов Совбеза – четыре постоянных и пять непостоянных. Против выступил СССР, являвшийся постоянным членом¹, воздержалась титовская Югославия, непостоянный член Совбеза².

Великобритания и Франция в эти дни вплотную занимались подготовкой военной акции против Египта, который национализировал в конце июля 1956 г. Суэцкий канал, принадлежавший совместной британско-французской компании, и не был склонен идти под внешним давлением на компромисс. Фактически безрезультатными оказались как международная конференция по суэцкому вопросу в Лондоне 16–23 августа, так и обсуждение этого вопроса в Совбезе ООН 5–13 октября. 22 октября, в самый канун венгерского восстания, во французском городе Севре состоялось секретное совещание высокопоставленных представителей военных ведомств Великобритании, Франции и подключившегося к ним Израиля, на котором были согласованы детали военной операции в связи с каналом: начало ей должно было положить наступление израильских войск на Синайском полуострове 29 октября. Вспыхнувшее венгерское восстание, с одной стороны, отвлекало внимание мировой

¹ Необходимо помнить о том, что место Китая как постоянного члена Совбеза ООН до 1971 г. занимала не КНР, а гоминьдановское правительство Тайваня.

² Представитель Югославии в ходе обсуждения заявил, что постановка вопроса в Совбезе способна лишь осложнить положение в Венгрии и создать затруднения в деятельности венгерского правительства по восстановлению порядка в стране (утром 24 октября правительство под давлением снизу возглавил совсем недавно вышедший из опалы Имре Надь, премьер-министр в 1953–1955 гг. с репутацией коммуниста-реформатора). Вместе с тем Югославия при голосовании воздержалась, что было объяснено ее принципиальным неприятием присутствия иностранных войск на территории суверенных государств.

общественности, на протяжении последних трех месяцев неустанно следившей за развитием событий на Ближнем Востоке и ждавшей развязки. Но, с другой стороны, восстание, тем более в силу неопределенности его перспектив, явилось осложняющим внешним фактором, который нельзя было совсем не принимать во внимание в ходе военных приготовлений и сопровождавших их дипломатических усилий. 25 октября британский МИД в ответ на зондирования со стороны Вашингтона указал своему представителю в ООН на преждевременность обсуждения «венгерского вопроса» ввиду неясности вектора дальнейшего развития событий в Венгрии.

Однако в Вашингтоне придерживались иной точки зрения. Подходила к развязке кампания по выборам президента, в ходе которой Д. Эйзенхауэру предстояло баллотироваться на второй срок. На этом фоне действующая администрация ради повышения своего престижа была склонна инициировать постановление «венгерского вопроса» в ООН в целях демонстрации собственных миротворческих усилий. После того как с американской стороны была проявлена инициатива, к ней подключились европейские союзники США, не желавшие показывать свои разногласия с Вашингтоном в условиях осложнившейся ситуации в советской сфере влияния в Восточной Европе. 27 октября МИД Франции дал инструкции представителю страны в ООН, которому предстояло на следующий день председательствовать на заседании Совбеза. В соответствии с ними, предложения по венгерскому вопросу не должны были содержать положений, способных затруднить политику Франции не только на Ближнем Востоке, но и во французской сфере влияния в Северной Африке, особенно в Алжире, где активизировалось антиколониальное движение. В частности, было сочтено нецелесообразным отражать в принятых резолюциях вопрос о нарушениях прав человека в Венгрии, ибо сама его постановка могла быть использована против Франции в алжирском вопросе [11].

В связи с включением «венгерского вопроса» в повестку дня Совбеза ООН правительство Венгерской Народной Республики направило в ООН заявление, в котором был выражен протест. В нем говорилось, что события, происходящие в стране, являются исключительно внутренним делом ВНР и не относятся к компетенции ООН, поскольку не угрожают делу мира и безопасности во всем мире³. Согласно изложенной позиции, «рассмотрение таких вопросов в ООН означало бы серьезное ущемление суверенитета ВНР и явно противоречило бы принципам, изложенным в Уставе ООН». Это мнение было доведено венгерской дипмиссией в Вашингтоне и до сведения госдепартамента США, причем участие советских войск в подавлении антиправительственных выступлений в Венгрии было названо «абсолютно законным в соответствии с Варшавским пактом», хотя это не отвечало действительности⁴.

В Будапеште с 24 октября находились высокопоставленные советские эмиссары, члены Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян и М.А. Сулов, каждый день направлявшие в Москву донесения о ходе своей миссии⁵. Как явствует из документов, отражающих каждодневные советско-венгерские контакты на высоком уровне, заявление венгерского правительства в ООН было сделано по настоянию советского руководства⁶, но при согласии премьер-министра Имре

³ Заявление было составлено на английском языке. См. в венгерском переводе [6. 89–91. old.].

⁴ Проблема соответствия этой акции букве Варшавского пакта [4].

⁵ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. Раздел 3.

⁶ А «Jelcin-dosszié». Szovjet dokumentumok 1956-ról. Budapest, 1993. 100–103. old.

Надя. При этом в тексте правительства ВНР были смягчены некоторые предложенные советской стороной формулировки, в частности, был опущен тезис о решающей роли в венгерских событиях подрывной деятельности империалистических держав. С трибуны Совбеза ООН заявление обнародовал приглашенный на заседание постоянный представитель Венгрии в ООН Петер Кош⁷. Его поддержал постоянный представитель СССР А.А. Соболев, сославшийся на то, что в нарушение традиций Совбеза вопрос был вынесен на обсуждение без предварительной консультации с другими членами Совбеза, в частности с СССР. Срочный созыв заседания по внутреннему венгерскому вопросу, по его словам, не только противоречил Уставу ООН (ст. 2, налагающей запрет на вмешательство ООН во внутренние дела отдельных стран), но в принципе не был оправдан обстоятельствами. После шестичасового обсуждения заседание закрылось наложением вето с советской стороны⁸.

Об обсуждении вопроса в ООН и официально заявленной позиции своего правительства венгерская публика могла узнать из сообщений радио (в том числе радиостанции «Свободная Европа») и газет, ставших в те дни неподцензурными. Сам факт внимания ООН к использованию в Венгрии иностранной военной силы был встречен в венгерском обществе позитивно, о чем свидетельствуют многочисленные источники личного происхождения – мемуары, интервью, взятые методом *oral history*⁹. Безрезультатность заседания от 28 октября, напротив, вызвала разочарование, однако внимание западного общественного мнения к положению в стране и факты публичного выражения симпатий венгерским повстанцам питали новые надежды.

Что же касается позиции венгерского представителя в ООН, то она породила в Венгрии настоящий взрыв негодования. С ее осуждением выступил и образованный в конце октября в венгерском МИД (как и во многих других государственных учреждениях страны) революционный комитет, выражавший волю сотрудников, поддержавших требования восставших масс. В его первом, обнародованном 30 октября, заявлении не только провозглашалась необходимость безотлагательной выработки принципов независимой внешней политики Венгрии, но и содержалось требование о немедленном отзыве П. Коша из Нью-Йорка¹⁰. Венгерское общественное мнение, явно не принимавшее советское военное вмешательство, связывало надежды на нормализацию обстановки и вывод советских войск именно с давлением ООН и, при необходимости, с присылкой миротворческих контингентов под флагом этой международной организации (так называемых голубых касок). Эта позиция находила отражение и в свободной прессе тех дней, вышедшей из-под контроля коммунистического режима. Тогда даже родился миф о том, что Кош якобы сделал заявление не

⁷ См. анализ его выступления в Совбезе ООН: [14]. Венгрия вместе с рядом других стран, воевавших на стороне нацистской Германии во Второй мировой войне, была принята в ООН совсем незадолго до этого, в декабре 1955 г. на X сессии Генассамблеи ООН.

⁸ В проекте указаний Соболеву, внесенном министром иностранных дел СССР Д.Т. Шепиловым на обсуждение Президиума ЦК КПСС, делался акцент на утверждении о фашистском характере восстания в Венгрии (А «Jelcin-dosszié». 59. old.). Нашедшая отражение в записях заседания Президиума ЦК КПСС от 28 октября реплика Н.С. Хрущева «поправить Соболева в ООН» (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. С. 181) заставляет предполагать, что выступление Соболева было скорректировано в духе меньшей конфронтационности с учетом того, что вплоть до 31 октября в Москве отдавалось предпочтение поискам политического урегулирования ситуации в Венгрии.

⁹ Речь идет об интервью, подготовленных в рамках проектов будапештского Института по изучению революции 1956 г. и хранившихся в его фонотеке (ныне в собрании Национальной библиотеки им. Сечени).

¹⁰ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 474–475.

только под диктовку из Москвы, но вопреки воле своего правительства. Распространению подобных слухов способствовали и публикации в свободной прессе о том, что Кош, русский по матери, родившийся в 1921 г. в России и выехавший с родителями на родину отца маленьким ребенком, был скрытым советским гражданином. В этих условиях правительство решило Коша поскорее отозвать¹¹.

После наложения Советским Союзом вето на резолюцию по венгерскому вопросу не только Великобритания и Франция, не заинтересованные в принятии в самый канун своей суэцкой операции каких-либо резолюций ООН, объективно осложняющих ее проведение, но и США склонились к выжидательной позиции, тем более с учетом поступавшей 30–31 октября информации о начавшемся выводе советских войск из Будапешта в места их постоянной дислокации на венгерской территории.

Внимание ООН в течение считанных часов после завершения заседания Совбеза переключилось с венгерского на суэцкий вопрос, поскольку 29 октября Израиль начал наступательную акцию против Египта на Синайском полуострове, а на следующий день в соответствии с заранее подготовленным планом к нему фактически присоединились Великобритания и Франция, требовавшие от Каира отвода войск от канала, что дало Израилю возможность беспрепятственно оккупировать принадлежавший Египту Синайский полуостров, на который распространялись израильские территориальные претензии. 31 октября после отказа египетского президента Г.А. Насера принять ультиматум в зоне Суэцкого канала был выброшен британско-французский десант, а также начались бомбардировки Каира и Порт-Саида.

В условиях глубокого международного кризиса, вызванного национализацией Суэцкого канала, силовая акция этих стран против Египта была вполне предсказуемой ввиду бескомпромиссной позиции Насера, с самого начала не склонного идти на уступки. Вместе с тем эта акция не была согласована с США и не получила поддержки в Вашингтоне. Самостоятельные, не скоординированные с союзниками по НАТО действия Лондона и Парижа в условиях столь острой международной ситуации были восприняты в Белом Доме как определенное проявление нелояльности — впервые за послевоенный период внутри западного лагеря проявились серьезные разногласия. Это показало и срочно созванное 30 октября заседание Совбеза ООН, продолжившее свою работу на следующий день. В ходе длившегося 12 часов довольно бурного обсуждения Великобритания и Франция наложили вето на предложенный США проект резолюции, который требовал от Израиля немедленного прекращения огня на Синае и отвода войск на прежние позиции, что делало невозможным осуществление предварительно разработанных военных планов. Представитель СССР при этом впервые с начала холодной войны поддержал американскую инициативу по столь принципиальному вопросу (с незначительными поправками)¹². В итоге было принято решение передать рассмотрение вопроса на обсуждение срочно созываемой 1 ноября специальной (чрезвычайной) сессии Генассамблеи ООН. Инициатива созыва сессии принадлежала Югославии.

¹¹ В начале ноября, когда было возобновлено обсуждение венгерского вопроса в ООН, вместо Коша Венгрии представлял другой дипломат, Янош Сабо.

¹² United Nations. Security Council. Official Records. Eleventh Year. 734th–755th Meetings inclusive. New York, 1956; 749th–751th meetings, 30–31 Oct. 1956. P. 1–35. (см. также [1. С. 226–227; 7. P. 390–391]).

Секретные контакты представителей западных держав в конце октября – начале ноября¹³ не привели к выработке общей позиции США, Великобритании и Франции в ближневосточном конфликте – в Вашингтоне воспринимали суэцкую акцию как авантюру, не способствующую укреплению западного влияния в «третьем мире» в условиях активизировавшейся политики СССР на азиатском направлении и особенно несвоевременную ввиду совсем близких, 6 ноября, президентских выборов в США. В интересах успеха Эйзенхауэра на выборах он и госсекретарь Даллес в дни окончания президентской гонки предпочитали в своих публичных заявлениях делать акцент на миротворческих усилиях действующей администрации, способной предложить эффективные меры для разрешения суэцкого конфликта. 3 ноября после одиннадцатичасовых обсуждений чрезвычайная сессия Генассамблеи ООН приняла предложение США о прекращении огня в зоне Суэцкого канала.

Хотя в самые последние дни октября 1956 г. ближневосточные события явно вышли на первый план, венгерские также продолжали привлекать внимание мировой общественности: предметом наблюдений и комментариев становились, в частности, публичное признание Имре Надем справедливости повстанческих выступлений против прежнего режима, роспуск политической полиции, формирование в Венгрии многопартийности и начавшаяся реорганизация правительства на многопартийной основе, разгул террора на улицах Будапешта в конце октября, а в начале ноября новые несанкционированные передвижения советских войск по территории Венгрии – им предшествовало принятое 31 октября на заседании Президиума ЦК КПСС решение о смене власти в Венгрии силовым путем, согласованное в последующие дни с лидерами стран советского блока, а также титовской Югославии, проявившей озабоченность сдвигом вправо в соседней Венгрии. 1 ноября послу СССР Ю.В. Андропову, вызванному в здание парламента, была вручена нота правительства ВНР следующего содержания: «Поскольку значительные советские воинские подразделения, несмотря на решительный протест правительства ВНР, сегодня днем перешли советско-венгерскую границу и проникли на венгерскую территорию, Правительство ВНР настоящим немедленно денонсирует Варшавский договор»¹⁴. Вечером того же дня, выступая по радио, премьер-министр И. Надь сослался на дух Устава ООН, в соответствии с которым «венгерский народ желает жить в обстановке мира и подлинной дружбы со своим соседом, Советским Союзом, и со всеми народами мира на основе принципов независимости и равноправия» и «желает закрепить и развивать завоевания своей национальной революции, не присоединяясь ни к какой группировке мировых держав»¹⁵. На следующий день, 2 ноября, правительство ВНР заявило повторный протест против продолжавшегося ввода советских войск на территорию страны. Вновь вызванному Андропову было заявлено, что правительство намеревается информировать о своем протесте глав иностранных представительств в Будапеште «и одновременно считает необходимым послать в Совет Безопасности сообщение о последних событиях»¹⁶. В послании генеральному секретарю ООН Д. Хаммаршельду содержалось обращение к странам–членам ООН с просьбой признать нейтралитет Венгрии, предлагалось незамедлительно

¹³ A magyar kérdés az ENSZ-ben és a nyugati nagyhatalmak titkos tárgyalásai 1956 október 28 – november 4 (Brit külügyi dokumentumok) // 1956-os Intézet Évkönyv. II. Budapest, 1993. 39–71. old.

¹⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 501.

¹⁵ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 501–502.

¹⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 522–523.

созвать Совбез, чтобы побудить СССР вступить в переговоры с венгерским правительством относительно сроков вывода советских войск из страны. Учитывая закрепленное за СССР право вето, сама апелляция к Совбезу с требованием гарантий венгерского нейтралитета была по сути лишь публичным жестом, призванным привлечь внимание мировой общественности на подготовку советской интервенции. Западные державы, связанные ялтинско-потсдамскими соглашениями, не проявили больших усилий в деле отстаивания венгерского суверенитета, опасаясь, что эскалация напряженности в отношениях с СССР, защищающим в данном случае *status quo* в собственной сфере влияния, чревата при существующем раскладе сил угрозой ядерной войны. В госдепе США не прокомментировали венгерское обращение, в Лондоне ограничились сообщением о том, что оно внимательно изучается.

В самой Венгрии, где в широких массах существовали определенные иллюзии в связи с возможным вмешательством ООН в целях оказания давления на СССР, постепенно усиливается разочарование. Вопреки неоднократным высказываниям с трибуны ООН американского представителя Г.К. Лоджа о том, что США и мировое сообщество не оставят восставших венгров в беде и т.д., прилет в страну «голубых касок» с эмблемами ООН все чаще становится предметом черного юмора, в том числе в листовках. Венгерские борцы за независимость должны были осознать на основе собственного болезненного опыта, что вся риторика освобождения Восточной Европы от коммунизма, с которой выступала с 1953 г. администрация Д. Эйзенхауэра, была, по словам одного из супертяжеловесов американской внешней политики Г. Киссинджера, «лишь попыткой заставить Москву платить более дорогую цену за усилия по консолидации собственных завоеваний, не увеличивая при этом риск для Соединенных Штатов», для которых аксиоматичной была ставка на мирное отделение той или иной восточноевропейской страны от Москвы и советского блока по югославско-титовской модели с помощью мер невоенного характера, в том числе экономических [2. С. 79–80].

Аналогичное разочарование имело место и среди части западного общественного мнения, связывавшего именно с давлением ООН надежды на то, что «коллективному Западу» хватит политического веса для того, чтобы настоять на созыве для рассмотрения «венгерского вопроса» специальной конференции великих держав, где, наряду с предоставлением гарантий безопасности СССР, можно было бы отстоять нейтральный статус Венгрии – скорее по югославской, нежели по австрийской модели. Как справедливо заметил в этой связи в 1957 г. выдающийся венгерский леволиберальный политолог Иштван Бибо (министр в правительстве И. Надя в начале ноября 1956 г.), многочисленные заявления американской администрации начиная с 1953 г. дали мировой общественности основания считать, что при благоприятной международной обстановке в случае серьезного выступления восточноевропейских народов «западный мир употребит всю свою экономическую, политическую и моральную мощь в интересах того, чтобы дело этих народов было бы поставлено на повестку дня и было бы решено удовлетворительным для них образом»¹⁷. Но вопреки этим заверениям и постоянным обещаниям радиостанции «Свободная Европа» тысячи венгров, в октябре – ноябре 1956 г. надеявшихся на американское содействие своей борьбе за суверенитет, никакой реальной дипломатической поддержки, по сути, так и не получили.

¹⁷ Бибо Иштван. Положение в Венгрии и мировая обстановка // Мост (Будапешт). 1992. № 1–2. С. 30.

Разочарование, о котором идет речь, только усиливалось на фоне тех экспертных комментариев, которыми сопровождалась в западной прессе программные выступления американской администрации – речь госсекретаря Дж. Ф. Даллеса в Далласе 27 октября (где было прямо сказано о приемлемости для США югославской модели применительно к Венгрии) и предвыборное выступление президента Д. Эйзенхауэра по радио 31 октября. Призвав советское руководство решать мирным путем проблемы, возникшие в сфере влияния СССР, и обещав экономическую помощь народам Восточной Европы, вставшим на путь политических перемен, в Вашингтоне вместе с тем ясно дали понять, что не считают Венгрию, как и другие страны Организации Варшавского договора, своим потенциальным союзником, в отношении которого могут быть взяты определенные обязательства. Как справедливо отметил в этой связи российский американист И. В. Гайдук, венгерское восстание застало Вашингтон врасплох – такого масштаба оппозиционных выступлений в одной из стран советского блока там не ожидали. Это показало, в частности, заседание Совета национальной безопасности США от 26 октября, где впервые обсуждался «венгерский вопрос». Соответственно не было и проработанного плана действий, приходилось импровизировать в зависимости от хода событий, следуя тактике выжидания и стараясь воздерживаться (во избежание военного конфликта с Москвой) от прямого вмешательства в чужую сферу интересов, однако при этом набирать пропагандистские очки критикой советской политики [1. С. 221, 226].

Таким образом, Белый дом предоставлял Москве свободу рук в Восточной Европе, однако некоторыми заявлениями с критикой советских действий дал повод для ожиданий, что американская сторона, не видя в Венгрии союзника, может вместе с тем инициировать в ООН постановку вопроса о предоставлении ей нейтралитета. Обращение И. Нады в ООН с соответствующей просьбой явилось настоящим «подарком» для тех, кто надеялся именно на такое развитие событий. Однако тема нейтралитета Венгрии так и не получила ни с американской, ни с какой-либо другой стороны развития в ходе дальнейших обсуждений в стенах ООН «венгерского вопроса». Как признал позже Г. Киссинджер, «несмотря на все разговоры об “освобождении”», Вашингтон оказался явно не готов ко всему произошедшему. Казалось, он разрывается между желанием помочь развернувшемуся процессу и страхом перед тем, что чересчур прямолинейная политика может дать Советам предлог для интервенции, которая, впрочем, вполне могла состояться (и состоялась) без этого предлога – по жесткой оценке Киссинджера, администрация Эйзенхауэра «плелась в хвосте собственной риторики», не попытавшись даже «поднять цену советской интервенции» [2. С. 81, 83].

Вечером 2 ноября (в ночь со 2 на 3 ноября по средневропейскому времени) по требованию США, Великобритании и Франции все же было созвано новое заседание Совбеза для обсуждения положения в Венгрии с учетом полученного Хаммаршельдом обращения И. Нады. За это проголосовали все кроме СССР, т.е. десять стран–членов Совбеза, включая представителя Югославии, который в то же время высказался за приглашение на следующее заседание официального венгерского представителя. На следующий день, 3 ноября, приглашенный венгерский представитель Я. Сабо, не комментируя обращение И. Нады в ООН, информировал Совбез о начавшихся переговорах между представителями советского военного командования и венгерскими властями о выводе войск. Это подтвердил и представитель СССР А. А. Соболев. Вновь взявший

слово югославский представитель Й. Брилей внес предложение о приостановке обсуждения, чтобы не допустить принятия решений, которые могут помешать переговорам. Представитель США выдвинул проект резолюции, призывающей Советский Союз воздержаться от силового вмешательства во внутренние дела Венгрии, однако с учетом начавшихся переговоров было решено отсрочить принятие любых резолюций до понедельника 5 ноября [7. Р. 419–422; 13. Р. 786–794]¹⁸. Представители Великобритании и Франции предложили перенести рассмотрение «венгерского вопроса» из Совбеза на чрезвычайную сессию Генассамблеи ООН, где начиная с 1 ноября обсуждалось положение на Ближнем Востоке¹⁹. Как можно предполагать, перенос был предложен в расчете на то, что это ослабит внимание к ближневосточным делам и создаст более благоприятный фон для принятия решений по Суэцу. Хотя 3 ноября эта инициатива и не была поддержана представителем США, события следующего дня привели к реализации именно такого варианта.

На рассвете 4 ноября советские войска вошли в Будапешт с целью свержения действующего правительства И. Надя и замены его другим, находящимся под полным контролем Москвы. Принципиальное решение о военной акции было принято, как отмечалось, еще до декларации И. Надя о выходе Венгрии из ОВД²⁰; работа по формированию нового правительства во главе с Я. Кадаром происходила в СССР. В Нью-Йорке была получена информация о событиях в Будапеште, в том числе об укрытии И. Надя вместе с группой соратников и членов их семей в югославском посольстве — это случилось сразу после того, как венгерский премьер-министр в радиообращении осудил перед всем миром состоявшуюся агрессию. На заседании Совбеза, собравшегося по американской инициативе в тот же день, снова воскресный, представитель США Г.К. Лодж изложил свой проект резолюции, требующий прекращения силового вмешательства в венгерские дела, вывода советских войск из Венгрии и принятия мер по наблюдению за положением в стране посредством структур ООН. Вето, наложенное представителем СССР, не позволило принять эту декларацию. Следом Лодж внес то самое предложение, которое перед этим уже выдвигалось Великобританией и Францией, но тогда не нашло однозначной поддержки США: передать «венгерский вопрос» на рассмотрение чрезвычайной сессии Генассамблеи ООН. За него проголосовали представители десяти стран—членов Совбеза (включая Югославию), кроме представителя СССР, проголосовавшего против [7. Р. 432–433.].

Заседание чрезвычайной сессии Генассамблеи ООН, посвященное обсуждению вопроса о положении в Венгрии, открылось во второй половине того же дня. Американская дипломатия, в предшествующие дни всецело сосредоточенная на суэцком вопросе и занимавшая после 28 октября выжидательную позицию в венгерских делах, смогла воспользоваться советской интервенцией для того, чтобы в канун собственных президентских выборов проявить и продемонстрировать последовательность в своих миротворческих усилиях. Предложенный делегацией США и первоначально представленный на заседании

¹⁸ АВП РФ. Ф. 077 (референтура по Венгрии). Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 106. На самом деле переговоры, по предложению советской стороны перенесенные на ее военную базу близ Будапешта (в Тёкёле), завершились арестом венгерской делегации, причем операцией непосредственно руководил председатель КГБ СССР И.А. Серов.

¹⁹ United Nations. General Assembly. Official Records. First and Second Emergency Special Sessions, 1–10 November 1956. Plenary Meetings and Annexes. New York, 1956. P. 1–24 (см. также [7. Р. 422–425]).

²⁰ Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. С. 484.

Совбеза проект резолюции был принят на сессии Генассамблеи большинством голосов – за проголосовало 50, а против – восемь делегаций²¹, прежде всего СССР и его ближайшие союзники, включая Польшу, руководство которой в лице В. Гомулки и Ю. Циранкевича на встрече с Н.С. Хрущевым 1 ноября в Бресте не поддержало силового свержения правительства И. Надя, но обязало на международной арене не отклоняться от линии Москвы. 15 делегаций, включая югославскую, воздержались²². В соответствии с этой резолюцией генеральный секретарь ООН Д. Хаммаршельд получал полномочия на то, чтобы направить в Венгрию наблюдателей ООН для изучения ситуации. В свете прозвучавшего радиозаявления И. Надя, не признавшего законности советской акции, а перед этим направившего Хаммаршельду декларацию о выходе Венгрии из ОВД, участникам заседания, несомненно, предстояло принять во внимание позицию венгерского представителя в ООН.

С 30 июля пост министра иностранных дел Венгрии занимал И. Хорват, сохранивший его и в правительстве И. Надя. После того, как Надя публично объявил о нейтралитете Венгрии, Хорват был командирован в Нью-Йорк для разъяснения официальной венгерской позиции и действительно 2 ноября выехал в Вену, но уже вечером следующего дня оказался в Москве, куда вылетел через Прагу, и принял участие в заседании в Кремле с участием Я. Кадара и Ф. Мюнниха, где обсуждался вопрос о составе нового венгерского правительства, 4 ноября выступившего со своим первым заявлением²³. Дипломат Сабо, исполнявший обязанности представителя Венгрии в ООН, также не проявил готовности отстаивать позицию премьер-министра И. Надя и действовал при голосовании по указке советского представителя А.А. Соболева. К этому времени в Нью-Йорке была, очевидно, получена телеграмма Хаммаршельду за подписью главы нового венгерского правительства Я. Кадара и сохранившего пост министра иностранных дел И. Хорвата о том, что обращения И. Надя в ООН с просьбой о рассмотрении ситуации в Венгрии не имеют законной силы, поскольку новое правительство категорически возражает против обсуждения в ООН вопросов, касающихся исключительно внутренних дел ВНР. Телеграмма была опубликована и в «Правде» 5 ноября. Краткая запись заседания Президиума ЦК КПСС от 4 ноября – «т. Кадару сказать, чтобы отозвал вопрос из ООН»²⁴ указывает на иницирующую роль Москвы в отзыве обращения И. Надя.

Вместе с тем нейтрализация возможного выступления венгерского представителя в ООН в духе заявлений И. Надя от 1–2 ноября не была для Москвы слишком большим «дипломатическим успехом», потому что выехавшая 2 ноября в Вену на сессию Социнтерна ветеран венгерской социал-демократии Анна Кетли (вошедшая перед этим в сформированное И. Надем коалиционное

²¹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 107.

²² Позиция Югославии была изложена ее представителем Брилеем не в этот день, а 8 ноября, когда чрезвычайная сессия продолжила свою работу. Выступая в унисон с советской линией, он указал на якобы имевшие место попытки восстановления в Венгрии довоенных порядков, а также на хаос, возникший по вине правительства И. Надя. Он напомнил также о заявлении правительства СССР от 30 октября и выраженной в нем готовности договориться с Венгрией об условиях пребывания советских войск на ее территории. Как присутствие на территории этой страны иностранных войск, так и любое вмешательство в ее внутренние дела он расценил как непродуктивные, а американский проект резолюции с осуждением интервенции – как в целом не указывающий путь к улучшению положения в Венгрии (АВП РФ. Л. 108).

²³ Это нашло отражение в сделанной им записи заседания: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 545–546.

²⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 202.

левоцентристское правительство) с первых дней своего пребывания на Западе активно позиционировала себя как член незаконно свергнутого венгерского правительства, полномочный выступать от его имени. Это дало основания для приостановки с 8 ноября полномочий венгерского представителя в ООН, который бы выступал от нового, никем пока не признанного венгерского правительства, сформированного в Москве (фактически они оставались приостановленными либо ограниченными вплоть до снятия венгерского вопроса с повестки дня ООН в 1963 г.). Что касается отправки в Венгрию наблюдателей ООН в соответствии с резолюцией Генассамблеи от 4 ноября, то 15 ноября от имени правительства Я. Кадара в Нью-Йорк в ответ на письмо Хаммаршельда пришло заявление об отказе принять делегацию ООН [12. 240–241. old.]. Это наглядно показало, что без поддержки СССР такого рода резолюции ООН по венгерскому вопросу не имеют шансов на выполнение.

Начиная с 5 ноября предметом бурных дебатов на чрезвычайной сессии Генассамблеи ООН вновь стал суэцкий вопрос, особенно в свете крайне жесткого, ультимативного заявления советского правительства в адрес Великобритании и Франции, сделанного в ночь с 5 на 6 ноября (день американских президентских выборов) и интерпретированного в этих странах как угроза применения стратегического оружия — помимо того, что в Москве не хотели отстать от Вашингтона в усилиях по урегулированию суэцкого кризиса, демонстрация силы со стороны СССР отчасти имела целью несколько компенсировать впечатление ослабления державных позиций СССР, вызванное на Западе венгерским кризисом. В конце концов, при отсутствии поддержки ближневосточной военной акции со стороны США, именно в эти дни были приняты принципиальные решения, приведшие к прекращению боевых действий в зоне Суэцкого канала. К рассмотрению ситуации в Венгрии чрезвычайная сессия Генассамблеи ООН вернулась 8 ноября. Накануне глава нового, сформированного в Москве, венгерского правительства Янош Кадар въехал в столицу в советском бронетранспортере, еще продолжалось вооруженное сопротивление повстанцев (особенно на Чепеле, в важнейшем рабочем районе на юге Будапешта), начался массовый исход населения в соседнюю Австрию. В условиях всеобщих забастовок и полной парализации экономики сформированное в Москве «венгерское рабоче-крестьянское правительство» во главе с Я. Кадаром оставалось, по сути, лишь придатком советской военной администрации.

9 ноября на чрезвычайной сессии Генассамблеи ООН был вынесен на голосование проект новой резолюции, требующей немедленного вывода советских войск из Венгрии и проведения свободных выборов под эгидой ООН. Она была принята большинством голосов — 48 за при 11 против и 16 воздержавшихся²⁵. В этот же день были вынесены на обсуждение и приняты еще две резолюции. В одной из них, инициированной Австрией, обходилась стороной критика Советского Союза, в обострении отношений с которым как одним из гарантов австрийского суверенитета (согласно международному договору 1955 г. о статусе Австрии как нейтрального государства) Вена не была заинтересована, акцент делался на решении гуманитарных проблем, принятии неотложных мер по оказанию другими государствами помощи Венгрии в поставках медикаментов, продовольствия и одежды посредством структур ООН и организаций Международного Красного Креста. Резолюция была принята 68 голосами за при семи воздержавшихся (СССР и его союзники). В другой резолюции,

²⁵ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 108.

проект которой был предложен делегацией США и принятой большинством голосов²⁶, обращалось внимание на попытки советских оккупационных сил воспрепятствовать доставке в Венгрию продовольствия и медикаментов международными организациями. Позиция советской стороны по этому вопросу была выражена в общем плане с трибуны очередной сессии Генассамблеи ООН только десятью днями позже, 19 ноября, в выступлении министра иностранных дел Д.Т. Шепилова, на следующий день опубликованном. Согласно официальной версии Москвы, уже с ноября находившей отражение в советской пропаганде, хотя и не опиравшейся на проверенные факты, завозимые продукты оказывались в руках вооруженных повстанцев, причем иногда под видом продуктов и медикаментов якобы завозились боеприпасы, а кроме того сами представители Международного Красного Креста и других организаций, занимавшихся доставкой, якобы занимались в Венгрии шпионажем и подстрекали повстанцев к дальнейшему сопротивлению.

Резолюции от 9 ноября, инициированные США и Австрией, явились первыми документами ООН, в которых была затронута проблема начавшегося массового исхода населения из Венгрии и необходимости размещения беженцев в западных странах, оказания им материальной помощи. Возникновение этой проблемы, с каждой ноябрьской неделей все усугублявшейся, явилось самым наглядным знаком того, что венгерские события далеко перешагнули узкие национальные рамки, ведь к двадцатым числам ноября исход приобрел такой размах, что возникла реальная угроза гуманитарной катастрофы, для предотвращения которой требовалось подключение мирового сообщества и в том числе усилия ООН. По итогам обсуждений, состоявшихся 9 ноября, Д. Хаммаршельд поручил верховному комиссару ООН по делам беженцев О. Линдту провести консультации с различными международными организациями и правительствами в целях предоставления эффективной помощи венгерским беженцам. Вышеупомянутая резолюция от 9 ноября, предложенная США, была первой, в которой содержался и призыв к СССР вступить в сотрудничество со структурами ООН, в частности с верховным комиссаром ООН по делам беженцев и подведомственным ему постоянно действующим фондом помощи — UNREF. Для понимания позиции США показательным, что в этой резолюции не было упомянуто о провозглашенном 1 ноября правительством И. Надя нейтралитете; соответственно об этом не было упомянуто ни в одной из последующих резолюций по «венгерскому вопросу». Создается впечатление, что данную проблему, неудобную с точки зрения сохранения биполярной ялтинско-потсдамской системы, предпочитали не выносить на первый план ни администрация США, ни генеральный секретарь ООН Д. Хаммаршельд, сторонник снижения конфронтационности в отношениях Запада с СССР [9].

С массовым наплывом беженцев из Венгрии Австрия столкнулась в самом начале ноября. Уже 5 ноября ее правительство направило в структуры ООН телеграмму с просьбой о помощи. Речь шла прежде всего о денежных вливаниях с тем, чтобы можно было обеспечить на соответствующем уровне бытовые условия для беженцев, их снабжение питанием. В телеграмме содержалась также просьба об обращении к другим странам с тем, чтобы те согласились принять определенное количество беженцев у себя. Решение возникшей гуманитарной

²⁶ Попытки представителей ряда азиатских стран, поддерживавших активные связи с СССР (Индии, Индонезии, Цейлона), скорректировать текст этой резолюции так, чтобы обойтись без прямой критики советского вмешательства, не были поддержаны большинством стран-членов ООН.

проблемы было невозможно в одиночку, без приложения общих усилий, поскольку неожиданно возникшие задачи превосходили возможности малой, семимиллионной среднеевропейской страны, после пережитой в 1945 г. тяжелой разрухи едва вступавшей в полосу относительного экономического подъема. 14 ноября записки соответствующего содержания были адресованы МИД Австрии правительствам 20 стран. Был образован банковский счет, на который могли перечисляться средства от благотворителей. Решение о перечислении из фонда ООН UNREF первоначальной суммы в 25 тыс. долларов было принято уже 5 ноября.

Австрийский министр иностранных дел Л. Фигль, отбывший в Нью-Йорк для участия сначала в чрезвычайной, а потом и в очередной сессии Генассамблеи ООН, с трибуны ООН выразил готовность Австрии принять на себя груз забот, возникших с началом массового исхода венгров, рассказал об усилиях, прилагаемых его правительством для обеспечения беженцев нормальными условиями проживания, призывал правительства стран—членов ООН содействовать переправке части мигрантов в другие государства. В условиях, когда в советской прессе на основе недостоверной информации активно начала муссироваться тема засылки в Венгрию через западную, австрийскую, границу вооруженных диверсантов, правительство нейтральной Австрии предприняло на международной арене шаги, направленные на демонстрацию миру готовности подключиться к разрешению гуманитарных проблем, возникших вследствие развития событий в Венгрии. Одним из таких шагов и стала инициатива выдвижения вышеупомянутой резолюции ООН от 9 ноября.

В преддверии открывавшейся очередной XI сессии Генассамблеи ООН 10 ноября чрезвычайная сессия Генассамблеи большинством голосов приняла резолюцию о передаче «венгерского вопроса» на рассмотрение этой сессии, а 13 ноября на ее первом пленарном заседании вопрос вопреки возражениям советского представителя был включен в повестку дня. Его обсуждение проходило 19–21 ноября, и в первый день глава советской делегации Д.Т. Шепилов изложил официальный советский взгляд на венгерские события²⁷. «Контрреволюционные силы [...] спровоцировали в Будапеште массовые беспорядки, переросшие затем в мятеж», поддержанный зарубежной реакцией; это и сделало неотложной задачей по оказанию «братской Венгрии» интернациональной помощи, дабы предотвратить установление «фашистского режима»²⁸.

Начиная с 19 ноября на XI сессии Генассамблеи обсуждались несколько проектов резолюций по «венгерскому вопросу». Один из них возник как реакция на сообщения венгерских и западных СМИ о депортации арестованной

²⁷ «Действия народных масс, выступивших 23 октября против тяжелых ошибок и извращений, допущенных прежним руководством Венгрии, были совершенно законными. Вскоре, однако, это здоровое движение попытались использовать в своих целях реакционные фашистские элементы, которые стремились подорвать народно-демократический строй и свергнуть его. Уже 23 октября, когда в Будапеште проходила демонстрация, в которой приняло участие немало трудящихся, воодушевленных хорошими побуждениями, руководители контрреволюционного подполья вывели на улицы заранее сколоченные вооруженные группы»: Правда. 1956. 20 XI (Против попыток использовать ООН для вмешательства во внутренние дела Венгрии). В дальнейшем официальные советские оценки ужесточились, о «здоровом народном движении» тех, кто выступил против ошибок прежнего руководства, уже не говорилось, акцент делался на «контрреволюционной» сущности событий с первого их дня.

²⁸ См. выступления Шепилова в ООН с изложением официальной советской позиции в полемике с выступлениями западных представителей: Правда. 1956. 22, 23 XI (По поводу недостойных попыток поддержать антинародные силы в Венгрии).

советскими спецслужбами венгерской молодежи якобы «в Сибирь». В реальности несколько сот молодых венгров, в которых советская сторона видела потенциальных участников оппозиционного повстанческого движения, были ею задержаны и под конвоем транспортированы на территорию Закарпатской и отчасти Львовской областей УССР²⁹. Проект был принят большинством голосов несмотря на звучащую критику, в том числе со стороны представителя внешнеблоковой Югославии. Он сослался на нецелесообразность вынесения решений, основанных, как он заявил, на непроверенной информации: это могло бы, по его мнению, только создать новые трудности на пути урегулирования венгерской проблемы³⁰. Тогда же был выдвинут и принят еще большим числом голосов проект резолюции о необходимости допуска в Венгрию наблюдателей ООН для ознакомления с текущей ситуацией. Хотя резолюцию инициировали представители дружественных Советскому Союзу азиатских стран (Индии, Индонезии, Цейлона), в ней также содержалась ссылка на противоречивые сообщения о депортации венгерских граждан на территорию СССР, подлежащие проверке. В связи с резким обострением проблемы беженцев, устремившихся в Австрию³¹, 21 ноября был, по инициативе сразу нескольких стран, рассмотрен вопрос об оказании беженцам помощи со стороны учреждений ООН. Это был второй, после случая с австрийской инициативой от 9 ноября об оказании Венгрии помощи через структуры ООН и Международный Красный Крест, проект резолюции по «венгерскому вопросу», при голосовании по которому делегация СССР предпочла не выступить против, а в знак «доброй воли» воздержаться. Однако, в соответствии с подготовленным в Москве сценарием, советская сторона предоставила выступить против делегациям некоторых своих союзников (Чехословакии, Румынии) и даже, что было уж вовсе анекдотично, делегации УССР. Эти выступления против аргументировались тем, что под видом помощи по каналам ООН иногда оказывается поддержка венгерской «контрреволюции»³². На основании резолюции от 21 ноября генеральный секретарь ООН и верховный комиссар ООН по делам беженцев выступили 29 ноября с совместным призывом к правительствам и международным организациям о подключении к решению возникшей гуманитарной проблемы как через обеспечение возможностей расселения, так и предоставлением необходимых финансовых средств соответствующим международным структурам для транспортировки беженцев в разные страны, в том числе и на американский континент³³.

После нескольких дней перерыва обсуждение венгерского вопроса на XI сессии Генассамблеи ООН возобновилось 27 ноября. К этому времени в центре внимания мировой общественности оказалось сообщение информгентств о состоявшейся 23 ноября незаконной депортации советскими спецслужбами в Румынию бывшего премьер-министра И. Надя и большой группы его соратников, а также членов их семей вскоре после выхода всех этих лиц из югославского посольства, где они получили убежище утром 4 ноября, в первые

²⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 651–655.

³⁰ АВП РФ. Л. 108–109.

³¹ Массовый исход достиг своего пика 23 ноября, когда венгерско-австрийскую границу за сутки пересекло несколько тысяч человек, с размещением которых возникли серьезные проблемы. О динамике нарастания числа беженцев вплоть до конца 1956 г. см.: [3. С. 303–304].

³² АВП РФ. Л. 109.

³³ Подробнее об инициативах ООН конца ноября с учетом положения, сложившегося с наплывом беженцев в Австрию, см.: [8]. О контактах верховного комиссара ООН по делам беженцев и подведомственных ему структур с представителями правительства Кадара см.: [10].

часы после начала советской интервенции. Факт их отъезда в Румынию подтвердил и Кадар в выступлении по венгерскому радио 26 ноября. При этом он явно исказил положение дел, назвав их выезд в соседнюю страну добровольным. Было вполне ожидаемо, что на сессии Генассамблеи будет поднят данный вопрос. На этот случай Президиум ЦК КПСС дал Шепилову указание «вести себя спокойно и твердо, не проявляя нервозности [...], отстаивать свою позицию и использовать в свою очередь предоставляющиеся возможности для вскрытия агрессивной империалистической политики западных держав»³⁴.

Непредсказуемо вел себя представитель Югославии, которую были некоторые основания заподозрить в сговоре с Москвой в осуществлении депортации И. Надя и лиц из его окружения в Румынию. В выступлении госсекретарь по иностранным делам Югославии К. Попович, выразив надежду на то, что дальнейшее развитие Венгрии пойдет по пути полного восстановления ее государственного суверенитета и «обеспечения народного волеизъявления», призвал лидеров других государств, особенно больших держав, всячески избегать попыток использовать обсуждение в ООН «венгерского вопроса» для политических манипуляций, не отвечающих интересам венгерских граждан. Вопрос о депортации «группы Надя» в Румынию он в эти дни предпочел так и не затрагивать. Очевидно, что югославская сторона не хотела привлекать большое международное внимание к данной проблеме, поскольку оно могло нежелательным для режима Тито образом, в ущерб его международному престижу, сфокусироваться на том, что в Белграде предпочли бы скрыть — а именно на его секретных контактах с командой Кадара и стоявшей за ней советской стороной в деле нейтрализации членов свергнутого венгерского правительства. Следует иметь в виду, что Тито, уже 11 ноября, выступая на партактиве в Пуле, поддержал правительство Кадара, хотя и, к резкому неудовольствию Москвы, выступил с критикой советских действий в Венгрии. Только 4 декабря в отсутствии ясности относительно судьбы И. Надя и его соратников, правительство ФНРЮ, предваряя возможные комментарии западных СМИ относительно его роли в депортации группы Надя в Румынию, высказалось через своего постоянного представителя в ООН за скорейший приезд в Венгрию Д. Хаммаршельда. По мнению югославской стороны, это позволило бы внести больше определенности в ситуацию в условиях, когда полученные в Белграде из Москвы и Будапешта ответы в связи с похищением И. Надя не могли считаться удовлетворительными и в силу этого дальнейшее развитие событий вызывало естественную тревогу³⁵. Хотя для Хаммаршельда неоспоримым приоритетом была, конечно, в то время не проблема Надя, а острая гуманитарная проблема в связи с продолжавшимся наплывом в Австрию венгерских беженцев, вопрос о посещении генсеком ООН Венгрии продолжал и в дальнейшем оставаться в повестке дня Генассамблеи. Правительство Кадара, действуя по указке Москвы, не давало согласия на приезд Хаммаршельда. Однако его попытки представить вопрос о силовом подавлении восстания как сугубо внутреннее дело Венгрии, а вопрос о беженцах как исключительно вопрос двусторонних венгерско-австрийских отношений не находили поддержки в ООН даже со стороны тех делегаций, которые (вроде Индии или Финляндии) совершенно не стремились к конфронтации с СССР. Ибо

³⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 703.

³⁵ АВП РФ. Л. 112–113. В связи с депортацией группы И. Надя в Румынию происходил обмен нотами между ФНРЮ и СССР: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Док. 209. С. 679–683; Док. 227. С. 721–724.

совершенно очевидны были реальные масштабы проблем, вызванных массовым исходом населения из Венгрии.

С возобновлением 3 декабря 1956 г. обсуждения ситуации в Венгрии на сессии Генассамблеи снова зазвучали требования СССР и его союзников о прекращении дискуссии. Использовалась ссылка на то, что дальнейшее урегулирование положения в этой стране относится только к компетенции самого венгерского правительства. Тем не менее на следующий день на голосование был вынесен от имени 14 делегаций меморандум с требованием к правительствам СССР и Венгрии, сформулированным в весьма ультимативной форме, о том, чтобы не позднее 7 декабря было дано согласие на приезд в Венгрию наблюдателей ООН. В проекте меморандума не только говорилось о невыполнении СССР прежних резолюций ООН по венгерскому вопросу, но содержалось упоминание и о продолжающейся высылке венгерских граждан на территорию СССР. На самом деле, по имеющимся данным, к декабрю такая высылка фактически прекратилась и происходил процесс возвращения депортированных домой³⁶. Тем не менее этот вопрос при отсутствии информации продолжал обсуждаться западной прессой. Резолюция была принята большинством голосов при 10 против и 14 воздержавшихся. Югославский представитель также выступил против, указав, что ультимативный характер резолюции не будет способствовать разрешению существующих проблем³⁷.

Всего через несколько дней, однако, в ООН был официально распространен своего рода программный документ, отражавший предназначенный для мирового общественного мнения взгляд руководства Югославии на суть венгерских событий – в Белграде искали разные способы, как, не идя на разрыв с Москвой, отмежеваться от ее линии в венгерском вопросе, осужденной мировым сообществом. Речь идет о тексте выступления в югославской скупщине 7 декабря главного идеолога Союза коммунистов Югославии Э. Карделя, который раскритиковал бюрократический социализм советского образца, противопоставив ему как югославский опыт, так и стихийно возникавшие в ходе венгерской революции рабочие советы³⁸. Тогдашний посол Югославии в СССР В. Мичунович позже вспоминал, что никогда не видел Хрущева столь взбешенным, как во время их встречи, состоявшейся 11 декабря 1956 г., когда советскому лидеру принесли информацию о программной речи Карделя, к тому же распространенной югославской делегацией в ООН³⁹. Через считанные дни, на декабрьском пленуме ЦК КПСС, Хрущев дал волю эмоциям, критикуя югославов, получающих подачки с Запада за свою якобы независимую политику⁴⁰.

Ультимативное требование о допуске в Венгрию наблюдателей ООН так и не было выполнено, что дало основания возобновить 10 декабря обсуждение венгерского вопроса на сессии Генассамблеи. На голосование был представлен проект резолюции с предложением осудить СССР за систематическое нарушение Устава ООН, что привело к лишению Венгрии ее независимости, а венгерский народ – фундаментальных демократических свобод. Присутствовавшие

³⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 652–655.

³⁷ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 113.

³⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 524–533.

³⁹ О частых встречах с Хрущевым в этот период дает представление более поздняя книга Мичуновича, в основе которой лежат записи 1950-х годов: *Mičunović V. Moskovske godine 1956/1958*. Beograd, 1984. S. 204–208.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 103–104.

представители совершенно марионеточного в то время венгерского правительства демонстративно покинули зал заседаний. Для того чтобы разрядить атмосферу, представитель Индии предложил ряд поправок, смягчающих критику советской политики. Они были поддержаны делегациями ряда стран, в том числе представителем Югославии, который при этом в ходе обсуждения 11 декабря заявил, что последствия событий в Венгрии, во время которых, по его утверждению, справедливой народной борьбой за свободу воспользовались чуждые народу элементы, угрожают нарушением равновесия в Европе и потому не могут считаться сугубо внутренним делом. Он выразил сожаление по поводу того, что обсуждение ситуации в Венгрии «пошло по вредному пути», оживив атмосферу холодной войны. Однако индийские поправки не были поддержаны большинством Генассамблеи, и после длительного, трехдневного обсуждения резолюция была принята 12 декабря без них.

Между тем она, как и предшествующие резолюции с осуждением советской политики в Венгрии, по сути, не имела никакого эффекта — в отличие от резолюций, в которых предлагалась программа мер по оказанию интернациональной помощи венгерским беженцам⁴¹. Ведь в Будапеште не давали согласия на посещение страны ни генсеком ООН⁴², ни наблюдателями ООН. В силу явного дефицита сколько-нибудь объективной информации оставалось много вопросов относительно эволюции внутривнутриполитической ситуации в стране, где с начала декабря происходило очевидное ужесточение внутренней политики: силовой разгон протестных демонстраций, сопровождавшийся большими человеческими жертвами; запрещение деятельности рабочего совета Большого Будапешта, выступавшего в ноябре 1956 г. в качестве альтернативного органа власти; несколько позже, в январе 1957 г., приостановка деятельности творческих союзов.

С возобновлением в январе работы Генассамблеи ООН было принято решение о создании специальной комиссии по Венгрии, которой было поручено заниматься изучением ситуации в стране и предоставлять соответствующую информацию на рассмотрение новых сессий Генассамблеи. «Венгерский вопрос» продолжал и далее оставаться предметом обсуждения в ООН, хотя занимал в ходе дискуссий все более периферийное положение. Его последующая судьба находилась в прямой зависимости от дальнейшей эволюции кадаровского режима. Снятие этого вопроса с повестки дня ООН в 1963 г. стало откликом на объявленную Я. Кадаром всеобщую амнистию осужденным участникам восстания 1956 г., однако предшествовавшие этому перипетии достойны стать предметом самостоятельного исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации.

ВНР — Венгерская Народная Республика.

КНР — Китайская Народная Республика.

⁴¹ В общей сложности из Венгрии бежало в Австрию около 180 тыс., а около 20 тыс. — в Югославию. Поток в Австрию фактически иссяк в январе 1957 г., что было связано в том числе и с закрытием Австрией своей границы с Венгрией 15 января. О ходе решения материальных проблем, связанных с массовым наплывом беженцев в Австрию, см. [3. С. 303–314, 330–331 и далее].

⁴² Как свидетельствуют многие источники личного происхождения (мемуары, интервью со свидетелями событий), идея приезда Хаммаршельда в Венгрию и вообще более твердого давления на СССР и кадаровское правительство со стороны ООН была в декабре 1956 г. особенно популярна среди венгерских беженцев в Австрии.

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
 ОВД – Организация Варшавского договора.
 ООН – Организация Объединенных Наций
 РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.
 СМИ – средства массовой информации
 ФНРЮ – Федеративная Народная Республика Югославии.
 ЦК – Центральный Комитет
 UNREF – United Nations Refugee Fund

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АВП РФ. Ф. 077 (референтура по Венгрии). Оп. 37. Папка 191. Д. 39.
Бибо Иштван. Положение в Венгрии и мировая обстановка // Мост (Будапешт), 1992. № 1–2.
 С. Правда. 1956.
 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. 1344 с.
 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 103–104.
 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Серeda, А.С. Стыкалин. М.: РОССПЭН, 1998. 863 с.
 A «Jelcin-dosszié». Szovjet dokumentumok 1956-ról / szerk. Gál É., Hegedűs B.A., Litván Gy., Rainer M.J. Budapest: 1956-os Intézet, 1993. 245. old.
 A magyar kérdés az ENSZ-ben és a nyugati nagyhatalmak titkos tárgyalásai 1956 október 28 – november 4 (Brit külügyi dokumentumok) / közli: Békés Cs. // 1956-os Intézet Évkönyv. II. Budapest, 1993. 39–71. old. (англоязычное издание: The Hungarian Quarterly. № 157 [Budapest, 2000]. P. 103–122).
Mičunović V. Moskovske godine 1956/1958. Beograd: Jugoslovenska revija, 1984. 460 s.
 United Nations. Security Council. Official Records. Eleventh Year. 749th – 751th meetings, 30–31 Oct. 1956. New York, 1956. P. 1–35.
 United Nations. General Assembly. Official Records. First and Second Emergency Special Sessions, 1–10 November 1956. Plenary Meetings and Annexes. New York, 1956. P. 1–24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайдук И.В.* В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. 332 с.
2. *Киссинджер Г.* Риторика и действительность // Родина. 1997. № 6. С. 79–80.
3. *Стыкалин А.С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 730 с.
4. *Хорват М.* Венгерское восстание 1956 г. в контексте межблоковых отношений и Суэцкого кризиса // Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / отв. ред. А.С. Стыкалин. М.; Спб.: Нестор-История, 2018. С. 41–53.
5. A Forradalom és a magyar kérdés az ENSZ-ben, 1956–1963. Tanulmányok, dokumentumok és kronológia / Szerk. Békés Cs., Kecskés G. Budapest: Magyar ENSZ Társaság, 2006. 239. old.
6. *Békés Cs.* Az 1956-os magyar forradalom a világpolitikában. Tanulmány és válogatott dokumentumok. Budapest: 1956-os Intézet, 1996. 183. old.
7. *Calhoun Daniel F.* Hungary and Suez, 1956. An Exploration of Who Makes History. Lanham, Maryland: University Press, 1991. 592 p.
8. *Cseresnyés F.* A nemzetközi menekültjog alkalmazása: Ausztria és az 56-os menekültek // Múltunk. Budapest, 2007. No. 1. 169–186. old.
9. *Heller Peter B.* The United Nations under Dag Hammarskjöld, 1953–1961. Lanham, Maryland; London: University Press, 2001. 320 p.
10. *Kecskés D.G.* Az ENSZ Menekültügyi Főbiztossága és a Kádár-kormány közti kapcsolat az 1956-os magyar menekültválság idején // Történelmi Szemle, 2017. No. 3. 463–490. old.
11. *Kecskés D.G.* Franciaország politikája az ENSZ-ben a «magyar ügy» kapcsán: 1956–1963 // Századok. 2000. No. 5. 1171–1194. old.
12. *Király Béla.* A forradalom, az ENSZ és a forradalmi emigráció első akciói // «Tizenhárom nap, amely...» Tanulmányok az 1956-os forradalom és szabadságharc történetéből / szerk. Horváth M. Budapest: Hadtörténelmi Intézet és Múzeum, 2003. 238–256. old.

13. McCauley B. Hungary and Suez, 1956: The Limits of the Soviet and American Power // Journal of Contemporary History. Vol. 16. No. 4 (Oct. 1981). Pp. 786–794.
14. Murányi G. «A Konduktorov-ügy. Kós Péter: Kormánynyilatkozatot ismertettem» // Az átkos múlt hetek. Budapest, 1996. 155–166. old.

REFERENCES

- A forradalom és a magyar kérdés az ENSZ-ben, 1956–1963. Tanulmányok, dokumentumok és kronológia*, Szerk. Békés Cs., Kecskés G. Budapest, Magyar ENSZ Társaság Publ., 2006, 239 p. (In Hungar.).
- Békés Cs. *Az 1956-os magyar forradalom a világpolitikában. Tanulmány és válogatott dokumentumok*. Budapest, 1956-os Intézet Publ., 1996, 183 p. (In Hungar.).
- Calhoun Daniel F. *Hungary and Suez, 1956. An Exploration of Who Makes History*. Lanham, Maryland, University Press, 1991, 592 p.
- Cseresnyés F. A nemzetközi menekültjog alkalmazása: Ausztria és az 56-os menekültek. *Múltunk*, 2007, no. 1, 169–186 pp. (In Hungar.).
- Gaiduk I.V. *V labirintah holodnoi voiny: SSSR I SShA v OON, 1945–1965 gg.* Moscow, Institut vseobschei istorii RAN Publ., 2012, 332 p. (In Russ.)
- Heller Peter B. *The United Nations under Dag Hammarskjöld, 1953–1961*. Lanham, Maryland; London, University Press, 2001, 320 p.
- Horvath M. Vengerskoe vosstanie 1956 g. v kontexte mejblokovyh otnoshenii I Suetskogo krizisa. *Vengerskii krizis 1956 g. v kontexte hruschevskoi ottepli, mezhdunarodnyh I mezhblokovyh otnoshenii*, otv. red. A.S. Stykalin. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018, pp. 41–53. (In Russ.).
- Kecskés D.G. Ar ENSZ Menekültügyi Főbiztossága és a Kádár-kormány közti kapcsolat az 1956-os magyar menekültválság idején. *Történelmi Szemle*, 2017, no. 3, pp. 463–490 (In Hungar.).
- Kecskés D.G. Franciaország politikája az ENSZ-ben a «magyar ügy» kapcsán: 1956–1963. *Századok*, 2000, no. 5, pp. 1171–1194 (In Hungar.).
- Király Béla. A forradalom, az ENSZ és a forradalmi emigráció első akciói. «Tizenhárom nap, amely...». *Tanulmányok az 1956-os forradalom és szabadságharc történetéből*, szerk. Horváth M. Budapest, Hadtörténeti Intézet és Múzeum, 2003, pp. 238–256 (In Hungar.).
- Kissinger Henry. Ritorika I deistvitelnosty. *Rodina*. 1997, no. 6, pp. 79–80 (In Russ.)
- McCauley B. Hungary and Suez, 1956: The Limits of the Soviet and American Power. *Journal of Contemporary History*, vol. 16, no. 4 (Oct. 1981), pp. 786–794.
- Murányi G. «A Konduktorov-ügy. Kós Péter: Kormánynyilatkozatot ismertettem». *Az átkos múlt hetek*. Budapest, 1996, pp. 155–166 (In Hungar.).
- Stykalin A.S. *Vengerskii krizis 1956 goda v istoricheskoi retrospective*. Moscow, Universitet Dmitiya Pojarskogo Publ., 2016, 730 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Стыкалин Александр Сергеевич,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID0000-0003-0834-9090
E-mail: zhurslav@gmail.com

Information about the author

Stykalin Alexander S.,
Ph D. (History), Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
ORCID0000-0003-0834-9090
E-mail: zhurslav@gmail.com

Славяноведение, 2022, № 3, с. 52–70

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 3, pp. 52–70

DOI: 10.31857/S0869544X0019974-4

Оригинальная статья / Original Article

«Албанский» 1968 год.
Отчет И.Г. Сенкевич о научной командировке
на фоне политического пейзажа¹

© 2022 г. Ар. А. Улуныян

Институт всеобщей истории Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

draugab345@google.com

Аннотация. В статье анализируется международный контекст, в котором появился отчет И.Г. Сенкевич, составленный в конце мая – начале июня 1968 г. и основанный на результатах пребывания в Приштине на конференции, посвященной 500-летию со дня смерти Скандербег. Автор рассмотрел условия, в которых проходила подготовка данного симпозиума, характер албано-югославских отношений в этот период и отметил многофакторность значения данной конференции. Проведены параллели с аналогичным отчетом албанской делегации, который она адресовала партийно-государственному руководству своей страны, и выявлены различия между двумя документами с точки зрения содержащейся в них информации о научном содержании симпозиума и характеристики представленных докладов.

Ключевые слова: Албания, Косово, Сенкевич, Скандербег, СССР, Э. Ходжа, Югославия.

Ссылки для цитирования: Улуныян Ар.А. «Албанский» 1968 год. Отчет И.Г. Сенкевич о научной командировке на фоне политического пейзажа // *Славяноведение*. 2022. № 3 С. 52–70. DOI: 10.31857/S0869544X0019974-4

The «Albanian» 1968. Report of I.G. Senkevich on the Scientific Mission
Against the Backdrop of the Political Landscape

© 2022. Artyom A. Ulunyan

Institute of World History of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

draugab345@google.com

¹ Автор выражает искреннюю благодарность кандидату исторических наук, ведущему научному сотруднику Института славяноведения РАН А.С. Стыкалину не только за предоставленный документ из Архива РАН, но и за сам факт обращения внимания на малоизученные аспекты албано-югославо-советских отношений, что сыграло иницилирующую роль при написании данной статьи.

Abstract. The article analyzes the international context in which the report compiled by I.G. Senkevich in late May – early June 1968 reflected results of her stay in Pristina and participation in the conference on the 500th Anniversary of Skanderbeg's death. The author explores the conditions under which the preparations for this symposium took place, the nature of Albanian-Yugoslav relations during this period, and the manifold meaning of the conference's significance. The article draws parallels with a similar report compounded and submitted by the Albanian delegation to the party and state leadership of Albania, and the paper defines the differences between the two documents in terms of information about the scientific content of the symposium and of the characteristics of the delivered reports.

Keywords: Albania, E. Hoxha, Kosovo, Senkevich, Skanderbeg, USSR, Yugoslavia.

Reference for citation: *Ulunyan Artyom A.* The «Albanian» 1968. Report of I.G. Senkevich on the Scientific Mission against the Backdrop of the Political Landscape // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No 3. P. 52–70. DOI: 10.31857/S0869544X0019974-4

Традиционно считается, что 1968 г. вошел в мировую историю исключительными двумя самыми важными событиями – молодежным студенческим протестным движением, начавшимся в мае во Франции, а затем охватившим Западную Европу и США, и предпринятой 21 августа военной интервенцией ряда государств—членов Организации Варшавского договора (ОВД) во главе с СССР в Чехословакию. Именно они, как справедливо полагают многие эксперты, решающим образом повлияли на эволюцию политических систем в отдельных странах и на международные отношения, сыграв значительную роль в противостоянии западного и восточного блоков, воздействовав также на формулирование правящими элитами внутренней и внешней политики в последующие годы. Вместе с тем масштаб значимости данных событий затмил другие, как казалось тогда, не имевшие столь большого влияния на международную конъюнктуру. Однако они тоже сыграли важную роль в изменении конфигурации всей европейской и даже мировой политики спустя чуть больше 20 лет. К числу таких событий относились те, что происходили в рамках отношений между двумя соседними балканскими государствами – Народной Республикой Албанией (НРА) и Социалистической Федеративной Республикой Югославией (СФРЮ). К многофакторному конфликту Тираны с Белградом, начавшему развиваться во второй половине 1940-х годов, в конце 1950-х – начале 1960-х добавился еще и конфликт между Тираной и Москвой, проходивший на фоне так называемого советско-югославского примирения и одновременно с этим углублявшегося советско-китайского раскола, в котором НРА поддержала Китайскую народную республику (КНР), что привело в конечном счете к фактическому разрыву дипломатических отношений между СССР и НРА. Последняя перестала участвовать в работе Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и ОВД. В самой Албании в этот период происходило ужесточение политического режима и нарастание репрессий, с помощью которых глава Албанской партии труда (АПТ), ее первый секретарь Э. Ходжа и его ближайшее окружение стремились подавить любую критику проводимого курса и не допустить распространения на внутривластную повестку дня влияния реальных и потенциальных сторонников СССР и СФРЮ.

Тем временем, после смещения 14 октября 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и избрания на этот пост Л.И. Брежнев, стоявшего во главе поддерживавшей его внутривластной группировки,

советская сторона попыталась ослабить противостояние с НРА, которая к тому времени была исключена Москвой из списка упоминаемых на официальном уровне «социалистических стран». Однако эта попытка не принесла ожидавшихся результатов, а советское партийно-государственное руководство продолжало характеризоваться верхушкой АПТ при иницилирующей роли Э. Ходжи как ревизионистское. В самой Югославии, отношения которой с СССР были подвержены серьезным колебаниям от новых противостояний к новым сближениям, проходили также сложные внутривнутриполитические процессы, свидетельствовавшие о развитии кризисных явлений как во внутрифедеративных отношениях, затрагивавших этнонациональные вопросы, так и в самом руководстве Союза коммунистов Югославии (СКЮ) и СФРЮ. Обострялась ситуация в автономном крае Косово и Метохия с преимущественным албанским населением. В его среде усиливалось движение за обеспечение более широких прав, включая повышение юридического статуса края внутри федерации, использование албанского языка и расширение возможностей для национального образования на нем. Это рассматривалось югославскими федеральными властями как потенциальная угроза сепаратизма, тем более что сама «косовская проблема» затрагивала не только внутривнутриполитическую ситуацию в СФРЮ, но могла стать, по мнению официального Белграда, инструментом для вмешательства во внутривнутриполитические дела Югославии со стороны Албании, руководство которой, обращаясь в заявлениях к положению албанцев в СФРЮ, выдвигало против югославских властей обвинения в ущемлении ими прав этнических албанцев (граждан Югославии). Весьма примечательно в данной связи выглядит запись от 19 сентября 1966 г. в дневнике Э. Ходжи, один из пассажей которой не оставляет сомнений относительно взглядов главы АПТ на суть «косовской проблемы»: «Известны следующие факты: Косово и другие албанские области в Югославии, части Албании, были отделены от своей матери империалистическими державами и переданы Сербскому королевству. Косово является албанским, остается албанским и принадлежит Албании» [18. Ф. 213].

В свою очередь, особенно жесткую позицию в «албанском вопросе» с югославской стороны занимал «второй» человек в партийно-государственном руководстве СФРЮ, вице-президент А. Ранкович, курировавший МВД и органы безопасности. Последние, занимавшиеся, помимо остальных функций, контролем за внутривнутриполитической ситуацией, активно вели работу и в Косове, в отношении албанских жителей которого к началу 1960-х годов было составлено более 120 тыс. досье. Наряду с этим, как стало выясняться, органы безопасности при явном личном покровительстве А. Ранковича начали активно вовлекаться и в политические дела на высшем государственном уровне, когда, в 1966 г., глава СФРЮ и СКЮ Й. Броз Тито вдруг обнаружил подслушивающие устройства в своей резиденции. На срочно созванном по его инициативе заседании Исполкома СКЮ 16 июня 1966 г. было принято решение о проведении 1 июля 1966 г. IV Пленума ЦК СКЮ, который состоялся в отеле «Истра» на о. Ванга, входящем в группу средиземноморских Брионских островов (в связи с чем получил неофициальное название Брионский пленум) [9. С. 73–95]. А. Ранковича лишили всех постов как виновного в противоправных действиях госбезопасности. Помимо этого, именно на него была возложена ответственность за проводившуюся в автономном крае Косово и Метохия политику рестрикций в отношении албанцев. Проходивший 14–15 сентября 1966 г. VI съезд Союза коммунистов Сербии признал, как об этом говорилось в официальных документах, неравное положение албанцев в Югославии,

репрессии со стороны органов безопасности; было принято решение о необходимости изменения сложившегося в крае положения [32. S. 376].

Этот многослойный албано-югославский фон первой половины 1960-х годов, важный с различных точек зрения, имел и свое «академическое» измерение, т.е. сказывался на научных связях НРА и СФРЮ с зарубежными государствами и, в частности, СССР. Для последнего, при отсутствии дипломатических отношений с Албанией, которая к тому же становилась союзником КНР на Балканах, любая возможность контактов с албанской стороной представляла стратегическое значение, и в то же время Москва всерьез опасалась сближения с коммунистическим Китаем и нейтральной титовской Югославии. Таким образом, «албанский фактор» при всей кажущейся малозначимости собственно Албании в международных отношениях, вызвал повышенный интерес и внимание у советской стороны.

В научном плане, прежде всего в контексте исторических академических исследований в области балканистики, албанская тематика начала развиваться в СССР в 1950-е годы XX в. и к началу 1960-х годов в стране уже работала немногочисленная, но квалифицированная группа историков-албанистов – Григорий Львович Арш (1925–2017), Юлия Владимировна Иванова (1922–2006), Нина Дмитриевна Смирнова (1928–2001) и Ирина Григорьевна Сенкевич (1930–1968) [2]. Они весьма успешно занимались различными проблемами новой и новейшей истории Албании, а также историко-этнологической тематикой. Однако с ухудшением советско-албанских отношений, а затем уже в результате разрыва всех связей, включая дипломатические, между СССР и НРА, историки оказались в тяжелой ситуации, так как оказались оторваны от окончательно закрытой для советской стороны, а практически и для всего внешнего мира Албании. Тем временем в 1965 г. впервые в СССР была издана «Краткая история Албании», в которой системно излагалась албанская история, а ее авторами являлись трое из выше названных ученых [1]. Примечательной чертой этой работы было использование (в посвященном новейшему периоду НРА разделе) определения страны как социалистической. Судя по всему, такие изменения объяснялись тем, что рукопись книги была подписана в набор 24 октября 1964 г., т.е. спустя всего десять дней после Пленума ЦК КПСС, на котором был отстранен от власти Н.С. Хрущев, а сама верстка подписана к печати 5 марта 1965 г. Для книги, изданной в государственном издательстве АН СССР «Наука», над продукцией которого, как и других советских издательств, осуществлялся цензурный идеологический контроль, это определение политического строя Албании, очевидно, не было случайным. Оно являлось своего рода намеком со стороны нового советского руководства на готовность к возобновлению отношений с Тираной, чего, однако, так и не последовало. Курс, избранный Э. Ходжей, как следовало из его публичных заявлений, а также ставших позже известными дневниковых записей, глава АПТ не собирался менять. Так, в частности, обращаясь к складывавшейся в мире ситуации и имея в виду становившиеся все более очевидными внутривосточные процессы в одной из стран восточного блока – Чехословакии, Э. Ходжа написал в дневнике 4 января 1968 г.: «Общий политический и экономический кризис мировой капиталистической системы углубляется [...]. Героическая, принципиальная, революционная позиция нашей партии, как и китайской партии против империализма и ревизионизма сыграла большую роль в углублении этого кризиса, который продолжает обостряться и примет катастрофические размеры для американского империализма и других капиталистических государств. Все

это вызовет еще более тяжелые кризисы в Советском Союзе и других ревизионистских странах» [19. Ф. 5]. Этот тезис лег в основу редакционной (без подписи) статьи в центральном органе АПТ «*Zëri i Popullit*» («Голос народа») 31 марта 1968 г.

В самой Югославии ситуация вокруг «албанской темы» после смещения А. Ранковича начала меняться. В столице автономного края г. Приштине 28 февраля 1967 г. был восстановлен существовавший с 1 июня 1953 г. до 25 декабря 1955 г. Институт албанографии при Философском факультете Приштинского университета, а также создан 20 апреля того же года Институт истории², был возобновлен в 1968 г. и выход журнала «*Gjurmime albanologjike*» («Албанографические исследования»). Эти изменения происходили на фоне усилившейся общественно-политической активности албанских жителей Косова и Метохии, среди которых все более популярными становились идеи повышения статуса края в государственно-административной системе СФРЮ и расширения его автономии, включая укрепление позиций албанского языка и развитие культуры. К концу 1967 — началу 1968 г. активность представителей различных слоев албанского населения приобрела различные формы, включая протестные с ярко выраженными национальными чертами. Федеральные власти, с одной стороны, проводившие политику ограниченной либерализации, а, с другой — жестко преследовавшие проявления национального протеста и неподконтрольной им общественно-политической активности, оказались в довольно сложном положении, так как происходившее в автономном крае Косово и Метохия могло при определенных обстоятельствах вовлечь соседнюю Албанию во внутриюгославские дела и дать ей возможность использовать албанское население страны в политических целях НРА, тем более что ее руководство в лице Э. Ходжи довольно часто обращалось к данной теме в публичных выступлениях и на страницах официальных партийно-государственных СМИ. Как отмечали в этой связи современные албанские исследователи, «северный сосед Албании, Югославия, была (*в глазах руководства АПТ.* — *Ар.У.*) ревизионистской страной, и албанским населением под ее юрисдикцией можно было манипулировать [...]. Одновременно позиция албанского руководства была обусловлена международной конъюнктурой, *status quo* относительно нерушимости границ, установленным после Второй мировой войны на мирной конференции в Париже 1946 г.» [31. Ф. 212].

14 февраля 1967 г. Союзный секретариат по иностранным делам (МИД СФРЮ) издал директиву, согласно которой автономному краю придавалось особое значение в деле улучшения отношений с НРА. Среди необходимых мер назывались «закупка литературы в Албании для нужд албанского меньшинства в Югославии, обмен публикациями, материалами и экспертами, а также совместное участие Косова и Метохии и Албании в стандартизации албанского языка» [32. С. 376], а 8 марта Союзное исполнительное вече СФРЮ приняло решение о дополнительных действиях в интересах нормализации отношений с Албанией [32. С. 377]. Однако уже весной следующего, 1968 г., руководство СКЮ было вынуждено признать, что предпринимавшиеся шаги принесли довольно скромные результаты [32. С. 378]. В то же время в самом автономном крае продолжалось обсуждение (как в его партийно-региональном руководстве, так и среди интеллигенции) вопросов, связанных не только с повышением

² Подробнее см. монографию В. Милановича, которая, несмотря на политизированный характер, представляет определенный интерес с точки зрения фактологии [27].

юридического статуса автономии, но и с культурно-национальными проблемами. Принятое специальной комиссией по вопросам единства албанского языка, проводившей заседания в Приштине 22–23 апреля 1968 г., решение о том, что язык косовских албанцев является литературным языком Албании, фактически подчеркивало единство албанцев вне зависимости от места их проживания, что также создавало соответствующий фон в контексте сохранявших конфликтный характер взаимоотношений между НРА и СФРЮ.

В свою очередь, для советской стороны, лишенной возможности контактировать напрямую с НРА, автономный край Косово и Метохия приобретал особое значение, а советским ученым, специализирующимся на албанской тематике, предоставлял по сути единственную возможность для продолжения исследований. Активизация связей между Тираной и Приштиной, причем начатая по инициативе албанского партийно-государственного руководства, проходила в конце 1967 г. – начале 1968 г. на фоне подготовки к 500-летней годовщине со дня смерти национального героя Албании, руководителя национально-освободительной борьбы албанского народа в XV в. Георги Кастриоти. Выходец из знатного рода, взятый турками еще в детстве заложником, он служил затем в османской армии и за свои заслуги получил титул бея. К нему было добавлено имя Искендер (в честь Александра Македонского), после чего он и вошел в историю под албанским вариантом этого имени как Скандербег. Подняв после победы венгров над османскими войсками под г. Ниш восстание албанцев, он возглавил борьбу против турок, а в 1443 г. был провозглашен правителем княжества Кастриоти. Помимо исторического значения эта легендарная личность превращалась в знаковую политическую фигуру в идеологии и пропаганде возглавлявшегося главой АПТ Э. Ходжей режима, в национальный символ успешного сопротивления небольшого народа давлению огромной империи, а также и в строителя суверенного албанского национального государства. Примечательным фактом в данной связи был демонтаж на центральной площади Тираны статуи И.В. Сталина и возведение на ее месте статуи Скандербег. Одновременно власти активно использовали академические гуманитарные институты для реализации своей политики, что сказалось и на написанной в Институте истории многотомной «Истории Албании» [21. Р. 71].

Аналогичный юбилей для югославского автономного края Косово и Метохия, где расширилась общественно-политическая активность местных албанцев – что требовало соответствующего внимания югославских федеральных властей, – также имел символическое значение. Таким образом, 500-летняя годовщина смерти Скандербег превращалась в объект политической конкуренции между албанским и югославским партийно-государственным руководством, когда каждая из сторон стремилась использовать его в своих целях.

В этой связи Албанский комитет по внешним связям направил 8 декабря 1967 г. Народной скупшине автономного края телеграмму, в которой делегация югославских албанцев приглашалась для участия в научной конференции, намеченной на 12–17 января 1968 г. в Албании и посвященной 500-летию смерти Скандербег. В ответной телеграмме 2 января 1968 г. председатель Народной скупщины Фадиль Ходжа, помимо того, что высоко оценил роль Скандербег в истории албанского народа, выразил готовность вместе с представителями НРА отметить 500-летие события. В этой связи он сообщил о готовности Скупщины направить делегацию, «отражающую население Косова», и о том, что в населенных албанцами районах Югославии, в частности

в Косове, Македонии и Черногории, предполагается проведение торжественных мероприятий, на которые приглашается делегация НРА [16. Р. 10483].

Подготовка к конференции в Тиране шла на фоне усиливавшейся в НРА кампании репрессий, в ходе которых властями массово закрывались христианские и мусульманские религиозные заведения. Одновременно, применительно к проводимой режимом Э. Ходжи политике, «исторический аргумент» являлся одним из важных идеологических инструментов и частью официальной пропаганды. Как отмечают современные албанские исследователи, «ряд основных политико-пропагандистских нарративов и политических/культурных норм, таких как необходимость единства народа и единства народа и вождя, культ вождя, образ самого себя как уникального и благородного, ксенофобия, изоляционизм и милитаризация, таким образом, оправдывались путем неправомерного использования и манипулирования историей. Историография и албанистика в целом, задуманные тем временем как междисциплинарные исследования “многотысячелетнего прошлого” албанского народа, стали главным оружием пропаганды» [21. Р. 72].

Поэтому, имея в виду значение личности Скандербега для албанской и балканской истории, партийно-государственное руководство НРА стремилось в политических целях придать полутысячелетней годовщине как общеалбанский, так и в более широком смысле, международный характер. На проводившуюся в Тиране Вторую научную албанологическую конференцию, которая была полностью посвящена памятной дате и проходила в торжественной атмосфере 12–18 января 1968 г., прибыла югославская делегация в составе главного редактора албаноязычного журнала «*Jeta e Re*» («Новая жизнь») Эсата Мекули, декана экономического факультета Приштинского университета Марка Красничи, заведующего кафедрой истории Приштинского университета Богумила Храбака, доцента юридического факультета Суры Поповци, директора Института албанологии Фехми Агани, ассистента кафедры истории философского факультета Приштинского университета Зефа Мирдиты и сотрудника Института албанологии Антона Цетты [16. Р. 10484].

На пленарном заседании конференции, официально называвшейся «Вторая научная конференция по албанологии» (первая состоялась 15–21 ноября 1962 г.)³ и проходившей 12–18 января 1968 г., присутствовало все высшее партийно-государственное руководство страны, а в ходе заседаний было представлено 58 докладов, 73 сообщения, из которых 16 принадлежали иностранным ученым (советские представители не были приглашены). Материалы сессий были изданы в виде трех больших томов тиражом каждого тома в 4 тыс. экземпляров [22–24]. Одновременно албанская сторона предприняла шаги по укреплению своего влияния на албанцев-косоваров, что нашло выражение в устроенной в период конференции 15 января ознакомительной поездке в г. Круя, где прошла церемония присвоения ему звания «Города-героя» и открытия музея Скандербега. Сам Э. Ходжа отметил в дневнике в записи под пафосным заголовком «Косовары-албанцы, наши братья» состоявшуюся «импровизированную беседу с группой косовских профессоров, приехавших для участия в работе Второй конференции албанологических исследований». В ходе этой встречи глава АПТ заявил, что «мы очень рады видеть вас здесь, среди нас, по случаю юбилея нашего общего предка Скандербега. Он наш и ваш. Разве это не так?».

³ Ее материалы были опубликованы в виде отдельного издания: [25].

При этом он в достаточно резкой манере, обращаясь к присутствующим, которых он назвал «косовскими братьями», объявил о том, что «мы никогда не собираемся нападать на Югославию, но в случае, если югославская реакция и ревизионизм нарушат наши границы и нападут на нас, мы контратакуем, сломаем их и одержим победу над ними» [19. Ф. 36].

Тем временем подготовка к научной конференции в Приштине, посвященной годовщине смерти Скандербега, имела своеобразный характер и продолжалась несколько месяцев. Симпозиум, как официально называлось это мероприятие, был призван подчеркнуть позитивный характер процесса развития албанского национального меньшинства в рамках СФРЮ, благосклонное отношение властей к нему и его истории, а также важное значение для албанцев связей с соседними народами, прежде всего в самой Югославии. Планировалось приглашение иностранных ученых-албанистов, которые специализировались как по вопросам, связанным с эпохой Скандербега, национально-освободительной борьбой албанского народа под его руководством, так и по более широкому кругу социально-политических проблем. Примечательным в данной связи стало приглашение на конференцию молодого, но уже известного работами по албанской истории Нового времени советского историка кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории АН СССР (еще до его деления через несколько месяцев, осенью 1968 г. на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории) И.Г. Сенкевич. Выбор, сделанный югославской стороной, был вероятно обусловлен, помимо прочего, субъективно-политическими причинами, что делало ее кандидатуру, по сравнению с тремя другими коллегами, более приемлемой для партийно-государственных инстанций НРА, собиравшихся послать албанскую делегацию, и менее всего могла вызвать возражения у Тираны, что, разумеется, принималось во внимание организаторами симпозиума в Приштине. К тому времени И.Г. Сенкевич уже была известна своими публикациями по албанистике, а также начала заниматься российско-греческими связями в XIX в. и не только защитила кандидатскую диссертацию, но и успела опубликовать в ведущем академическом издании «Наука» две серьезные монографии [10; 12], раздел в «Краткой истории Албании», переведенной в Приштине на албанский язык [15], а также серию статей. В институтской практике советских времен для 38-летнего ученого-историка, занимающегося новой и новейшей историей зарубежных стран, это было скорее исключением, чем правилом⁴. Незадолго до поездки в Югославию на симпозиум исследовательница подготовила статью, опубликованную в мартовском номере журнала «Вопросы истории» за 1968 г. под названием «Георгий Скандербег – руководитель освободительной борьбы албанского народа в XV в.» [11] и фактически ставшую основой ее доклада.

В соответствии со сложившейся в СССР практикой все командируемые за рубеж сотрудники учреждений должны были представить в течение короткого срока по возвращении отчет о командировке, основным содержанием которого была информация о проделанной работе, и включавший нередко определенные

⁴ Вскоре после поездки в Югославию И.Г. Сенкевич в результате академической реорганизации вместе с группой коллег, специалистов по неславянским странам Центральной и Юго-Восточной Европы, была переведена на работу в преобразованный Институт славяноведения и балканистики АН СССР, где проработала еще несколько месяцев вплоть до своей неожиданной кончины 24 декабря 1968 г. Через два года после ее смерти вышла ранее сданная в печать монография «Россия и Критское восстание 1866–1869 гг.» [13]. О И.Г. Сенкевич см. [3].

политико-идеологические элементы (что было особенно характерно для гумани-тариев). В Академии наук в соответствии с официальным статусом координатора и организатора связей с иностранными научными учреждениями командированием и получением подобных отчетов занималось Управление внешних сношений, имевшее соответствующие подразделения, отвечавшие за конкретные регионы и страны. Контакты с государствами Восточного блока в это время курировало Управление научного сотрудничества с социалистическими странами АН СССР, возглавлявшееся с 1967 г. по 1988 г. П.С. Ораевским и включавшее несколько отделов, одним из которых руководил Н.И. Киселев. Во многом на материалах этого отдела им были опубликованы статьи и монография, посвященные межакадемическому научному сотрудничеству СССР со странами восточного блока и КНР [4–8]. Документы УВС и этого отдела отложились в Архиве Российской академии наук (Архив РАН).

Имея в виду не только ситуацию, складывавшуюся в Чехословакии, за реформами в которой пристально наблюдали как на Западе, так и на Востоке, но и события, происходившие в НРА и СФРЮ, поездка И.Г. Сенкевич на конференцию, посвященную знаковой для албанской истории фигуре, причем с запланированным участием в заседаниях представителей НРА, вызвала определенный интерес с точки зрения установления и расширения связей с учеными из приштинских научных учреждений, которые начинали все больше контактировать с аналогичными институтами и университетами в самой Албании. В условиях принятой руководством АПТ самоизоляции НРА это было особенно важно во многих отношениях и являлось для советской стороны частью своеобразной «научной (академической) дипломатии», тем более что и без того жесткая позиция Э. Ходжи в отношении СССР к этому времени усилилась, тогда как его отношение к внешнеполитическому курсу СФРЮ не претерпело изменений в этот период. Последнее особенно наглядно демонстрировалось в публикациях центральным органом АПТ газетой «*Zëri i Popullit*» редакционных бесподписных статей, написанных лично Э. Ходжей. Так, в частности, 17 апреля 1968 г. появился очередной такой материал под заголовком «Террор в отношении албанского населения – постоянная политика титоистской клики» (*Terrorizimi i popullsisë shqiptare – politikë e përhershme e klikës titiste*), в котором говорилось о судебных процессах, прошедших в ряде городов Югославии над албанцами, обвиненными в подрывной деятельности [20. F. 509, 510].

В середине мая 1968 г., т.е. за полмесяца до массовых выступлений в Париже и за три месяца до совместной интервенции членов ОВД в Чехословакию, Ходжа писал 14 мая в дневнике: «В течение этого месяца лидеры различных ревизионистских стран и партий совершают частые поездки друг к другу. Эти движения говорят о состоянии сильной нервозности и паники в них. Чешские ревизионисты, желающие ускорить процесс полного перерождения своей страны, испытывают сильное давление со стороны советских, польских и восточногерманских ревизионистов» [19. F. 188]. Поездка союзного секретаря по иностранным делам Марко Никезича в представлениях Э. Ходжи оценивалась им как попытка убедить чехословацкую сторону оказать сопротивление СССР и обещание совместной югославо-американской помощи [19. F. 188].

Таким образом, условия подготовки симпозиума в Приштине были явно неблагоприятными для югославской стороны. Тем не менее, организаторам конференции удалось решить главную проблему – обеспечить приезд албанских историков – сотрудников университета в Тиране и Института истории албанской

Академии наук. Эта конференция была намного скромнее прошедшей в январе 1968 г. в Тиране Второй албано-югославской конференции как по количеству участников, так и по срокам проведения (9–12 мая 1968 г.). В результате достигнутых договоренностей между албанской и югославской сторонами, делегация НРА собиралась прибыть в Приштину. В нее вошли как уже известные на тот момент ученые, так и молодые. Среди первых были профессора Алекс Буда, Ндречи Пласари и Буяр Ходжа. Первый из них уже на тот момент был известен в Албании и за рубежом как ведущий специалист-албанист, автор многочисленных научных работ. Н. Пласари, занимавший в момент поездки должность заместителя директора Института истории партии при ЦК АПТ, специализировался по вопросам антифашистской борьбы в Албании, партийной истории и албано-югославских отношений. Примечательной фигурой был третий из этой группы профессоров – литературовед Буяр Ходжа – сын Ходжи Кадри Приштины – известного албанского и косовского политического и общественного деятеля, председателя Комитета национальной защиты Косова (*Komiteti Mbrojtja Kombëtare e Kosovës*), который в 1919–1924 гг. стоял во главе вооруженной борьбы в населенных албанцами районах Королевства сербов, хорватов и словенцев. Более молодое поколение было представлено профессорами Дорка Дамо, Тома Мурзаку и Медиха Шутеричи. Степень важности для югославской стороны открывшейся 8 мая 1968 г. конференции подчеркивалась присутствием председателя народной скупщины края Фадила Ходжи, секретаря краевой организации СКЮ Вели Девы и председателя исполнительного вече края Ильи Вачича [16. Р. 10484]. Материалы прошедшего симпозиума были опубликованы в Приштине в виде отдельного 474-страничного издания под эгидой Института албано-югославских исследований в Приштине под названием «Симпозиум, посвященный Скандербергу» [30].

Присутствовавшие на заседаниях представители НРА участвовали также во встречах с местной албанской общественностью как в автономном крае, так и ряде других мест, где проживали албанцы. Их пребывание в СФРЮ также представляло интерес для государственных и партийных органов НРА и, в соответствии со сложившейся практикой, аналогичной советской, они должны были представить отчет о результатах командировки. Члены албанской делегации составили намного больший по объему, чем аналогичный отчет И.Г. Сенкевич, 30-страничный машинописный документ, датированный 25 мая 1968 г., о пребывании в Приштине на симпозиуме, посвященном 500-летию со дня смерти. Судя по всему, один его экземпляр был направлен в ЦК АПТ, а другой – в Министерство иностранных дел НРА⁵.

Помимо традиционной политико-идеологической части, обязательной для подобного вида документов в коммунистических странах, он содержал информацию о самом мероприятии, а также об общественно-политической ситуации в автономном крае, о беседах с отдельными представителями ее руководства и встречах с албанцами-косоварами.

В разделе, касавшемся непосредственно работы симпозиума, в идеологически «выдержанном» тоне давалась характеристика выступлений некоторых

⁵ Документ под названием «Отчет о визите группы научных сотрудников Тиранского государственного университета в Косово по случаю симпозиума, посвященного Скандербергу» хранится в Центральном государственном архиве Албании и Архиве Министерства иностранных дел: Arkivi Qendror Shtetëror (AQSH). Fond 511. Viti 1968. Dosje 30; Arkivi i Ministrisë së Punëve të Jashtme (AMPJ). Viti 1968. Dosja 360. Raport mbi vizitën e grupit të punonjësve shkencorë të universitetit shtetëror të Tiranës në Kosovë me rastin e simpoziumit kushtuar Skenderbeut. См. публикацию [26].

зарубежных коллег, при этом не упоминалась единственная советская участница И.Г. Сенкевич, несмотря на то что в иных подобных случаях албанская сторона почти всегда подчеркивала в документах, адресованных в руководящие инстанции НРА, «противодействие советскому ревизионизму». В то же время в полном соответствии с господствовавшей в идеологии режима «политической линией» давались соответствующие характеристики иностранных участников конференции. Так, в частности, отметив, что «на симпозиуме было представлено около 40 докладов, шесть из них от нашей делегации, 19 от албанских ученых из Югославии (Косово, Македония и др.), 12 от югославских ученых и четыре от представителей зарубежных стран (Советский Союз, Австрия и Западная Германия)» [26. Ф. 256]⁶, авторы доклада не преминули подчеркнуть, что доклады иностранных ученых «ничего не дают для понимания эпохи Скандербег». В то же время было отмечено, что «их выступления, хотя и не имеющие научного значения, тем не менее были проникнуты духом симпатии к албанскому герою и руководимой им борьбе. Австриец Р. Шванке высказал мнение, что фигура и эпоха Скандербега будут удовлетворительно научно проиллюстрированы только тогда, когда “тезисы Алекса Буды согласуются со взглядами турецкого историка Х. Иналджика [Халил Иналджик] и иезуита Зефа Валентини в духе ЮНЕСКО”. В своем выступлении Алекс Буда указал на научные причины, по которым взгляды Х. Иналджика на якобы прогрессивный характер османской оккупации Албании и Зефа Валентини на характер албанской войны как предполагаемой войны в защиту христианства не выдерживают научной критики» [26. Ф. 257].

Примечательным «послесловием» к этому документу можно считать публикации двух «старших» членов делегации. Так, в частности уже после крушения коммунистической диктатуры в Албании Н. Пласари подготовил несколько изданий документов и исследований, посвященных режиму Э. Ходжи, в которых представлена история становления созданной им авторитарно-тоталитарной системы [27; 28]. Не менее значимыми для понимания происходившего в Албании в коммунистический период ее истории стали опубликованные воспоминания другого участника конференции в Приштине, академика А. Буды. Он, в частности, отметил, что когда впервые приехал в Косово в мае 1968 г. на эту конференцию, то был поражен тем, как мало знал о Косово и «не мог представить другой Албании, такой большой и близкой, как та, где мы живем». Более того, находившиеся с ним коллеги были под впечатлением произошедших благодаря финансовой поддержке работавших за рубежом албанцев-косоваров изменений в деревне, а сам А. Буда заметил, что «мы видели своими глазами, что наше мнение о том, что иммиграция преподносится нам как негативное явление, таковым не является» [17. Ф. 251, 252]. Эти воспоминания дают определенное представление о причинах соответствующей идеологической тональности представленного албанской делегацией отчета, подчас расходившейся с подлинными настроениями командированных в СФРЮ ученых.

В отличие от объемного доклада албанских делегатов приштинского симпозиума, отчет И.Г. Сенкевич был намного меньше и посвящен исключительно именно самому симпозиуму, а также отношению к представителю СССР принимающей стороны, включая ученых и местное партийно-региональное руководство автономного края. Судя по тональности документа и затронутым в нем вопросам, автор стремилась подчеркнуть необходимость расширения научных

⁶ В действительности количество иностранных ученых было следующим: шесть из НРА, один из СССР, один из ФРГ, три из Австрии и один из Турции.

связей с коллегами из Приштины в контексте общих интересов албанистов, работавших в советских научных учреждениях, чтобы таким образом хотя бы частично разрешить проблему, порожденную разрывом отношений между СССР и НРА. Не исключено, что советские государственные органы могли заинтересоваться такой возможностью оживления контактов по ряду причин, с учетом того, что в 1969 г. со стороны СССР предпринимались попытки установления неформальных связей с Албанией через отдельных союзников по Восточному блоку (подробнее см. [14]). Представленный И.Г. Сенкевич в Управление научного сотрудничества с социалистическими странами АН СССР по возвращению из Югославии материал, являвшийся на первый взгляд обычным отчетом о научной командировке (см. приложение), можно считать интересным документом эпохи, непосредственно затрагивающим советско-югославские и советско-албанские отношения, причем в их специфической, академической, области. При этом для ученых-албанистов контакты с приштинскими учеными были важны, как уже упоминалось выше, прежде всего с профессиональной, научной точки зрения в условиях недоступности для них Албании, тогда как для официальной советской стороны они представляли интерес во внешнеполитическом плане в контексте общей ситуации, развивавшейся в Албании и соседнем с ней автономном крае Косово и Метохия, где через несколько месяцев после симпозиума произошли разогнанные полицией волнения албанского населения, требовавшего предоставления краю статуса союзной республики, принятия новой конституции СФРЮ, объединения под единым руководством территорий с албанским населением в разных республиках.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АПТ – Албанская партия труда
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КНР – Китайская Народная Республика
МИД – Министерство иностранных дел
НРА – Народная Республика Албания
ОВД – Организация Варшавского договора
РАН – Российская академия наук
СФРЮ – Социалистическая Федеративная Республика Югославия
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СЭВ – Совет экономической взаимопомощи
ЦК – Центральный Комитет

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архив Российской академии наук. Ф. 618. Управление научного сотрудничества с социалистическими странами Академии наук СССР. Оп. 3. Отчеты о заграничных командировках ученых Академии наук СССР, представленные в Управление научного сотрудничества с социалистическими странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ари Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании / под ред. А.Ф. Миллера. М.: Наука, 1965. 263 с.
2. *Данченко С.И.* Проблема «На пути к образованию Албанского государства» в послевоенной советской и российской историографии // Независимость Албании в общеевропейском контексте. К 100-летию образования Албанского государства. Сб. статей / Отв. ред. П.А. Искендеров. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 29–80.
3. *Джапаридзе Э.А.* Сенкевич И.Г. // Советское славяноведение. 1969. № 4. С. 125.

4. *Киселев И. Н.* Научные связи Академии наук СССР с Польской академией наук // Советское славяноведение. 1969. № 4. С. 44–53.
5. *Киселев И. Н.* О творческих связях советских и чехословацких ученых в области общественных наук // Советское славяноведение. 1966. № 5. С. 51–60.
6. *Киселев И. Н.* Советско-китайские научные связи // Из истории науки и техники в странах Востока. М.: Восточная литература, 1963. Вып. 3. С. 61–92.
7. *Киселев И. Н.* Советско-монгольское научное сотрудничество (на примере АН СССР и АН МНР) // 50 лет Народной революции в Монголии. М.: Наука, 1971. С. 163–179.
8. *Киселев И. Н.* Сотрудничество Академии наук СССР с Академиями наук стран-членов СЭВ: 1957–1967. М.: Наука, 1974. 208 с.
9. *Пильак М.* Брионски пленум 1966. године – покушај историографског тумачења догађаја // Токови историје. Институт за новију историју Србије. Београд. 2010. No 1. С. 73–95.
10. *Сенкевич И. Г.* Албаниа в период Восточного кризиса (1875–1881 гг.). М.: Наука, 1965. 230 с.
11. *Сенкевич И. Г.* Георгий Скандерберг – руководитель освободительной борьбы албанского народа в XV в. // Вопросы истории. 1968. № 3. С. 71–82.
12. *Сенкевич И. Г.* Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М.: Наука, 1959. 262 с.
13. *Сенкевич И. Г.* Россия и Критское восстание 1866–1869 гг. М.: Наука, 1970. 211 с.
14. *Улунян Ар. А.* «Послепражский 1969-й». Советские дипломаты и разведка в поисках союзников и противников на Балканах и в европейском Средиземноморье. М.: Ленанд, 2016. 400 с.
15. *Arsh G. Ll., Senkevic I. G., Smirnova N. D.* Histori e shkurhtë e Shqipnisë. Përkth. Zekeria Cana, Abdullah Karjagdiu. Prishtinë: Rilindja, 1967. 262 f.
16. *Basha K.* The scientific cooperation between Kosovo and Albania during 1968 // European Academic Research. 2017. Vol. IV. No 12. P. 10482–10492.
17. *Buda A.* Kujtime. Përgatiti për bototim Tatjana Haxhimihali. Tiranë: Akademia e Shkencave, në vitin 2014. V. 2. 566 f.
18. *Hoxha E.* Ditar për çështje ndërkombëtare (1966–1967). Instituti i studimeve Marksiste – Leniste pranë KQ të PPSH. Tiranë: Shtëpia Botuese «8 Nëntori», 1982. V. 4. 631 f.
19. *Hoxha E.* Ditar për çështje ndërkombëtare (1968–1969). Instituti i studimeve Marksiste – Leniste pranë KQ të PPSH. Tiranë: Shtëpia Botuese «8 Nëntori» 1982. V. 5. 605 f.
20. *Hoxha E.* Vepra. (Nëntor 1967–prill 1968). Tiranë: Shtëpia Botuese, «8 nëntori», 1982. V. 37. 545 f.
21. *Idrizi I.* Between Subordination and Symbiosis: Historians' Relationship with Political Power in Communist Albania // European History Quarterly. 2020. Vol. 50. No 1. P. 66–87.
22. Konferenca e dytë e studimeve albanologjike: me rastin e 500-vjetorit të vdekjes së Gjergj Kastrioti-Skënderbeut. Tiranë 12–18 Janar 1968. Androkli Kostallari (red. përgjegj.). Tiranë: Instituti i Historisë dhe i Gjuhësisë, 1969. V. 1. 658 f.
23. Konferenca e dytë e studimeve albanologjike: me rastin e 500-vjetorit të vdekjes së Gjergj Kastrioti-Skënderbeut. Tiranë 12–18 Janar 1968 red.: Androkli Kostallari (red. përgjegj.). Tiranë: Instituti i Historisë dhe i Gjuhësisë, 1970. V. 3. 351 f.
24. Konferenca e dytë e studimeve albanologjike: me rastin e 500-vjetorit të vdekjes së Gjergj Kastrioti-Skënderbeut. Tiranë 12–18 Janar 1968. Androkli Kostallari (red. përgjegj.). Tiranë: Instituti i Historisë dhe i Gjuhësisë, 1969. V. 2. 610 f.
25. Konferenca e parë e studimeve albanologjike: 15–21 Nëntor 1962. red.: Androkli Kostallari. Tiranë: Universiteti Shtetëror i Tiranës, Instituti i Historisë dhe i Gjuhësisë, 1965. 740 f.
26. Mbi vizitën e grupit të punonjësve shkencorë të Universitetit Shtetëror të Tiranës në Kosovë me rastin e Simpoziumit kushtuar Skënderbeut // Studime Historike. 2015. No 3/4. F. 253–273.
27. *Milanović V.* Univerzitet u Prištini u mreži velikoalbanske strategije. Beograd: INP «Književne novine»; Priština: NIRO «Jedinstvo», 1990. 361 s.
28. *Plasari N., Maltezi L.* Enver Hoxha dhe katër ditët e Beratit, 23–27 nëntor 1944: plenumi i 2-të i KQ të PKSH, Berat 23–27 nëntor 1944: dokumente. Tiranë: Shtëpia Botuese «55», 2007. 409 f.
29. *Plasari N., Maltezi L.* Marrëdhëniet shqiptaro-jugosllave: 1945–1948: dokumente. Tiranë: Drejtorija e Përgjithshme e Arkivave, 1996. 614 f.
30. Simpoziumi për Skenderbeun. Simpozijum o Skenderbegu. (9–12 maj 1968). Redaksia: Idriz Ajeti. Instituti Albanologjik. Prishtinë: Rilindja, 1969. 474 f.
31. *Syla S.* Qëndrimi Shqipërisë ndaj demonstratave në Kosovë më 1968 // Studime Historike. 2012. No 3/4. F. 283–293.
32. *Vukadinović I. Đ.* Kulturno i ekonomsko povezivanje Albanije i Kosova i Metohije (1967–1971) // Istorija 20. Veka. 2021. No 2. S. 375–396.

REFERENCES

- Arsh G. L., Senkevich I. G., Smirnova N. D. *Kratkaya istoriya Albanii*, pod red. A. F. Millera. M., Nauka, 1965. 263 s. (In Russ.)
- Arsh G. L., Senkevich I. G., Smirnova N. D. *Histori e shkurtë e Shqipnisë*. Përkth. Zekeria Cana, Abdullah Karjagdiu. Prishtinë, Rilindja, 1967, 262 f. (In Alban.)
- Basha K. The scientific cooperation between Kosovo and Albania during 1968. *European Academic Research*, 2017, vol. IV, no. 12, pp. 10482–10492.
- Buda A. Kujtime. *Përgatiti për bototim Tatjana Haxhimihali*. Tiranë, Akademia e Shkencave, në vitin 2014, vol. 2, 566 f. (In Alban.)
- Danchenko S. I. Problema «Na puti k obrazovaniyu Albanskogo gosudarstva» v poslevoyennoy sovetsoy i rossiyskoy istoriografii. *Nezavisimost' Albanii v obshchebalkanskom kontekste. K 100-letiyu obrazovaniya Albanskogo gosudarstva*. Sbornik statey. Otvetstvennyy redaktor P. A. Iskenderov, M., Institut slavyanovedeniya RAN, 2014, pp. 29–80. (In Russ.)
- Dzhaparidze E. A. Senkevich I. G. *Sovetskoye slavyanovedeniye*, 1969, no. 4. S. 125. (In Russ.)
- Hoxha E. *Ditar për çështje ndërkomëtare (1966–1967)*. Instituti i studimeve Marksiste-Leniniste pranë KQ të PPSH. Tiranë, Shtëpia Botuese «8 Nëntori», 1982, vol. 4, 631 f. (In Alban.)
- Hoxha E. *Ditar për çështje ndërkomëtare (1968–1969)*. Instituti i studimeve Marksiste-Leniniste pranë KQ të PPSH. Tiranë, Shtëpia Botuese «8 Nëntori», 1982, vol. 5, 605 f. (In Alban.)
- Hoxha E. *Vepra. (Nëntor 1967–prill 1968)*. Tiranë, Shtëpia Botuese, «8 nëntori», 1982, vol. 37, 545 f. (In Alban.)
- Idrizi I. *Between Subordination and Symbiosis: Historians' Relationship with Political Power in Communist Albania*. *European History Quarterly*, 2020, vol. 50, no. 1, pp. 66–87.
- Kiselev I. N. Nauchnyye svyazi Akademii nauk SSSR s Pol'skoy akademiyey nauk, *Sovetskoye slavyanovedeniye*, 1969, no. 4, pp. 44–53. (In Russ.)
- Kiselev I. N. O tvorcheskikh svyazyakh sovetkikh i chekhoslovatskikh uchenykh v oblasti obshchestvennykh nauk. *Sovetskoye slavyanovedeniye*, 1966, no. 5, pp. 51–60. (In Russ.)
- Kiselev I. N. *Sotrudnichestvo Akademii nauk SSSR s Akademiyami nauk stran – chlenov SEV: 1957–1967*, M., Nauka, 1974, 208 p. (In Russ.)
- Kiselev I. N. Sovetsko-kitayskiye nauchnyye svyazi. *Iz istorii nauki i tekhniki v stranakh Vostoka*, M., Vostochnaya literatura, 1963, vyp. 3, pp. 61–92. (In Russ.)
- Kiselev I. N. *Sovetsko-mongol'skoye nauchnoye sotrudnichestvo (na primere AN SSSR i AN MNR)*// 50 let Narodnoy revolyutsii v Mongolii, M., 1971, pp. 163–179. (In Russ.)
- Konferenca e dytë e studimeve albanologjike: me rastin e 500-vjetorit të vdekjes së Gjergj Kastrioti-Skënderbeut. Tiranë 12–18 Janar 1968*. Androkli Kostallari (red. përgjegj.). Tiranë, Instituti i Historisë dhe i Gjuhësisë, 1969, vol. 1, 658 f. (In Alban.)
- Konferenca e dytë e studimeve albanologjike: me rastin e 500-vjetorit të vdekjes së Gjergj Kastrioti-Skënderbeut. Tiranë: 12–18 Janar 1968*. red.: Androkli Kostallari (red. përgjegj.). Tiranë, Instituti i Historisë dhe i Gjuhësisë, 1970, vol. 3, 351 f. (In Alban.)
- Konferenca e dytë e studimeve albanologjike: me rastin e 500-vjetorit të vdekjes së Gjergj Kastrioti-Skënderbeut. Tiranë 12–18 Janar 1968*. Androkli Kostallari (red. përgjegj.). Tiranë, Instituti i Historisë dhe i Gjuhësisë, 1969, vol. 2, 610 f. (In Alban.)
- Konferenca e parë e studimeve albanologjike: 15–21 Nëntor 1962*. red.: Androkli Kostallari. Tiranë, Universiteti Shtetëror i Tiranës, Instituti i Historisë dhe i Gjuhësisë, 1965, 740 f. (In Alban.)
- Mbi vizitën e grupit të punonjësve shkencorë të Universitetit Shtetëror të Tiranës në Kosovë me rastin e Simpoziumit kushtuar Skënderbeut. *Studime Historike*, 2015, no. 3/4, f. 253–273. (In Alban.)
- Milanović V. *Univerzitet u Prištini u mreži velikoalbanske strategije*. Beograd, INP «Književne novine»; Priština, NIRO «Jedinstvo», 1990, 361 p. (In Serb.)
- Pilyak M. Brionski plenum 1966. godine – pokushay istoriografskog tumachenya dogadzhaya. *Tokovi istoriye. Institut za noviyu istoriyu Srbiye*, Beograd, 2010, no. 1, pp. 73–95. (In Serb.)
- Plasari N., Mallezi L. *Enver Hoxha dhe katër ditët e Beratit, 23–27 nëntor 1944: plenumi i 2-të i KQ të PKSH, Berat 23–27 nëntor 1944: dokumente*, Tiranë, Shtëpia Botuese «55», 2007, 614 f. (In Alban.)
- Plasari N., Mallezi L. *Marrëdhëniet shqiptaro-jugosllave: 1945–1948: dokumente*, Tiranë, Drejtoria e Përgjithshme e Arkivave, 1996, 409 f. (In Alban.)
- Senkevich I. G. *Albaniya v period Vostochnogo krizisa (1875–1881 gg.)*, M., Nauka, 1965, 230 p. (In Russ.)
- Senkevich I. G. *Georgiy Skanderbeg – rukovoditel' osvoboditel'noy bor'by albanskogo naroda v XV v*. Voprosy istorii, 1968, no. 3, pp. 71–82. (In Russ.)

- Senkevich I.G. *Osvoboditel'noye dvizheniye albanskogo naroda v 1905–1912 gg.*, М., Nauka, 1959, 262 p. (In Russ.)
- Senkevich I.G. *Rossiya i Kritskoye vosstaniye 1866–1869 gg.*, М., Nauka, 1970, 211 p. (In Russ.)
- Simpoziumi per Skenderbeun. Simpozijum o Skenderbegu. (9–12 maj 1968)*. Redaksia: Idriz Ajeti. Insituti Albanologjik. Prishtinë, Rilindja, 1969, 474 f. (In Alban.and Serb.)
- Syla S. Qëndrimi Shqipërisë ndaj demonstratavenë Kosovë më 1968. *Studime Historike*, 2012, no. 3/4, f. 283–293. (In Alban.)
- Ulunyan Ar.A. «*Posleprazhskiy 1969-y*». *Sovetskiye diplomatiya i razvedka v poiskakh soyuznikov i protivnikov na Balkanakh i v yevropeyskom Sredizemnomor'ye*, М., Lenand, 2016, 400 p. (In Russ.)
- Vukadinović I.Đ. Kulturno i ekonomsko povezivanje Albanije i Kosova i Metohije (1967–1971). *Istorija 20. Veka*, 2021, no. 2, pp. 375–396. (In Serb.)

Информация об авторе

Улуян Артем Акопович,
Доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Отдел региональной истории
Институт всеобщей истории
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1861-4823>
E-mail: draugab345@gmail.com

Information about the author

Ulunyan Artyom A.,
DSc. (History) Historical Sciences
Chief Research Fellow Department
of Regional History
Institute World History
of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1861-4823>
E-mail: draugab345@gmail.com

ПРИЛОЖЕНИЕ**Отчет**

о научной командировке в Югославию старшего научного сотрудника
Института истории АН СССР кандидата исторических наук И.Г. Сенкевич⁷

Симпозиум, посвященный 500-летию со дня смерти Георгия Кастриоти Скандербега, руководителя освободительной борьбы албанского народа в XV веке, состоялся 9–12 мая 1968 г. в г. Приштина (Югославия), центре албанской автономной области Косово-Метохия. (Население более 800 тысяч албанцев). Организаторами симпозиума были Исторический институт в Приштине (научное учреждение, созданное в 1967 г. и занимающееся изучением истории области Косово-Метохия в новое и новейшее время) и Институт албанологии (существует при Философском факультете в Приштине, административно связанном с Белградским университетом). Институт албанологии занимается изучением албанского языка, литературы, этнографии и истории Албании. Указанные учреждения являются главными научными албанологическими центрами в Югославии, но в ряде университетов, архивов и др. учреждений страны историки, филологи и архивисты посвящают свои работы албанской тематике. На симпозиуме были представлены доклады югославских ученых из Белграда, Нового Сада, Сараева, Ивановграда, Загреба и др.

⁷ Вместе с сопроводительным письмом на бланке Института истории АН СССР за подписью зам. директора Института А.И. Штрахова отчет был переслан 13 июня 1968 г. начальнику отдела научных связей с социалистическими странами АН СССР И.Н. Киселеву (Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 628. Л. 25).

Приглашения на симпозиум были посланы Оргкомитетом (председатель – доцент Философского факультета Идрис Айети, секретарь – директор Исторического института Али Хадриу) в СССР, европейские социалистические страны, а также албанологам ФРГ (в Институт по изучению Юго-Восточной Европы в Мюнхене) и Австрии (в том числе, в общество Австро-албанской дружбы, существующее в Вене).

Симпозиуму в Приштине предшествовал аналогичный симпозиум в Тиране, состоявшийся в середине января 1968 г.

В указанном симпозиуме участвовали представители из Приштины, однако они были приглашены поименно, и югославская сторона была лишена возможности сама выбирать кандидатуры участников симпозиума в Албании.

Организаторы симпозиума в Приштине, напротив, предоставили свободу выбора албанской стороне: участники симпозиума из Тираны были избраны албанским руководством. В этом, на наш взгляд, проявилась готовность югославской стороны продолжить научные контакты с Тираной. По словам секретаря Оргкомитета Али Хадриу, Оргкомитет, учитывая позицию Албании, не пригласил в Приштину албановедов из США (в частности, Ставро Скенди).

Албанскую делегацию возглавлял Ндречи Пласари, специалист по новейшей истории Албании, зам. директора Института истории партии в Тиране.

Доклад Ндречи Пласари «Эпоха Скандербега и патриотические традиции албанского народа в освободительной борьбе» охватывал период от XV века до наших дней и был скорее пропагандистским выступлением, чем научным докладом. Его выступление вызвало немедленную реакцию. В прениях доктор Хасан Калеш (арабист и тюрколог по специальности, ранее работавший в Институте этнографии в Белграде, а ныне сотрудник Института истории в Приштине), не указывая конкретно на доклад Ндречи Пласари, заявил, что трибуна симпозиума в Приштине представляется **только** для научных докладов, а не для политических лозунгов.

Основным докладчиком с албанской стороны был Алекс Буда, профессор Тиранского Университета, занимающийся изучением периода Скандербега в течение почти 20 лет. Доклад, как и его выступления в прениях, носил научный характер. Однако достаточно ясно прозвучал тезис, принятый сейчас и в пропагандистской литературе, о том, что албанский народ всегда в своей освободительной борьбе рассчитывал, прежде всего, на свои внутренние силы, «стоял на своих ногах и думал собственной головой».

Этот же тезис прозвучал в докладе Буяр Ходжи – «Образ Георгия Скандербега в албанской литературе».

Попытка связать эпоху Скандербега с современностью была сделана и в докладе Медихи Шутеречи, преподавательницы Тиранского Университета. Она закончила свой доклад изречением Энвера Ходжи о том, что без эмансипации женщины не может быть построен социализм в Албании. Доклад Доры Дамо (окончила МГУ в конце 50-х годов) был посвящен теме: «Скандербег в албанском изобразительном искусстве», доклад Тома Мурзаку – «Албано-османская борьба в XV веке – борьба населения всех албанских областей». Помимо прочитанных на симпозиуме 6 докладов албанская делегация представила в Оргкомитет еще три доклада в печатном виде: Селами Пулаха – «Крестьянство – движущая сила в освободительной борьбе 30-х годов XV в.», Ставри Начи – «Об отношениях папства

с Георгием Кастриотом Скандербегом», Касем Бичоку – «Некоторые аспекты отношений Скандербега с Венецией». По тематике доклады, зачитанные на симпозиуме, можно было разделить на три группы:

I. История Албании в XV веке – а) проблемы экономического и социально-го развития страны, б) этнографии и, в частности, обычного права албанцев, в) международное положение Албании и ее взаимоотношения с соседними славянскими землями, Венгрией, с итальянскими государствами и Папством и т.п.

II. Отражение истории Албании XV в. и борьбы албанского народа под руководством Скандербега в фольклоре, литературе, музыке и изобразительном искусстве Албании и других стран и народов.

III. Общие проблемы языкознания, связанные с формированием и развитием албанского языка.

Большинство исторических докладов, представленных на симпозиуме, содержали новые интересные сведения, почерпнутые из документов, хранящихся в архивах Италии, Турции, Дубровника и Сараева (Югославия).

Наиболее интересную дискуссию вызвал вопрос о характере турецкого восточного феодализма. Доцент Приштинского философского факультета Скандер Ризай определил турецкий военный феодализм как более «толерантную», более легкую форму феодальной эксплуатации крестьянства на Балканском полуострове. Выступивший в дискуссии доктор Недим Филиппович (Сараево) опроверг точку зрения Ск. Ризай, заявив, что турецкий феодализм, как и предшествовавший ему византийский, нес балканским крестьянам жестокую эксплуатацию и, кроме того, национальное угнетение. Точку зрения др. Филипповича поддержал в своем выступлении и проф. Алекс Буда, подчеркнувший, что массовое сопротивление крестьян турецкому завоеванию составляло основу той борьбы, которую вел албанский народ под руководством Скандербега.

Доклад делегата из Австрии Роберта Шванке (Вена) о книге австрийского историка Р. Писко (R. Pisko. *Skanderbeg*. Wien. 1894) был характерен для австрийской буржуазной историографии, сохраняющей традиции публицистики Австро-Венгрии второй половины XIX века. Докладчик подчеркивал, что Австро-Венгрия и ее историография внесла большой вклад в изучение истории Албании, постоянно интересовались историей албанского народа.

В сопоставлении с докладом Шванке, а также с докладом В. Сольни, представлявшего Мюнхенский Институт Юго-Восточной Европы и читавшего доклад «Скандербег и Хуньяди», уже сам факт участия советского делегата в симпозиуме имел большое значение, так как наглядно свидетельствовал:

а) о существовании в Советском Союзе албановедения, как специальной отрасли науки;

б) о продолжении изучения в Советском Союзе истории Албании и, в частности, истории периода Скандербега. На наш взгляд участие в симпозиуме в Приштине советского албановеда было важно еще и потому, что на симпозиуме в Тиране в январе 1968 г. не было участников из Советского Союза. В данном случае, выступление советского делегата свидетельствовало об интересе советской науки к Албании, о доброжелательном отношении советского народа к албанскому народу.

Организаторы симпозиума проявили большую заинтересованность в участии советских историков в симпозиуме. И.Г. Сенкевич получила персональное

приглашение на симпозиум. Помимо этого, было прислано приглашение и на адрес Президиума АН СССР. В Белград из Приштины (расположенной в 6 часах езды от Белграда) был послан представитель Оргкомитета для встречи советского делегата. В Приштине были созданы хорошие условия для работы. Советский делегат был избран в Президиум Симпозиума. Пожалуй, наиболее примечательным было то, что Оргкомитет изменил порядок чтения докладов, назначив советский доклад на первое заседание симпозиума.

Накануне открытия симпозиума, Оргкомитет выразил пожелание, чтобы доклад советского делегата был прочитан на албанском языке (Рабочими языками симпозиума были сербский и албанский). С помощью Зеки Цано, сотрудника Исторического Института Приштины (он же один из переводчиков на албанский язык советской коллективной работы – Г.Л. Арш, И.Г. Сенкевич, Н.Д. Смирнова «Краткая история Албании», М., 1965) доклад был переведен. Выступление советского делегата было встречено с большой теплотой, долгие аплодисменты предшествовали и заключали выступление. Чтение доклада на албанском языке произвело положительное впечатление. В первом перерыве участники симпозиума и гости (в числе их были учителя школ, студенты, работники местных государственных учреждений, журналисты) поздравляли, расспрашивали советского делегата, просили выступить перед школьниками и т.п.

Выступление комментировалось местной печатью и радио. В день выступления запись части доклада, а также краткое интервью о симпозиуме было передано по радио. Газета «Рилиндья» («Возрождение») 10 мая 1968 года поместила портреты 6 участников первого заседания и в том числе советского делегата. Витрины местной хроники в г. Приштина поместили несколько снимков с участием советского делегата. Сообщения об участии в симпозиуме делегата из Советского Союза были помещены в центральных газетах «Политика» и «Борба» (Белград). Секретарь оргкомитета Али Хадриу в присутствии членов Президиума заявил: «Прочитав ваш доклад на албанском языке, коллега Сенкевич, вы не могли сделать ничего лучшего в пользу своего народа и Советского Союза. Это была лучшая агитация за советскую науку».

На протяжении симпозиума отношение членов албанской делегации к советскому участнику симпозиума оставалось сдержанным и холодно-вежливым. К концу работы симпозиума отношение стало более свободным. Возможно, это было связано с приездом в Приштину представителя албанского посольства в Белграде. На заключительном обеде вся делегация достаточно тепло попрощалась с советским делегатом (а также с представителями из Австрии и ФРГ). Что касается Оргкомитета симпозиума, то члены его и в этой ситуации старались подчеркнуть большое уважение и симпатии к советскому делегату.

Предложения научного сотрудничества, полученные от научных учреждений Югославии:

1. Дирекция издательства «Рилиндья» (Приштина), опубликовавшая на алб. языке в 1967 г. коллективную работу советских авторов Г.Л. Арша, Н.Д. Смирновой и И.Г. Сенкевич «Краткая история Албании», заявила о своем намерении перевести на албанский язык книгу И.Г. Сенкевич «Албания в период Восточного кризиса (1875–1881 гг.)», М., 1965, изд. «Наука».

2. Исторический институт и Институт албанографии, подготавливающие совместный сборник статей из истории Косова-Метохии в период от нач. XIX в.

до 1912 г., предложили прислать статью по истории албанского освободительного движения в 50–70-е годы XIX в. (объемом до 2 авт. л.).

3. Директор Областного государственного архива в г. Приштине Исмет Дермаку заявил, что областной архив готов предоставить советским албановедам материалы из фондов архива по истории XIX – начала XX в.

По окончании симпозиума я имела возможность в беседе с сотрудниками архива Махмедом Пирруа и др. Хасаном Калеша (работавшим для Приштинского архива в Стамбуле и собравшим там интересные материалы по истории Албании в XVI–XIX вв.) установить, что фонд микрофильмов Областного архива в г. Приштина содержит ценные материалы, необходимые для моей работы над плановой темой «Освободительная борьба албанского народа 1882–1903 гг.» (плановая монография, окончание в 1969 г.).

4. В работе симпозиума участвовал директор Института национальной истории в Скопле академик М. Апостолски. В беседе со мной он повторил свое приглашение (посланное в письменной форме впервые в 1966 г., затем в 1967 г. и письменно подтвержденное в апреле 1968 г. в ответ на запрос Института истории АН СССР) приехать в Югославию в течение 1968 г. в качестве гостя Института национальной истории на один месяц для научной работы.

5. Присутствовавший на симпозиуме в Приштине сотрудник Государственного архива в Скопле Ристо Кирьязовский (в 1967 г. он был принят Президиумом АН СССР и работал 1,5 месяца в архивах и библиотеках Москвы и Ленинграда) передал мне от имени директора архива Димче Стоянова-Мире, что архив в ответ на помощь, оказанную Р. Кирьязовскому со стороны Академии наук СССР, готов предоставить мне возможность работать над материалами архива (в частности, над фондом микрофильмов, содержащим богатые материалы по истории балканских стран из архивов Вены, Лондона, Парижа и др.). Это предложение подтвердил директор архива Стоянов-Мире при нашей личной встрече во время моего возвращения из Приштины через Скопле в Белград.

Участие советского делегата в работе симпозиума в Приштине имело научное и определенное политическое значение, так как показало интерес советской науки и советской общественности к истории албанского народа. Оно способствовало установлению новых и укреплению ранее существовавших контактов между советским албановедением и албановедами Югославии и других стран. Представляется целесообразным, чтобы на будущих научных встречах присутствовали, помимо историков, и другие специалисты-албановеды, работающие в Институтах системы Академии наук СССР и в других научных учреждениях страны.

Старший научный сотрудник Института истории АН СССР
И.Г. Сенкевич [подпись]

Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 628. Л. 26–34.

Славяноведение, 2022, № 3, с. 71–88

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 3, pp. 71–88

DOI: 10.31857/S0869544X0019975-5

Оригинальная статья / Original Article

Дебаты историков из стран бывшей Югославии о декларации «Защитим историю» 2020 года

© 2022 г. М.В. Белов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Российская Федерация)

belov_mihail@mail.ru

Аннотация. Декларация «Защитим историю», опубликованная 13 июня 2020 г., стала важным манифестом в поле публичной истории и исторической политики. Дискуссии и конфликты, связанные с ней, артикулировали как общемировые и общеевропейские тенденции в отношениях с прошлым, так и особенности региональной ситуации. В Декларации осуждается исторический ревизионизм как практика манипулирования прошлым в узких политических и националистических целях, даны рекомендации по воспрепятствованию подобной практике. Публикация Декларации парадоксальным образом расширила поле гибридных атак против ее поборников с избирательным использованием заявленных в ней принципов. Эта опасность с особой силой проявилась в разделенной на этнитеты Боснии и Герцеговине, где история так часто рассматривается как продолжение политики (или войны) «иными средствами». Ожидаемое понижение уровня дискуссии с наращиванием публичного резонанса усиливается условиями новой информационной среды. Впрочем, противоречивая роль «новых медиа» и их влияние на общество остались за пределами внимания составителей Декларации.

Ключевые слова: исторический ревизионизм, историческая политика, публичная история, Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Республика Сербская.

Ссылка для цитирования: Белов М. В. Дебаты историков из стран бывшей Югославии о декларации «Защитим историю» 2020 года // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 71–88. DOI: 10.31857/S0869544X0019975-5

Debates of Historians from the Countries of the Former Yugoslavia on the Declaration «Defend History» (2020)

© 2022. Michael V. Belov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)

belov_mihail@mail.ru

Abstract. The Declaration «Defend History» (published on June 13, 2020) became an important manifesto in the field of public history and politics of history. The discussions and conflicts associated with it articulated both global and pan-European trends in relations with the past, as well as the peculiarities of the regional situation. The Declaration denounces historical revisionism as the manipulation of the past for narrow political and nationalistic purposes. It also contains recommendations on how to discourage such practices.

The publication of the Declaration, paradoxically, expanded the field of hybrid attacks against its supporters with selective use of the principles stated in it. This danger is particularly evident in ethnically divided Bosnia and Herzegovina, where history is so often seen as a continuation of politics (or war) «by other means». The expected decrease in the level of discussion with the growth of public resonance is intensified by the conditions of the new information environment. However, the controversial role of «new media» and their impact on society remained outside the attention of the authors of the Declaration.

Keywords: historical revisionism, politics of history, public history, Serbia, Croatia, Bosnia and Herzegovina, Republika Srpska.

Reference for citation: *Belov Michael V.* Debates of Historians from the Countries of the Former Yugoslavia on the Declaration «Defend History» (2020) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie.* 2022. No. 3. P. 71–88. DOI: 10.31857/S0869544X0019975-5

13 июня 2020 г. была опубликована декларация «Защитим историю», в которой осуждается исторический ревизионизм как практика манипулирования прошлым в узких политических и националистических целях [2], а также даются рекомендации по воспрепятствованию подобной практике¹. Декларация увенчала проект «Кто первый начал? – Историки против ревизионизма», ее презентация состоялась во время итоговой конференции проекта².

Декларацию подписали видные интеллектуалы, среди которых лидируют историки из стран бывшей Югославии (Дубравка Стоянович, Божо Репе, Хусния Камберович, Твртко Яковина, Миливой Бешлин, Драган Марковина, Ольга Манойлович-Пинтар, Радмила Вучетич, Хрвое Класич и многие другие), но также в списке первоподписантов присутствуют получившие широкую известность писатели: Дубравка Угрешич, Александр Хемон, Андрей Николаидис, Филип Давид, Игор Штикс, Лана Басташич...

Декларация стала важным манифестом в поле публичной истории и исторической политики, а дискуссии и конфликты, связанные с ней, артикулировали

¹ Площадкой для обнародования Декларации послужила Ассоциация «Крокодил» (акроним «Književno Regionalno Okupljanje Koje Otklanja Dosadu I Letargiju»). Она существует с 2009 г., а ее офис расположен в Белграде по адресу: Караджорджева улица, 43. «Крокодил» позиционирует себя как инициатива по «созданию литературных, культурных и социально-политических программ и контента [...], продвижения политики диалога, примирения и восстановления разорванных культурных связей, прежде всего на Западных Балканах, но также и углубление взаимопонимания на европейском континенте и за его пределами». См. сайт Ассоциации: О нама // Krokodil.rs. URL: <http://www.krokodil.rs/about-us/> (дата обращения: 25.01.2022). В состав управляющего комитета Ассоциации входит профессор Белградского университета Дубравка Стоянович.

² Текст на 12 языках (но не на русском): ODBRANIMO ISTORIJU // Ко је први почео? – Istoričari protiv revizionizma. URL: <https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSeAZnr4VGNhPmJCJZXNOBYKSfMc5d7hI4job56ui5MYArnPjQ/viewform> (дата обращения: 25.01.2022). Далее цитаты приведены по сербской версии в моем переводе на русский язык. Декларацию к январю 2022 г. подписало более 900 человек, среди которых не только историки. Подписной лист: ODBRANIMO ISTORIJU (одговори). URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1yQjG7csxDgSuoZfxPU6JL8ES1_16Cz1SJRL0blSOQAA/edit#gid=1145674172 (дата обращения: 25.01.2022).

как общемировые и общеевропейские тенденции в отношениях с прошлым, так и особенности региональной ситуации. Их преломление и рассматривается в данной статье.

По свидетельству Д. Стоянович, одной из разработчиц Декларации, ее подготовка породила около 30 вариантов. И хотя многие положения вызвали вопросы, с наибольшими трудностями далось определение «исторического ревизионизма», отличающееся от правомерного пересмотра картины прошлого³. Любопытно, что журналист хорватского издания, добросовестно пересказав смысл Декларации и процитировав Д. Стоянович, упомянул в конце, что ассоциацию «Кто первый начал» поддержали делегация ЕС в Белграде и сербское министерство культуры и информации, а также правительственная служба по содействию гражданскому обществу. Это предопределило реакцию некоторых комментаторов на сайте издания, упрекавших хорватских соавторов Декларации за то, что они «тридцать лет [...] слушают, что скажут в Белграде».

Исторический ревизионизм в конечном счете получил в Декларации такое определение: «Это злоупотребление исторической наукой, преднамеренное и злонамеренное искажение картины прошлого. Он подразумевает приспособление прошлого под современные политические нужды, выделение и подчеркивание желательных и фабрикацию несуществующих исторических данных, селекцию исторических источников с исключением всего того, что противоречит преобладающим политическим идеям и программам». В противовес таким практикам составители Декларации приветствовали «прогрессивное развитие научного знания, открытие новых исторических источников, применение новых методологий и парадигм, постоянную перепроверку и реконтекстуализацию, которые и составляют исследовательскую работу историков».

Расцвет исторического ревизионизма в странах бывшей Югославии авторы Декларации связали с подъемом национализма на закате федеративной Югославии, который повлек за собой кровопролитные войны. Их результаты затем стали основой легитимности для государств, созданных на обломках страны. И поэтому-то история превратилась в «продолжение войны иными средствами», поддерживая и развивая предрассудки в отношении соседей, когда «мы» — всегда только жертвы, а «они» виноваты во всем. «На самовиктимизации основывается параноидальное понимание прошлого, которое освобождает жертву ото всех моральных обязательств и стимулирует жажду мести». Ощущение себя жертвой гомогенизирует нацию и исключает плюрализм, растворяя индивидов и социальные группы в воображаемых биологических или «духовных» коллективах, «цементирует нас в прошлом и не позволяет нам двигаться вперед». Наибольшим манипуляциям была подвергнута история Второй мировой войны, что привело к грубому нарушению границ между фашизмом и антифашизмом, и такая утрата моральных координат чревата опасностью повторения злодеяний. Годовщины и юбилеи Второй мировой и войн 1990-х годов

³ *Derk D. Povjesničari bivše Jugoslavije: Niste samo žrtve niti su drugi za sve krivi! // Večernji list. 17.06.2020. URL: <https://www.vecernji.hr/kultura/nakon-one-o-zajednickom-jeziku-povjesnicari-bivse-jugoslavije-donijeli-deklaraciju-o-povijesnom-revizionizmu-1410514> (дата обращения: 25.01.2022). *Derk D. Nakon jezika, na red je došla i obrana povijesti // Večernji list. 16.06.2020. URL: <https://www.vecernji.hr/vijesti/nakon-jezika-na-red-je-dosla-i-obrana-povijesti-1410136> (дата обращения: 25.01.2022).* Автор этой заметки недоумевал, почему составители опротестовали вмешательство парламентариев в определение исторической истины (а значит и принятую в сентябре 2019 г. резолюцию европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы»), если они работали при поддержке еврокомиссии.*

«используются для националистической мобилизации и утверждения авторитарной власти». Отсутствуют признаки уважения и сочувствия по отношению к «чужим» жертвам, и по прошествии тридцати лет после начала войн постъюгославские общества остаются не готовыми признать собственную ответственность за преступления прошлого.

Вслед за преамбулой в Декларации сформулированы ключевые принципы, в соответствии с которыми: 1) история является наукой, «она не плод произвольного мышления и должна основываться на изучении исторических источников, их проверке и сопоставлении, утверждении надежных и проверяемых фактов, их анализе и синтезе»; 2) историческая наука динамична, «как и всякая наука, историческая наука постоянно обогащается новыми знаниями, находит новые исторические источники, связывает их и реинтерпретирует» картину прошлого; 3) историческая наука — это дисциплина критического мышления, а не средство «усиления национальных чувств, распространения стереотипов и предрассудков», и именно она должна научить проверять достоверность фактов, чтобы «распознавать манипуляции и злоупотребления прошлым»; 4) историческая наука мультиперспективна, поскольку рассмотрение исторических фактов зависит от точки зрения, и «это не значит, что прошлое можно релятивизировать, но означает, что интерпретация прошлого — область обсуждения, в которой необходимо принять во внимание релевантные факты и противоположные суждения, без утайки данных, не вмещающихся в политически желательную картину» происшедшего; 5) историческая наука целостна, из нее нельзя брать только то, что нам нравится, и исключать не отвечающие текущим политическим потребностям факты, «не может быть политические и идеологически обусловленного отбора, востребованных и непотребных исторических периодов, государств, народов, социальных групп, идей, движений»; 6) историческая наука наднациональна и ее нельзя оградить этническими границами, что чревато разрывом с реальностью, поскольку «прошлое переплетено, связано и взаимозависимо» в результате международных контактов, через которые проходит понимание и прошлого, и настоящего; 7) историческая наука контекстуальна, а искусственная изоляция узкой проблемы, вырванной из контекста, является разновидностью манипуляции, препятствующей пониманию прошлого и сотрудничеству историков; 8) историческая наука рациональна, «она — не миф, догма, религия, идеология, эмоция», и учит нас понимать сложность прошлого, чтобы «рационально подходить к настоящему и реально оценивать будущее»; 9) историческая наука свободна и «может развиваться только вне какого-либо политического, идеологического, религиозного и материального давления, а историки не могут делиться на “патриотов” и “предателей”»; 10) историческая наука ответственна, поскольку «настоящее находится под угрозой, если прошлым злоупотребляют, о нем умалчивают, в него вписывают то, чего не было, если “забывают” или релятивизируют то, что было», а это создает ложное видение актуальной ситуации, удаляя общество от решения насущных проблем.

Наконец, в третьей части Декларации сформулирована своего рода программа действий в виде требований к различным институтам и группам общества. К историкам обращен призыв строго придерживаться профессиональных стандартов, особенно в обращении с «чувствительными и противоречивыми темами». Политические элиты призваны проводить ответственную историческую политику, не злоупотреблять прошлым и отказаться от опоры на «историков, интеллектуалов и группы интересов, которые разжигают националистические страсти, сталкивая нас между собой для усиления своей политической позиции». Парламенты (как национальные, так и европейский) должны перестать

принимать законы, декларации, резолюции и прочие акты, в которых предписывается определенная «историческая истина», поскольку тем самым они включаются в перекраивание истории и опасные манипуляции с прошлым. Судебным властям, в свою очередь, не следует, руководствуясь ревизионистскими законами, «разбираться в утвердившихся исторических фактах, чтобы не способствовать усилению псевдоистории и реабилитации подтвержденных коллаборационистов в период Второй мировой войны, как и всех ответственных за военные преступления в недавнем прошлом». Министерства науки должны финансировать исследовательские проекты, которые бы свободно и критично рассматривали все темы, имеющие научный интерес, в том числе о «темных, противоречивых» страницах национального прошлого, а также поддерживать международные инициативы с мультиперспективным видением проблем и кооперацией ученых из соседних стран. Министерства образования не должны фиксировать за историей как школьным предметом функции поддержания национальной идентичности или воспитания ненависти к соседям, напротив, этот предмет должен воспитывать критическое мышление «на современных принципах образования безо всяких табу». Им следует поддерживать международные обмены профессоров университетов и школьных учителей. Министерства культуры и иные институции, связанные с исторической политикой, должны отказаться от установки памятников или открытий музеев, посвященных личностям или организациям, повинным в разжигании ненависти и преступлениях. Средствам массовой информации следует осторожнее относиться к «суперисторикам» (администраторам науки) и тем, кто проповедует нетерпимость и искажает прошлое, не распространять непроверенные данные, не замалчивать исторические факты и не использовать прошлое для «подстрекательства к антагонистической политике». Местные власти не должны называть школы и прочие учреждения или объекты именами лиц, ответственных за этнофобию, антисемитизм или за военные преступления. Учителя истории должны использовать современные методы преподавания, формируя в учениках практические навыки работы с источниками и критическое мышление в отношении всех утверждений о прошлом, без которых в сознании обучающихся лишь усиливается авторитарное сознание и чувство исключительности.

Декларация вызвала ожидаемую реакцию в политизированной среде наблюдателей в Хорватии с привычными обвинениями справа в югостальгии (под лозунгами антифашизма и антиревизионизма) или даже в стремлении к восстановлению Югославии. Журналисты и критики постоянно подчеркивали, что очередной манифест создан той же группой интеллектуалов и на той же площадке, которая ранее в 2017 г. распространила «Декларацию о едином языке» для сербов, хорватов, бошняков и черногорцев⁴. Некоторые комментаторы договорились до того, что сравнили Декларацию с известным Меморандумом САНУ 1986 г., подтвердив работоспособность пропагандистского клише времен югославского кризиса⁵.

⁴ Delaracija o zajedničkom jeziku // Jezici i nacionalizmi. URL: <http://jezicinacionalizmi.com/deklaracija/> (дата обращения: 25.01.2022).

⁵ Benčik L. Sve po Memorandumu SANU2. Deklaracijom «Istoričari protiv revizionizma-Odbranimu istoriju» protiv Rezolucije EU Parlamenta od 19.rujna 2019.godine, jer je po njima povijesni revizionizam // Braniteljski portal. 17/06.2020. URL: <https://www.braniteljski-portal.com/sve-po-memorandumu-sanu-2-deklaracijom-istoricari-protiv-revizionizma-odbranimu-istoriju-protiv-rezolucije-eu-parlamenta-od-19-rujna-2019-godine-jer-je-po-njima-povijesni-revizion> (дата обращения: 25.01.2022). См. подборку публикаций с обсуждением Декларации: Reakcije na deklaraciju «Obranimu Povijest» // Historiografija.hr. 07.07.2020. URL: <http://historiografija.hr/?p=21852> (дата обращения: 25.01.2022).

Новое издание «*Kritika: časopis za filozofiju i teoriju društva*» опубликовало во втором номере под рубрикой «Форум» материалы опроса «(Ре)визия: надо ли защищать историю?» [15]⁶. Ряд историков (Х. Камберович, Т. Яковина, Д. Стоянович, А. Милетич, П. Тодоров, М. Самарджич, Х. Класич, С. Милошевич, Г. Васин, А. Прекич), среди которых преобладали соавторы-подписанты Декларации, ответили на вопросы редакции. Их ответы раскрывают некоторые различия во взглядах и содержание дискуссий, предшествовавших выработке финального текста.

Отвечая на первый блок вопросов о необходимости и целях Декларации, профессор Загребского университета Твртко Яковина признался, что был одним из активных инициаторов ее разработки, хотя и не верил, что подобными заявлениями можно изменить сложившуюся реальность. «По большей части это след во времени, декларация о взглядах одного поколения историков, которые, пускай и работают в главных учреждениях высшего образования своих стран, но являются меньшинствами в обществах, которые воспринимают профессионализм точно так же, как в Восточной Европе все чаще понимают европейские ценности и демократию. Для меня это более обращение к тем, кто видит, куда все движется, кто на это обращает внимание, и кто хочет декларировать это всем, кто еще верит в здравый смысл и науку» [15. S. 362–363]. Яковина далее особо подчеркнул заявленную в Декларации приверженность универсальной науке («глобальной историографии»), которая имеет ценность независимо от географической привязки, а не обслуживает узколокальные интересы.

Сотрудник белградского Института новой истории Александр Милетич, также подписавший Декларацию, выразил однако несогласие с определением истории как «формальной науки», что явно противоречит академичному настрою Яковины. Разумеется, история как отрасль знания использует научный метод, но она также является гуманитарной дисциплиной, зависимой от гуманистических ценностей в динамике их развития. Формальные умозаключения, сделанные под вывеской «настоящей» науки, могут превращаться в догмы, ими легко манипулировать, поэтому следовало бы сделать больший акцент на гуманистическую ориентацию исторического знания (особенно в сфере образования). «В этом смысле и вопрос мультиперспективности имеет определенный лимит», когда обсуждаются преступления против человечности, геноциды и военные преступления [15. S. 363–364].

Пожалуй, единственный неподписант в этой подборке – профессор Нови-садского университета Горан Васин. Он согласился, что Декларация выдвинула актуальные для региональной исторической науки вопросы, но отверг преувеличение «грехов» Клио в распадае Югославии и последующих кровавых событиях. Васин отметил множественность причин, приведших к трагедии, и предложил поискать корни национализмов в практиках идеологического контроля при коммунистическом режиме. А по следующему вопросу (о различиях между «историческим ревизионизмом» и ревизией истории) уклонился от их противопоставления и не признал особой угрозы первого для регионального развития, указывая на опасности «внешней» ревизии истории Первой мировой и межвоенного периода [15. S. 370]. В то же время он не пошел на поводу у допущения редакции, что обвинения в «историческом ревизионизме» могут

⁶ Журнал основан в 2020 г. под эгидой Института философии и теории общества Белградского университета.

воспрепятствовать развитию исторической науки, но указал на пользу архивных изысканий и исследований, основывающихся на «первоклассных» материалах, как то и предложено в Декларации.

Третий вопрос редакции несколько выходил за рамки обсуждения Декларации и предлагал оценить положение «цеха» историков в постъюгославских государствах и его качества (готовность к восприятию нового и зависимость от идеологического влияния). Т. Яковина поставил крайне пессимистический диагноз, отметив, что «историки никогда не были особо смелыми», тогда как государства навязывают обществу и профессионалам удобное прошлое или же превращают его в своего рода «поле боя», при этом в отсутствие меритократического механизма в постъюгославских обществах, включая «цех» историков, преобладает «клиентела» [15. S. 371].

К схожим оценкам пришли и другие участники опроса. В частности, профессор Новисадского университета Момир Самарджич особо указал на прискорбно низкий уровень методологических и интерпретативных инструментов в региональном (прежде всего) сербском историческом знании, фетишизирующем документы в духе старого позитивизма без расширения контекста и понимания динамики исторического процесса с отказом от междисциплинарного сотрудничества⁷, а корнем всего этого является отсутствие интроспекции в самодовольстве национальной парадигмы [15. S. 372–373].

Наибольший оптимизм проявил Г. Васин, предположив в текущей ситуации меньшее идеологическое давление, чем в обеих Югославиях (королевской и коммунистической), а также сославшись на новые поколения историков, открытых к новым результатам. При этом он противопоставил архивные исследования методологическим спекуляциям [15. S. 373–374]. В свою очередь А. Милетич усомнился в зависимости историков от «злой воли» политиков, допустив существование «ценностной синергии» национализма в мейнстриме политических и культурных элит, разные сегменты которых влияют друг на друга. Однако, чтобы перемены здесь состоялись, необходима именно «политическая воля» [15. S. 375].

Четвертый вопрос редакции касался общественной функции исторической науки, и А. Милетич воспользовался им, чтобы повторить критические замечания в адрес учебника Р. Люшича (не назвав его имени), где присутствуют, по мнению критика, неприемлемые выпады в адрес «потурченцев», принявших ислам [1. С. 12–15]. Милетич выделил роль учебника по истории, как особого формата знания, отличного от монографии или научной статьи, где должны содержаться, кроме прочего, «какие-то афирмативные или позитивные примеры, даже если это единичное проявление личного гражданского мужества или интеллектуальной честности, межнациональной солидарности или поддержки», что обусловлено задачами гражданской интеграции и общественного развития [15. S. 377–378]. А М. Самарджич предположил, что лучшей («утопической») социальной функцией исторической науки была бы коррекция массовых представлений «посредством рационального рассмотрения прошлого своей нации, не допускающая конструкции антагонистических нарративов по отношению ко всякой форме инаковости», но оговорился при этом, что в реальности – это всего лишь производная от уровня развития общества [15. S. 378–379].

⁷ Ранее с аналогичной критикой текущей сербской историографии выступил Мирослав Йованович [5].

Сотрудник белградского Института новой истории Срджан Милошевич выступил (как до него, кроме прочих, Г. Васин) защитником социально активной историографии: «Историк должен быть ангажирован. Обществом интересуют многие темы, о которых компетентно могут говорить только историки. Однако на них лежит сложная обязанность: оставаться верными профессии, строгим академическим требованиям, но и выполнять социальную роль интеллектуала, оказывающего влияние на артикуляцию ценностей. Это особенно трудно в области политики памяти, в которой обычно нет места тому знаменитому “серому” цвету, равновесию между крайностями» [15. S. 380–381]. Та же мысль получила развитие в ответе Милошевича на последний вопрос редакции «*Kritika*» о роли историков в политике идентичности [15. S. 382]⁸.

Профессор Загребского университета Хрвое Класич сравнил роль историков с ролью медиков, которые вынуждены разоблачать дезинформацию, подпитывающую страх перед вакцинацией, когда речь идет о заблуждениях относительно прошлого, покоящихся на той же дезинформации. Однако это сравнение не вывело Класича на обсуждение вопроса о причинах распространения фейков, теорий заговора и, в частности, страхов перед вакцинацией, которые затронули не только «отсталые» постъюгославские страны, тогда как профессор Института национальной истории в Скопье Петар Тодоров обратил внимание, что случаи, когда историки «стимулируют ненависть и нетерпимость», характерны «не только для стран, возникших в результате распада социалистической Югославии, но и для других стран Балкан и Европы» [15. S. 381].

Своего рода итог обсуждению подвел М. Самарджич: «Учитывая все вышесказанное, само собой разумеется, что на постъюгославском пространстве, как и везде, невозможно разделить историографию и политику идентичности, поскольку отношение к прошлому устанавливает идентичность сообщества. Основной вопрос в том, какую идентичность мы строим, и где в этом смысле место исторической науки. А это возвращает нас к вопросу о социальной функции исторической науки» [15. S. 384–385].

Еще одна крайне интересная и содержательная дискуссия развернулась с публикацией статьи хорватского историка Марино Бадурини [7]. Вот ее ключевой тезис: «Историографиям пора отойти, хотя бы на время, от всех виктимизирующих интонаций и интерпретаций, чтобы понять, что история — это не жертвословие, и тем более — не жертвославие. [...] Не надо вербально уравнивать все жертвы, но, если возможно, прекратить всякую добычу и эксплуатацию жертв в качестве сырья и топлива для различных манихейских взглядов на прошлое и понимания “истории как страшного суда” (Латинка Перович). Историки не должны быть брокерами на фондовом рынке жертв».

Автор, и сам подписавший Декларацию, солидаризировался с заявленным в ней желанием освободить историческую науку от политического давления, но отнюдь не все его проявления и источники в ней упомянуты. Опасность представляет сама политическая вовлеченность: взамен «плохой» политики памяти (националистической) предлагается борьба за утверждение «хорошей».

⁸ Вопрос о (не)совпадении роли профессионального историка и критика-участника исторической политики затронул и А. Милетич, попытавшись его нивелировать: «Такие историки, как Дубравка Стоянович, Миливой Бешлин, Срджан Милошевич, Твртко Яковина, Хрвое Клашич и Хусния Камберович в работах и в публичных выступлениях не переходят границ того, что соответствует основным принципам профессии, и тем не менее, их выступления воспринимаются как нечто экстраординарное и активистское» [15. S. 383].

Напротив, вместо того, чтобы вовлекать себя в сиюминутные политические споры, историки должны заниматься, по преимуществу, серьезными историческими исследованиями, сознательно отстраняясь от конъюнктуры. «В чем, я бы сказал, ее [Декларации] основной недостаток, точнее противоречие, — это как раз в попытке уйти от “морально-политических” критериев, но в то же время (неизбежно?) вернуться к ним». По мысли автора, историкам необходимо заняться деконструкцией всех и всяческих идеологизированных и фетишизированных понятий, включая антифашизм, Отечественную войну 1991–1995 гг. или конституционные основы Хорватии, подходя к любому историческому явлению как к сложному, противоречивому и многослойному, «со спокойной иронией, а не с пеной у рта». При всех добродетелях современной цивилизации она не перестала быть лицемерной, поэтому девиз антифашизма не может служить панацеей в защите от иных ее преступлений.

По мнению Бадуриной, призывы к политикам, парламентариям и СМИ отказаться от эксплуатации истории — тщетны. При этом составители Декларации копируют их приемы самим фактом ее принятия. «Конечно, вовлеченность — одна из основных характеристик интеллектуалов, но всегда нужно быть осторожным, чтобы вовлеченность не вылилась в некую пастырскую заботу и тщетное морализаторство. Сегодня расплодилось слишком много “питбулей-интеллектуалов” (или интеллектуальных полицейских), которые беспрерывно выслеживают и инстинктивно нападают на текущие явления, вместо того чтобы тратить время и энергию на то, чтобы подумать и чуть лучше понять эти явления».

В полемику с Бадуриной вступил другой подписант Декларации, редактор хорватского портала *Historiografija.hr* Бранимир Янкович, назвавший свою статью «Историки — не просто наблюдатели политической борьбы вокруг прошлого» [9]. С опорой на Георга Иггерса и Штефана Бергера он обосновал общественную миссию историков, чей «цех» несет ответственность за строительство национальных и националистических мифов, систематическая критика которых вовсе не формирует утилитарные установки, не совместимые со стремлением к исторической правде. Обвинения в ангажированности, предъявляемые часто марксистским или гендерным исследованиям, отдают лукавством, поскольку при этом затемняется партийная вовлеченность национально ориентированной историографии, якобы говорящей от имени нации, но обслуживающей интересы правых сил.

Янкович частично согласился с Бадуриной в опасности фиксации на жертвенном опыте, оговорившись, что проблема заключается в том, что некоторые жертвы о себе громко заявляют, а другие молчат, и задача историка сказать за них. Не отрицая значимость зрелых размышлений, к которым историки приходят в уединении архивов, библиотек и личных кабинетов, Янкович подчеркнул необходимость и неизбежность научных и общественных дискуссий, где оттачивается и уточняется аргументированная позиция. Декларации, копируя форму обращения с прошлым доминирующих сил, способны вместе с тем подрывать навязываемое ими содержание. Историк не может быть свободен от общества, поскольку его состояние определяет и предмет, и возможности его работы. «Таким образом, критика и самокритика являются научными императивами, но не менее важно участие в политической и социальной борьбе за историю».

Ответ Бадуриной не заставил себя ждать, и на этот раз он окрестил историков «партбрейхерами», то есть нарушителями всех и всяческих партийных

границ [8]. Он признал, что его полуироничная позиция в духе «искусства для искусства» плохо применима к историографии, которая является частью общественного существования, но настаивал на сохранении дистанции от какой-либо партийной догматики. В то время как патологическое стремление откликаться на актуальную повестку только способствует накоплению социальных фобий и неврозов, историки должны идти впереди общественных ожиданий, а не плестись за ними. Противоречивость позиции историков как профессионалов в науке и общественных акторов не имеет однозначного решения и неустраима. «И самое меньшее, что они могут и должны сделать, — это признать двойственность и противоречивость своей позиции. Все остальное — бездумное интеллектуальное высокомерие. [...] Поэтому, в конце концов, только от конкретного человека, от его уровня осведомленности и независимости зависит, как с этим справиться. Универсального рецепта нет».

Бадурин далее задался вопросом, насколько способно общество и его интеллектуальная элита признавать неудобную правду о себе. Кроме того, следует сделать методологическое допущение, что любая идеологическая позиция может пониматься как национально ориентированная, когда речь идет о рассуждениях в масштабе страны. «Единственная разница, я бы сказал, заключается в том, достаточно ли мы уверенные в себе националисты, чтобы думать, что наше общество или нация имеют силы вынести правду о себе».

В ответной реплике [10], согласившись во многом со сказанным оппонентом, но не удовлетворившись простым методологическим расширением понятия «национализм», Янкович сосредоточился на критике историографического национализма как строительного материала для национальной идентичности. Для преодоления прежней парадигмы и установки на приоритетность национальной истории необходимо сменить оптику, обратившись к разным версиям глобальной истории, участвовать в международных проектах и сделать углубленные методологические дискуссии о национализме, его связи с историографией и с национальной идентичностью частью саморефлексии «цеха» историков.

В отличие от осторожных предупреждений М. Бадурин, предвзятые критики Декларации уже прямо утверждали, что выступившие против исторического ревизионизма выкопали яму, в которую сами же попадут⁹. И хотя, вовсе не так, как это предрекалось правыми, практики активных защитников истории стимулировали вторжение широкой публичности в сугубо академическое поле — на страницы специализированного научного журнала. А это спровоцировало, в свою очередь, ожесточенную дискуссию с пониженными стандартами полемики. При этом сами принципы, провозглашенные в Декларации, но известные каждому историку «со студенческой скамьи» [4. С. 238], не подвергались сомнениям. Однако как избежать политических уловок, тактически продиктованных преувеличений для привлечения внимания к опасности или умолчаний во имя сохранения единства в рядах сторонников, когда историк вступает в «бои за историю»? Иными словами, реализовался негативный сценарий, о котором предупреждал М. Бадурин: нивелирование благородных устремлений в противоборстве с «плохой» политикой.

⁹ *Marušić M.* 'Povjesničari protiv revizionizma' kopali jamu povjesničarima koji razotkrivaju njihove laži pa sami u nju upali // Kamenjar.com. 19.06.2020. URL: <https://kamenjar.com/povjesnicari-protiv-revizionizma-kopali-jamu-povjesnicarima-koji-razotkrivaju-njihove-lazi-pa-sami-u-nju-upali/>

Начало полемике положила публикация в белградском журнале «*Токови историје*» статьи профессора Баня-Лукского университета Драгиши Д. Васича под названием, уже предвещающем публицистический задор: «История и национальная идентичность в сараевском тумане: примеры политизации и мифологизации бошняцкого исторического нарратива»¹⁰ [3]. Хотя можно было бы предположить, что автор относится к числу противников «исторического ревизионизма» (политизации и мифологизации истории), стрелы его критики были направлены, кроме прочего, и против участников инициативы «Кто первый начал?».

В вводной части статьи Васич сослался на примеры националистической переделки истории в постсоветских странах (Балтии и Украине), Македонии, где мифотворчество продиктовано соперничеством на уровне исторического прошлого с соседними Грецией, Албанией и Болгарией, а также констатировал сербофобию как отличительный признак националистических нарративов хорватов, албанцев, черногорцев и бошняков в постъюгославском пространстве (параллельно с русофобией как тенденцией в ряде постсоветских стран).

Для Боснии и Герцеговины характерен раскол на «три интерпретации истории», соответствующих трем национальным общинам. При этом нарративы сербов и хорватов ориентированы на традиции историописания в их «материнских» странах, а у бошняков, национальная идентичность которых достраивалась вплоть до периода войны 1992–1995 гг. и после нее, «научная и еще более вненаучная историография играла важную роль». В силу этих обстоятельств бошняцкий исторический нарратив стал столь «поразительным явлением». И хотя его отдельные аспекты неоднократно подвергались критике в ряде работ, Васич опять же сознательно избрал «селективный подход» с выбором ярких иллюстраций выше заявленного тезиса, поскольку системный анализ «потребовал бы гораздо более объемной и комплексной формы работы» [3. С. 211–212]. В итоге паранаучные поиски «тройных древностей» или псевдоегипетских «пирамид» на территории Боснии соединились в его статье с представленными в бошняцкой историографии конструкциями «локальных холокостов» — гипертрофированного результата характерной для многих посткоммунистических стран конкуренции жертв¹¹, а также с присвоением топографическим объектам и институциям имен военных преступников и коллаборационистов.

К этим двум случаям вполне очевидной мифологизации (первый) и политизации прошлого (второй) профессор из Баня-Луки добавил обвинения в адрес публичной акции с участием сторонников инициативы «Кто первый начал?», организованной в Сараево в 2019 г. При этом он критиковал не идейное содержание мероприятия или вдохновившей его инициативы, а некоторые организационные детали и высказывания одного из ее участников в электронной коммуникации. Однако выдвинутые обвинения бросают тень и на чистоту намерений защитников истории от политизации и мифологизации. Более того, они причисляются к пособникам таких негативных процессов, сливаясь в череду избранных примеров с адептами «пирамид» и выдуманых «холокостов».

¹⁰ Статья поступила в редакцию еще в январе 2020 г., но вышла в свет уже после публикации Декларации.

¹¹ Более последовательный разбор таких усилий, насчитывающий десять сконструированных этапов геноцида бошняков, что превращает всю их историю в хронику истреблений и, по существу, обесмысливает ее (как и само понятие геноцида), представлен в статье хорватской исследовательницы [14].

Проведенный 28 мая – 2 июня сараевский фестиваль истории был уже третьим. Организационная форма фестиваля как акции на уровне публичной истории, была заимствована у Хорватии, где первый *Kliofest* состоялся в 2014 г.¹² На этот раз главный из организаторов фестиваля Хусния Камберович вознамерился придать ему более широкий характер, распространив его за пределы Сараево, и провести встречи в Мостаре, Конице и Баня-Луке. Васича задело, что формальный организатор мероприятия – «Ассоциация современной истории» – не имеет в наименовании сербского варианта написания последнего слова. Кроме того, на фестиваль, приуроченный к тридцатилетию падения коммунистических режимов, не были приглашены «релевантные» сербские и черногорские политики, участники тех событий, а состав делегатов из Сербии (Латинка Перович, Соня Бисерко, Миливой Бешлин, Дубравка Стоянович) и игнорирование историков Республики Сербской «свидетельствовали о политически мотивированной селекции» [3. С. 225–226].

«Круглый стол» в Баня-Луке, посвященный «историческому ревизионизму», планировалось провести в здании Народного театра, но в программе название этого учреждения культуры было приведено в усеченном виде, без упоминания Республики Сербской, так же как и название сценического зала, где должно было проходить заседание, – без имени Петара Кочича, сербско-боснийского писателя и национального подвижника рубежа XIX–XX вв., которое он носит. В результате протеста, организованного историками Баня-Лукского университета (в нем, по-видимому, участвовал и сам Васич), к которому присоединились другие институции, Народный театр под благовидным предлогом отказался принять гостей, а «круглый стол», как и совмещенная с ним презентация новой книги И. Гольдштейна о Ясеноваце, состоялись в одном из отелей Баня-Луки.

Модератором «круглого стола» выступил новисадский историк Миливой Бешлин, один из активных участников инициативы «Кто первый начал?» и одновременно один из лидеров Лиги социал-демократов Воеводины. Васич с осуждением процитировал ряд его резких высказываний в заметке на портале *Avangarda.ba*, в которой режим, сложившийся в Республике Сербской, характеризовался как криминальный и неофашистский; при нем Баня-Лука, ранее, «очевидно, мультиэтничный город, трансформировался в моноэтничный с применением самых зверских методов убийств, пыток и изгнания почти всех несербов»¹³. В итоге «круглый стол» об «историческом ревизионизме», организованный в Баня-Луке, сопровождался заочной перебранкой между двумя группами историков, обвинявшими друг друга в политической (или этнической) ангажированности и непрофессионализме. Благодаря «*Токови историје*» ожесточенные споры переселились с электронных страниц «новых медиа» в пространство академической печати (теперь также цифровое и общедоступное).

В третьем номере журнала за тот же год появились две ответные статьи (обе приняты в печать 15 октября) участников акции «Кто первым начал?» и авторов-подписантов декларации «Защитим историю» Д. Стоянович и Х. Камберовича с не менее боевыми названиями [6; 13]. У них не было сомнений,

¹² *Kliofest: Festival povijesti*. URL: <https://www.kliofest.hr/o-kliofestu-2/>

¹³ *Bešlin M. Sofijin izbor: dijete ili entitet // Avangarda.ba*. 30.12.2018. URL: https://avangarda.ba/post/type-1/712/Sofijin_izbor:_dijete_ili_entitet (дата обращения: 25.01.2022). Васич проигнорировал как тематический контекст этих высказываний, так и то, что обличительный пафос публикации в значительной мере направлен и против западных демократий, потворствующих такому печальному, по мнению Бешлина, положению вещей.

в главном объекте атаки и цели статьи Васича: «донос на политически сомнительных историков» и защита Милорада Додика [6. С. 219]. Помимо острой критики методологических подходов своего оппонента, указаний на прошедшую мимо него исследовательскую литературу в области *nationalism studies* и *memory studies*, узость взятого для рассмотрения материала и отсутствие новизны, Стоянович закономерно сконцентрировала внимание именно на той заключительной части статьи о событиях в Баня-Луке, которую окрестила «политическим памфлетом, недостойным научного журнала». По-видимому, именно это заставило ее начать с нетривиального для академической полемики разглашения «тайны» редакторской политики. По свидетельству Стоянович, на заседании редакции журнала, где обсуждалась судьба статьи Васича, по ее настоянию автору было предложено существенно переработать текст. Однако он ограничился лишь минимальной стилистической правкой, и после двух положительных рецензий статья отправилась в печать. Именно эти обстоятельства, как и нападки на двух соратников (Х. Камберовича и М. Бешлина), побудили Стоянович отреагировать на публикацию [6. С. 209–210]. В конечном счете, методологические просчеты, как и лакуны в ссылках на теоретические и исследовательские работы, сужение контекста и отсутствие компаративных сюжетов, по мнению Стоянович, были продиктованы операционным замыслом статьи: «Доказать, что только бошняки злоупотребляют историей для достижения политических целей». Такая заранее заданная позиция чревата «методологией, что используется в ревизионистских, политически тенденциозных, параисторических работах, которые справедливо являются предметом критики Васича» [6. С. 217–218]. При этом он оперировал лексикой критиков «исторического ревизионизма» и использовал его в качестве «троянского коня» для подрыва позиции своих оппонентов.

Стоянович не стала вступать в объяснения по поводу произошедшего в Баня-Луке в 2019 г., хотя отметила в статье Васича «злонамеренный отбор данных, множество недостоверной информации, огульные и необоснованные оценки, искаженные образы и злопыхательские выводы» [6. С. 219]. Полемика в итоге свелась к столь же несвойственным для научной статьи извинениям (от лица члена редакции журнала) перед коллегами, упомянутыми Васичем как «нежелательные» историки, и сожалениям о нравственном упадке некоторых представителей «цеха»: «Меня всегда огорчали те, кто говорил, что ради выживания при тоталитарном режиме им приходилось осуждать своих коллег и запрещать публичные выступления. Те, кто делают это сами, когда их об этом никто не просит, разоблачают себя. Остается только снять шляпы и помолчать» [6. С. 220].

Статья Камберовича, помещенная в журнале вслед за статьей Стоянович, совпадает с ней по всем основным тезисам и так же саркастична по форме уже в зачине: «Тогда как сараевские историки погрязли в тумане, тесличско-баня-лукские историки в ясной синеве своего национального оазиса живут “как сыр в масле”» [13. S. 227]. В примечании Камберович пояснил, что из информации на сайте Баня-Лукского университета он узнал о месте рождения Васича – близ Теслича, в нынешней Республике Сербской. Иными словами, аргумент *ad hominem*, считающийся слабым оружием в научной полемике, не без вины самого Васича, здесь стал одним из ключевых.

Камберович опроверг сам тезис о расколе историков Боснии и Герцеговины по национальному признаку и предложил говорить о ряде историографических

центров (Сараево, Тузла, Мостар, Баня-Лука) и отдельных историках, которые по-разному трактуют общее прошлое, но занимаются и «более широкими темами»¹⁴. «Некоторые [из них] параисторики и только политизируют и мифологизируют историю, а некоторые изучают прошлое как настоящие ученые», подвергая критике действия первых [13. S. 229–230]. Разделение, использованное Васичем, продиктовано националистическим навешиванием ярлыков и ведет к возбуждению ненависти. «Ненависти к исторической науке», – уточнил Камберович [13. S. 230]. Оспаривание национального/националистического единства в разделенной на этнитеты Боснии и Герцеговине он продолжил, отстаивая собственную научную и общественную репутацию, приводя примеры своих выступлений против политизации и мифологизации истории.

История с «круглым столом» в Баня-Луке уже освещалась Камберовичем в одной из статей [12], но здесь он вынужден был отчасти повториться, погружившись в последней трети текста в организационную «кухню» фестиваля и пересказав обстоятельства (не всегда прямо связанные с обсуждаемым скандалом), с которыми он тогда столкнулся. Камберович отверг обвинения в селективном подходе в выборе гостей фестиваля, утверждая, что организаторы руководствовались только их реальными научными заслугами, и осудил использование политических заявлений М. Бешлина в качестве повода для запрета мероприятия в Баня-Луке. Однако Камберович не стал обсуждать более важный и тонкий вопрос об опасности совмещения роли историка и политика, особенно, если такой человек становится модератором мероприятия.

Во втором выпуске «*Токови историје*» за 2021 г. был опубликован ответ Васича на статьи Стоянович и Камберовича [4] – редакторы явно сочли их дискуссию занимательной и значимой для журнала. В этой статье Васич уже прямо напал на участников акции «Кто первый начал?» и авторов декларации «Защитим историю» как разоблачивших самих себя. Первую часть новой статьи он назвал: «Ревизионисты против ревизионизма».

Васич умело использовал возможность выставить на показ все издержки полемики с «негодным оппонентом», проецирующие раздражение («эмоции») тех, кто в нее вступил. Он скрупулезно посчитал, сколько раз Камберович повторил тезис об отсутствии новизны в его статье – 13 раз. «Если есть правда в утверждениях Камберовича, то зачем ее так упорно повторять, к чему по 17 страниц полемики его и Стоянович?» [4. С. 231–232]. Сам Васич написал 22 страницы. По сути, он признал, кто на самом деле был главной мишенью его первой статьи.

После емкой характеристики Баня-Луки как «места памяти» сербских жертв (с прилежным указанием на Пьера Нора) он вновь вернулся к политически заостренному тексту М. Бешлина, размещенному на портале *Avangarda.ba* (не вдаваясь в подробности обстоятельств его появления), чтобы показать избирательное использование исторических параллелей и игнорирование тех самых сербских жертв: «В опубликованном тексте Бешлин явно приспособлял прошлое под нужды своей идеологии и политики, выделял и подчеркивал недостоверные данные, исключал из сложной истории Второй мировой и югославских войн 1990-х годов все, что не соответствует его политической идее и программе. Таким образом можно злоупотреблять историей для “доказательства” всего,

¹⁴ Васич позднее обвинил его в лукавстве, поскольку Камберович ранее неоднократно подчеркивал преобладающий этноцентризм среди историков Боснии и Герцеговины [4. С. 247–248]. В благожелательной трактовке таких расхождений речь бы шла о трансформации взглядов исследователя.

что угодно, и стигматизации, кого угодно» [4. С. 235]. Конечно, власть оказывает большое влияние на историческую политику, — утверждал Васич, — но и оппозиционеры могут грешить «историческим ревизионизмом» (злоупотреблять прошлым в политических целях).

Если Стоянович и Камберович квалифицировали статью Васича как «политический памфлет», он, по сути, обвинил их в том же. Вопреки, заявленному в Декларации отказу от деления историков на «угодных и негодных», Стоянович и Камберович, как посчитал Васич, проявляют пристрастность к историкам по политическим мотивам [4. С. 239–243]¹⁵. Если Декларация отвергает вмешательство судов в работу историков, почему они должны руководствоваться в своих выводах и заключениях решениями Международного трибунала по бывшей Югославии? А ссылки на неприятие мифомании (боснийской «долины пирамид») в кругу профессиональных историков при ее широкой общественной поддержке Васич счел случаем «релятивизации» опасного феномена, так же осужденного в Декларации [4. С. 243–244]. Обратил внимание Васич и на «таблюдизацию» стиля в статьях обоих оппонентов, как и следы «теории заговора», которую сами они порицают [4. С. 244, 247]. А Д. Стоянович вернулось обвинение в поползновениях к цензурным и запретительным мерам, так знакомым по коммунистическим временам: как фигура, обсуждаемая в первой статье Васича, по правилам научного этикета, с его точки зрения, она должна была бы воздержаться от вмешательства в ее журнальную судьбу [4. С. 245].

В заключении Васич привел примеры манипуляций с цитатами из своей статьи в полемических текстах Стоянович и Камберовича, что существенно исказило смысл его высказываний [4. С. 248–251]. В частности, он намеренно использовал расплывчатый термин «исторический нарратив», который часто фигурирует в исследованиях, написанных под влиянием постструктурализма, но отсутствует в декларации «Защитим историю». Нарративная логика в строительстве национальной идентичности, по мысли Васича, включает и (псевдо)исторические сочинения, и заявления государственных или партийных функционеров, и акты символической политики (переименования объектов, строительство или разрушение памятников, церемонии коммемораций), и мероприятия в области публичной истории. Такое слияние нивелирует нюансы и противоречия в подходах к проведению исторической политики (а также автономии исторической науки), подводя все под общий знаменатель национальной идентичности. В итоге, профессор из Баня-Луки объявил и М. Бешлина, и Д. Стоянович, и Х. Камберовича защитниками бошняцкого исторического нарратива, подверженного резкой политизации и мифологизации. При этом возможность иной, наднациональной ориентации Васич не отрицал напрямую, но уклончиво ставил под сомнение.

Тактика зеркальных обвинений в «историческом ревизионизме», предьявляемых тем, кто борется против него, конечно, не является новой [11]. Однако публикация декларации «Защитим историю» парадоксальным образом расширила поле гибридных атак против ее поборников с избирательным использованием заявленных в ней принципов. Кроме того, проведение акций в области публичной истории, нацеленных на исправление исторической политики,

¹⁵ Речь, в частности, идет об удостоенной похвалы Д. Стоянович магистерской диссертации [16]. В случае Камберовича — о его лояльности по отношению к Мустафе Имамовичу и Мухамеду Хаджихичу, чьи труды пестрят недостоверными сведениями и крайне сомнительными утверждениями. См. критику их трудов [14].

как и предсказывал М. Бадурина, оказалось чревато опасными последствиями. Эти опасности с особой силой проявились в разделенной на этнитеты Боснии и Герцеговине, где история часто рассматривается как продолжение политики (или войны) «иными средствами». При отсутствии политического решения по преодолению межэтнического раскола, историки, даже помимо их воли, становятся «приписанными» определенной стороне. Вольное или невольное соучастие историков в политической борьбе ведет, в свою очередь, к нарушению принципов свободного научного знания, провозглашенных в Декларации.

Дискуссия на страницах «*Токови историје*» продемонстрировала проникновение в пространство академической печати элементов стилистики и приемов, характерных для цифровых медиа. Ожидаемое понижение уровня дискуссии с наращиванием публичного резонанса усиливается условиями новой информационной среды. Впрочем, противоречивая роль «новых медиа» и их влияние на общество остались за пределами внимания авторов-составителей Декларации.

Ее обсуждение, помимо прочего, можно рассматривать как региональный вариант глобальных дебатов о социальной миссии современных историков, что особенно ярко проявилось в диалоге М. Бадурини и Б. Янковича, где были заявлены две крайние стратегии (активистское вовлечение и академическое молчание), а затем осторожно намечен поиск возможного среднего пути. В свою очередь Д. Стоянович, иронически предложив в заголовке своей полемической статьи «снять шляпы и помолчать», использовала в самом тексте, как не преминул заметить ее оппонент, совершенно противоположную стратегию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

САНУ – Српска академија наука и уметности (Сербская академия наук и искусств)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Benčik L. Sve po Memorandumu SANU2. Deklaracijom “Istoričari protiv revizionizma-Odbranim istoriju” protiv Rezolucije EU Parlamenta od 19.rujna 2019. godine, jer je po njima povijesni revizionizam // Braniteljski portal. 17/06.2020. URL: <https://www.braniteljski-portal.com/sve-po-memorandumu-sanu-2-deklaracijom-istoricari-protiv-revizionizma-odbranim-istoriju-protiv-rezolucije-eu-parlamenta-od-19-rujna-2019-godine-je-po-njima-povijesni-revizion> (дата обращения: 25.01.2022).

Bešlin M. Sofijin izbor: dijete ili entitet // Avangarda.ba. 30.12.2018. URL: https://avangarda.ba/post/type-1/712/Sofijin_izbor:_dijete_ili_entitet (дата обращения: 25.01.2022).

Delaracija o zajedničkom jeziku // Jezici i nacionalizmi. URL: <http://jezicinacionalizmi.com/deklaracija/> (дата обращения: 25.01.2022).

Derk D. Povjesničari bivše Jugoslavije: Niste samo žrtve niti su drugi za sve krivi! // Večernji list. 17.06.2020. URL: <https://www.vecernji.hr/kultura/nakon-one-o-zajednickom-jeziku-povjesnicari-bivse-jugoslavije-donijeli-deklaraciju-o-povijesnom-revizionizmu-1410514> (дата обращения: 25.01.2022).

Derk D. Nakon jezika, na red je došla i obrana povijesti // Večernji list. 16.06.2020. URL: <https://www.vecernji.hr/vijesti/nakon-jezika-na-red-je-dosla-i-obrana-povijesti-1410136> (дата обращения: 25.01.2022).

Kloifest: Festival povijesti. URL: <https://www.kloifest.hr/o-kloifestu-2/> (дата обращения: 25.01.2022).

Marušić M. ‘Povjesničari protiv revizionizma’ kopali jamu povjesničarima koji razotkrivaju njihove laži pa sami u nju upali // Kamenjar.com. 19.06.2020. URL: <https://kamenjar.com/povjesnicari-protiv-revizionizma-kopali-jamu-povjesnicarima-koji-razotkrivaju-njihove-lazi-pa-sami-u-nju-upali/> (дата обращения: 25.01.2022).

O nama // Krokodil.rs. URL: <http://www.krokodil.rs/about-us/> (дата обращения: 25.01.2022).

ODBRANIMO ISTORIJU // Ko je prvi počeo? – Istoričari protiv revizionizma. URL: <https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSeAZnr4VGNhPmJCJZXNOBYKsFmc5d7hI4j0b56ui5MYArnPjQ/viewform> (дата обращения: 25.01.2022).

ODBRANIMO ISTORIJU (одговори). URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1yQj-G7csxDgSuoZfxPU6JL8ES1_I6Cz1SJRL0blS0QAA/edit#gid=1145674172 (дата обращения: 25.01.2022).
Reakcije na deklaraciju «Obranimi Povijest» // Historiografija.hr. 07.07.2020. URL: <http://historiografija.hr/?p=21852> (дата обращения: 25.01.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов М.В. Как склеить зеркало? Школьные учебники в критике сербских историков (1980–2010-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 9–18.
2. Белов М.В. «Исторический ревизионизм» в критике постъюгославских историков // Славяноведение. 2020. № 5. С. 43–56.
3. Васић Д.Д. Историја и национални идентитет у сарајевској магли: примјери политизације и митологизације бошњачког историјског наратива // Токови историје. 2020. Бр. 2. С. 209–232.
4. Васић Д.Д. Како је и зашто пала «декларисана одбрана историје» Дубравке Стојановић и Хусније Камберовића? // Токови историје. 2021. Бр. 2. С. 231–255.
5. Јовановић М. Криза и историја. Друштвена криза и историјска свест у Србији почетком 21. века // Јовановић М., Радић П. Криза историје. Српска историографија и друштвени изазови краја 20. и почетка 21. века. Београд, 2009. С. 133–192.
6. Стојановић Д. Скинути капе и ћутати. Поводом текста «Историја и национални идентитет у сарајевској магли: Примјери политизације и митологизације бошњачког историјског наратива» Драгише Васић // Токови историје. 2020. Бр. 3. С. 209–225.
7. Badurina M. Povjesničari nisu brokeri na burzi žrtava // Tačno.net. 18.06.2020. URL: <https://www.tacno.net/kultura/povjesnicari-nisu-brokeri-na-burzi-zrtava/> (дата обращения: 25.01.2022).
8. Badurina M. Povjesničari su partibrejkeri. Komentar na tekst Branimira Jankovića «Povjesničari nisu promatrači političkih borbi o povijesti» // Historiografija.hr. 8.07.2020. URL: <http://historiografija.hr/?p=21873> (дата обращения: 25.01.2022).
9. Janković B. Povjesničari nisu promatrači političkih borbi o povijesti – komentar članka Marina Badurine «Povjesničari nisu brokeri na burzi žrtava» povodom Deklaracije «Obranimi povijest» // Historiografija.hr. 07.07.2020. URL: <http://historiografija.hr/?p=21861> (дата обращения: 25.01.2022).
10. Janković B. Povjesničari još uvijek plešu u nacionalnom ritmu – uz tekst Marina Badurine «Povjesničari su partibrejkeri» // Historiografija.hr. 11.07.2020. URL: <http://historiografija.hr/?p=21942> (дата обращения: 25.01.2022).
11. Janković B. Пријепори о повјесном ревизионизму и ревизији повјести // PROTIV историјског ревизионизма, ZA ревизију повјесних спознаја. Међународна конференција. Национална и свеучилишна књиžница у Загребу 12. свибња 2021. KLIOFEST. Загреб, 2021. С. 3–11.
12. Kamberović H. Historičari kao nacionalni radnici i politizacija historiografske scene u Bosni i Hercegovini // Oglеди о историографији и национализму у југоисточној Европи. Зборник радова. Сарајево: Удружење за модерну историју, 2019. С. 149–170.
13. Kamberović H. Сарајевска магла и теслићко-банјалучка «ведрина»: ненаућни ставови у тексту Драгише Д. Васића о «бошњачком историјском наративу» // Токови историје. 2020. Бр. 3. С. 227–243.
14. Kasapović M. Бошњачке политике повјести: геноцид као судбина // Anali Hrvatskog politološkog društva: časopis za politologiju. 2021. Бр. 1. С. 0–33.
15. (Re)vizija: treba li braniti istoriju? // Kritika: časopis za filozofiju i teoriju društva. 2020. Бр. 2. С. 361–385.
16. Šušnica S. Pop-mitološko označavanje «naših» ulic. Študija primera Banje Luke, Bosna in Hercegovina. Magistrsko delo. Univerza v Ljubljani. Ljubljana, 2015. URL: http://dk.fdv.uni-lj.si/magistrska_dela_2/pdfs/mb22_susnica-srdan.pdf (дата обращения: 25.01.2022).

REFERENCES

Badurina M. Povjesničari nisu brokeri na burzi žrtava. *Tačno.net*, 18.06.2020. Available at: <https://www.tacno.net/kultura/povjesnicari-nisu-brokeri-na-burzi-zrtava/> (accessed 25.01.2022). (In Croat.)

- Badurina M. Povjesničari su partibrejkeri. Komentar na tekst Branimira Jankovića «Povjesničari nisu promatrači političkih borbi o povijesti». *Historiografija.hr*. 8.07.2020. Available at: <http://historiografija.hr/?p=21873> (accessed 25.01.2022). (In Croat.)
- Belov M.V. Kak skleiti' zerkalo? Shkol'nyje uchebniki v kritike serbskikh istorikov (1980–2010-je gg.). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2019, no. 5, pp. 9–18. (In Russ.)
- Belov M.V. «Istoricheski revizionizm» v kritike post'jugoslavskikh istorikov. *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavianovedenije*, 2020, no. 5, pp. 43–56. (In Russ.)
- Janković B. Povjesničari nisu promatrači političkih borbi o povijesti – komentar članka Marina Badurine «Povjesničari nisu brokeri na burzi žrtava» povodom Deklaracije «Obranimo povijest». *Historiografija.hr*, 07.07.2020. Available at: <http://historiografija.hr/?p=21861> (accessed 25.01.2022). (In Croat.)
- Janković B. Povjesničari još uvijek plešu u nacionalnom ritmu – uz tekst Marina Badurine «Povjesničari su partibrejkeri». *Historiografija.hr*, 11.07.2020. Available at: <http://historiografija.hr/?p=21942> (accessed 25.01.2022). (In Croat.)
- Janković B. Prijepori o povijesnom revizionizmu i reviziji povijesti. *PROTIV historijskog revizionizma, ZA reviziju povijesnih spoznaja. Međunarodna konferencija. Nacionalna i sveučilišna knjižnica u Zagrebu 12. svibnja 2021. KLIOFEST*, Zagreb, 2021, pp. 3–11. (In Croat.)
- Jovanović M. Kriza i istorija. Društvena kriza i istorijska svest u Srbiji početkom 21. veka // Jovanović M., Radić R. *Kriza istorije. Srpsa istoriografija i društveni izazovi kraja 20. i početka 21. veka*. Beograd, 2009, pp. 133–192. (In Serb.)
- Kamberović H. Historičari kao nacionalni radnici i politizacija historiografske scene u Bosni i Hercegovini. *Ogledi o historiografiji i nacionalizmu u jugoistočnoj Evropi. Zbornik radova*, Sarajevo, Udruženje za modernu historiju, 2019, pp. 149–170 (In Bosn.)
- Kamberović H. Sarajevska magla i tesličko-banjalučka «vedrina»: nenaučni stavovi u tekstu Dragiše D. Vasića o «bošnjačkom istorijskom narativu». *Tokovi istorije*, 2020, no. 3, pp. 227–243. (In Serb.)
- Kasapović M. Bošnjačke politike povijesti: genocid kao sudbina. *Anali Hrvatskog politološkog društva: časopis za politologiju*, 2021, no. 1, pp. 0–33. (In Croat.)
- (Re)vizija: treba li braniti istoriju? *Kritika: časopis za filozofiju i teoriju društva*, 2020, no. 2, pp. 361–385. (In Serb.)
- Stojanović D. Skinuti kape i ćutati. Povodom teksta «Istorija i nacionalni identitet u sarajevskoj magli: Primjeri politizacije i mitologizacije bošnjačkog istorijskog narativa» Dragiše Vasić. *Tokovi istorije*, 2020., no. 3, pp. 209–225. (In Serb.)
- Šušnica S. *Pop-mitološko označavanje «naših» ulic. Študija primera Banje Luke, Bosna in Hercegovina*. Magistrsko delo, Univerza v Ljubljani, Ljubljana, 2015. Available at: http://dk.fdv.uni-lj.si/magistrska_dela_2/pdfs/mb22_susnica-srdan.pdf (accessed 25.01.2022). (In Sloven. and Engl.)
- Vasić D.D. Istorija i nacionalni identitet u sarajevskoj magli: primjeri politizacije i mitologizacije bošnjačkog istorijskog narativa. *Tokovi istorije*, 2020, no. 2, pp. 209–232. (In Serb.)
- Vasić D.D. Kako je i zašto pala «deklarisana odbrana istorije» Dubravke Stojanović i Husnije Kamberovića? *Tokovi istorije*, 2021, no. 2, pp. 231–255. (In Serb.)

Информация об авторе:

Белов Михаил Валерьевич,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой Новой и новейшей
истории Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID ID: 0000-0002-4395-028X
E-mail: belov_mihail@mail.ru

Information for author:

Belov Michael V.,
DSc. (History), the Head of the Chair
of Modern and
Contemporary History at the Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
Russian Federation
ORCID ID: 0000-0002-4395-028X
E-mail: belov_mihail@mail.ru

Славяноведение, 2022, № 3, с. 89–107

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 3, pp. 89–107

DOI: 10.31857/S0869544X0019977-7

Оригинальная статья / Original Article

Новая история стран и народов Центральной и Восточной Европы в историографии рубежа XX–XXI веков: между традиционной и постмодернистской интерпретацией

© 2022 г. Л. Заштовт

Институт истории науки ПАН
(Варшава, Польша)

zasztowtles@poczta.onet.pl

Аннотация: Статья посвящена анализу основополагающих проблем новейшей историографии периода Новой истории (XVIII – начала XX вв.) в странах Центральной и Восточной Европы, прежде всего Белоруссии, Литвы, России и Украины в рамках сравнительного анализа с новейшей польской историографией и в сопоставлении с основными тенденциями развития исторической науки в странах Запада (Западной Европы и США). В методологическом плане, исходя из общей теории закономерностей исторического процесса, автор констатирует противопоставление «традиционной» методологии исторического исследования и методологии «постмодернизма». Оставаясь на позициях традиционной исторической науки, автор отдает должное достижениям историографии «эпохи постмодернизма» в области расширения проблематики и конкретного содержания исторических исследований. Применительно к странам Центральной и Восточной Европы «постмодернизм» сыграл существенную роль в преодолении догматического наследия коммунистической идеологии в исторической науке, хотя эта задача по-прежнему остается актуальной. Оценивая новейшую историографию в области Новой истории указанных стран, автор отмечает, что, позитивно воспринимая влияние постмодерна и органически включаясь в общемировой процесс развития исторического знания, она в целом остается в русле «традиционной» исторической науки.

Ключевые слова: методология исторической науки, постмодернизм, новейшая историография истории Нового времени, Белоруссия, Литва, Россия, Украина.

Ссылка для цитирования: *Заштовт Л.* Новая история стран и народов Центральной и Восточной Европы в историографии рубежа XX–XXI веков: между традиционной и постмодернистской интерпретацией // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 89–107. DOI: 10.31857/S0869544X0019977-7

The New History of Nations and States of the Central and Eastern Europe in Historiography at the End of 20th – the Beginning of 21st Centuries: Between Traditional and Postmodern Interpretation

© 2022 г. Leszek Zasztowt

Institute for the history of science
Warsaw, Poland)

zasztowtles@poczta.onet.pl

Abstract: The paper deals with one of the most important problems of the historiography of the Modern Period of the Central and Southern-Eastern Europe, especially such countries as Belorussia, Lithuania, Russia and Ukraine in compare with modern Polish historiography and main tendencies of historical studies in the Western Europe and the USA. Resting on the grounds of the common theory of principles of history, the author opposes the “traditional” methodology to the postmodern one. Remaining a follower of the traditional History he admits some achievements of the postmodern historiography that embraces the new challenges as well as deepen and widen some traditional topics. Postmodern methodology has helped countries of the Central and Eastern Europe to overcome the dogmatic legacy of the Communist ideology, although this task remains topical. By analyzing the modern historiography of the post-Soviet countries of the Eastern Europe the author concludes, that the latter, on the one hand, develops within the frameworks of traditional History, but on the other hand, being affected by postmodern methodology, it integrates into the general world system of historical studies.

Keywords: historical method, postmodernism, historiography of the Late Modern Period, Belorussia, Lithuania, Russia, Ukraine.

Reference for citation: *Zasztowt Leszek.* The New History of Nations and States of the Central and Eastern Europe in Historiography at the End of 20th – the Beginning of 21st Centuries: Between Traditional and Postmodern Interpretation // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie.* 2022. No 3. P. 89–107. DOI: 10.31857/S0869544X0019977-7

Прежде чем непосредственно обратиться к названному в заглавии предмету настоящей статьи следует определиться с понятиями: что представляют из себя такие феномены исторического знания и наших представлений о прошлом, как традиционная история и постмодернистская история и в чем различия между ними? Априорно можно утверждать, что издревле, со времен Геродота, история, будучи одним из фундаментальных направлений человеческого знания, является наукой, опирающейся на традиции двоякого рода как с точки зрения предмета и объекта исследований, так и в силу присущих ей гносеологии и методологии процессов познания. Однако это вовсе не означает, что история как наука окостенела в оковах догматики и не развивается в русле модернизации. Напротив, историческая наука каждый раз преображалась вслед за сменой эпох в развитии цивилизации. Так по способу описания и по проблематике зачастую можно безошибочно определить, когда конкретно данный исторический труд был создан и к какой социальной среде относился его автор или авторы. Эти особенности памятников исторической мысли нередко использовались изготовителями разного рода фальсификаций и исторических мистификаций, что временами приводило к бытованию фиктивных исторических источников и даже фиктивных событий и фиктивных персонажей.

Хрестоматийным примером подобного рода фальсификаций стали так называемые «протоколы сионских мудрецов», якобы свидетельствующие о планах евреев установить мировое господство. Эта антисемитская мистификация была использована царской охранкой для обоснования и оправдания еврейских погромов в России в начале XX в. [47] (ср.: [50. S. 326]).

Эволюция исторических знаний под влиянием исторической эпохи как объективный процесс развития науки была абсолютизирована сторонниками методологии презентизма, утверждавших с позиций агностицизма, что историческая наука не в силах исследовать историческое прошлое, которое остается непознаваемым, а может изучать только наши сегодняшние представления о нем. В новейшей польской историографии со времен А.Ф. Грабского существует не вполне корректная трактовка презентизма как использование современных понятий и событийных ассоциаций при объяснении процессов, произошедших в прошлом, т.е. трактовка исторических явлений с помощью современных категорий, например, национальных или личного и социального опыта. С этой точки зрения, упрек в презентизме можно адресовать немалому числу новейших исторических трудов, опубликованных в мире. Однако, следует иметь в виду, что между конкретным явлением и обозначающим его абстрактным понятием всегда существует определенная, более или менее значительная дистанция, которая в свою очередь нуждается в определении и истолковании. В этом, в частности, находит выражение универсальный научный метод восхождения от абстрактного к конкретному. Так, примером упомянутой дистанции между явлением прошлого и обозначающим его современным абстрактным понятием может служить соотношение категории феминизм с мифологизированным в описании Сафо сообществом острова Лесбос с его поэтизированными пережитками матриархата. Другим примером может быть толкование понятия гомосексуализм, который в древнегреческой цивилизации являлся отнюдь не последним по значению элементом общественных связей. Можно было бы привести больше примеров из истории Древнего мира, когда современные понятия, хотя и соответствуют в известной мере описываемым явлениям, но нуждаются в детальной конкретизации и переосмыслении, как то педофилия, проституция, а также рабство и порабощение и тому подобное. Даже такие, казалось бы, универсальные понятия как свобода, гуманизм и жестокость имели в древности иное, кардинально отличное от современного, содержание. Да и в целом их содержание изменялось в ходе развития исторического процесса. Таким образом, современные нам понятия при корректном употреблении вполне применимы при описании и анализе исторического процесса, однако их содержание каждый раз требует научного анализа и соответствующего сравнительно-исторического объяснения.

Историческое знание и возникшая на его основе историческая наука с древних времен опирается на собственную сферу профессиональной деятельности, имеет собственную методологию и собственную терминологию. Последняя в значительной мере охватывает область гуманитарного знания в целом, например, герменевтика (исследование и интерпретация текста), эвристика (методика научного поиска и формулирования научных задач). Специфику исторической науки характеризует также наличие в ее составе относительно автономных направлений научного знания, прежде всего источниковедения, а также специальных исторических дисциплин, с разработанной собственной методикой исследования и соответствующей терминологией. Здесь упомянуты только некоторые вопросы, характеризующие до известной степени

исторический «цех» или, иными словами, лабораторию историка, присущие исторической науке в целом. В польской научной историографии они были поставлены еще ее зачинателем – Йоахимом Лелевелем и получили развитие в трудах Марцелия Хандельсмана [31] (первое изд. – 1921 г.), а позднее – Владислава Конопчиньского, Ежи Топольского, Ванды Мошеньской и др.

Все вышеназванные аспекты профессионального труда историка связаны с традиционной исторической лабораторией, однако и в его рамках история, как наука, эволюционирует, при этом расширяется и совершенствуется сфера применяемых понятий, в том числе заимствованных из иных областей знания.

Говоря об эволюции исторической науки, следует отметить, что «традиционная история» не должна быть ни историей современной (модернистской), ни историей консервативной. Главное направление развития исторической науки определяется постоянно возникающими новыми исследовательскими вопросами, новыми интерпретациями уже существующих высказываний и концепций, новыми подходами к изучению как отдельных явлений, так и исторического процесса в целом.

Какие же тенденции развития нашли проявление в исторической науке эпохи «постмодерна»? Само понятие «постмодернизм» возникло в области литературной критики. Этим термином первоначально обозначались течения художественной литературы XX в., претендовавшие на некий новый этап в развитии беллетристики, якобы пришедший на смену литературе модернизма первой половины XX ст. Практически параллельно с этим постмодернизм превратился в обширнейший конгломерат современных мировоззренческих концепций, который едва ли поддается какой-либо систематизации и классификации, а само понятие не имеет ни удовлетворительного содержательного, ни логически оформленного определения. Однако постмодернизм как феномен общественного сознания получил достаточно широкое распространение в сфере историософии и общественной мысли в целом. В связи с этим возникает вопрос: означает ли утверждение об эволюции исторической науки то, что существует постмодернистская история, особенно в связи с тезисом Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» как таковой [26; 27]. Согласно его концепции, человечество достигло последнего этапа развития, каковым является современное западное либерально-демократическое общество, ставшее венцом развития цивилизации и воплощением идеи свободы и освобождения личности, что якобы, прежде всего, находит выражение в тотальной свободе выбора. В этом смысле понятие свободы как ценности наивысшего уровня заложено в основу многочисленных изводов постмодернизма.

Применительно к исторической науке «эпохи постмодерна» его адепты под лозунгом освобождения от идеологических и методологических догм или иных ограничений провозглашают тотальную свободу выбора во всех сферах научного исследования, что зачастую приводит к синкретизму, эклектике, при том со значительной долей интуитивизма. Однако плюрализм такого рода не всегда приносит положительные результаты, что обоснованно находит отражение в критике как идеологии «постмодерна», так и методологии постмодернизма, следствием чего стало даже появление идейного феномена *пост-постмодернизма*, сторонники которого приписывают ему даже роль метода исторической науки, на чем я остановлюсь ниже.

Политологический субъективизм Ф. Фукуямы восходит к середине XX в. и к концепции открытого общества Карла Поппера, проиллюстрированной

американским политологом примерами из новейшей истории североамериканской и европейской цивилизации [38–41], однако рассуждения последнего обнаруживают абсолютную несостоятельность в сравнении со странами Дальнего Востока, особенно с Китаем, который, оставаясь номинально коммунистической страной, стал мировой державой в области производства и свободной торговли. При этом политическая система КНР не имеет ничего общего с либерально-демократической моделью, характерной для Запада. Очевидно, не соответствуют стандартам Фукуямы и другие страны, например, Турция, арабские страны, Индия, некоторые страны бывшего СССР и в некоторой степени также и Россия.

Помимо неопозитивистских теорий, к идейным источникам постмодернистских воззрений принадлежит некогда популярная социальная теория Макса Вебера, утверждавшего, что «протестантская этика» породила развитие капиталистических отношений и, следовательно, обусловила ускоренную модернизацию Запада и глобальное прогрессивное развитие человечества [49] (последнее польское издание – 2010 г.). Популярность теории Вебера объяснялась, с одной стороны, тем, что она была ориентирована на критику марксизма с идеалистических неокантианских позиций, а с другой – тем, что она якобы убедительно объясняла относительную отсталость католических и православных стран в рамках европейской цивилизации, не говоря уж о странах и народах за пределами христианского мира. Однако рост экономической мощи Японии во второй половине XX в. и других азиатских стран доказал, что и на Востоке возможен ускоренный инновационный переход от традиционного к индустриальному и к постиндустриальному обществу.

Немаловажно отметить, что провозглашение постмодернизма и его воплощения в образе либерального государства некой финальной стадией исторического развития, очевидно, ассоциируется с вульгарной трактовкой марксизма в СССР времен И.В. Сталина, Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева, когда «построение коммунизма» объявлялось стратегической целью правящей компартии и рассматривалось руководством КПСС как некий якобы величественный, но ставший в действительности недостижимым итог «мирового революционного процесса». Из сопоставления таких, казалось бы, диаметрально противоположных концепций следует, что теория, в которой какая-либо политическая система признается «наилучшей» или «окончательной» (в смысле – «финальной» и «наиболее развитой»), вызовет, по меньшей мере, подозрение у всех, кто имеет за плечами опыт жизни в условиях так называемого «реального социализма». И все же точка зрения Фукуямы может трактоваться как грозное напоминание и предостережение о реальных противоречиях, которые имманентно присущи историческому развитию, и связанных с ними глобальных угроз.

Разнообразие социальных теорий, трактующих содержание эпохи постмодернизма, разумеется, не исчерпывается рассмотренными примерами. Однако все эти теории, независимо от того, проповедают ли они идеалы либерализма или неких «консервативных ценностей», исходят из того, что некий стандарт современного общественного развития в пределах мировой цивилизации сформирован окончательно, что задача «модернизации» состоит только в соответствии этому стандарту с учетом национальных особенностей и интересов. И с этой точки зрения, утверждение Фукуямы о «конце истории» не может восприниматься иначе, как грозное предостережение о том, что историческая наука и в целом гуманитарное знание не дает ответа на фундаментальный

вопрос: разрешение каких противоречий современной эпохи обусловит вступление человечества в новый этап исторического развития. Дискуссия в рамках постмодернистского дискурса между сторонниками либерализма и консерватизма в этом смысле абсолютно бесплодна.

Если обратиться к истории общественной мысли стран и народов Центральной и Восточной Европы, то можно заметить, что начиная с 30-х годов XIX ст. в указанном регионе в области теории исторического процесса и в представлениях о закономерностях исторического развития доминирующими и конкурирующими между собой идейными течениями были гегельянство, концепции утопического социализма, марксизм. В XX в. к ним добавились социология позитивизма и разного рода интерпретации экзистенциализма. Бытовали в регионе и разного рода изводы философского романтизма и мистицизма, однако в сфере этих идейных течений проблемы содержания и закономерностей исторического процесса не занимали заметного места.

После Революции 1917 г. в России и образования СССР марксизм, канонизированный в качестве официальной идеологии марксизма-ленинизма, занял особое место в идеологическом пространстве на востоке Европы, которое после Второй мировой войны было распространено и на страны так называемого социалистического лагеря, в том числе и на Народную Польшу. Однако это не устранило отмеченного выше идейного дискурса, напротив, конкуренция между названными идейными течениями только усилилась, хотя и развивалась в завуалированной форме в среде интеллигенции. Надо подчеркнуть, что в этом идейном движении, наряду с социологами, видное, если не центральное, место принадлежало сообществу профессиональных историков, а анализ исторического прошлого стран и народов Центральной и Восточной Европы становился полем отмеченной дискуссии о сущности и этапах развития исторического процесса.

В качестве аргумента в подтверждение тезиса об особенностях развития исторической науки в Центральной и Восточной Европе в XX в., и особенно во второй его половине, после Второй мировой войны, стоит указать на влияние французской школы «Анналов», которая произвела кардинальный переворот в мировой науке в подходе к истории и, прежде всего, к представлениям о содержании процесса исторического развития. Школа «Анналов» обращала особенное внимание на историю общества (социума) и ее экономические аспекты. Выдающиеся представители школы, среди которых Люсьен Февр, Марк Блок, Фернан Бродель, Жак Ле Гофф оставили неизгладимый след в европейской историографии, а также в польской исторической науке. Стоит вспомнить хотя бы труды таких польских историков второй половины XX ст., как Витольд Куля, Антони Мончак, Стефан Кеневич, Хенрик Самсонович, Ежи Едлицкий и многих других [37], в исследованиях которых официально индоктринированная марксистская методология исторического материализма творчески сочеталась с новейшими методологическими исканиями исторической науки на Западе, в том числе и школы «Анналов». В англоязычной среде подобную роль в освоении методологии школы «Анналов» сыграл в первой половине прошлого века Джордж Маколей Тревельян – автор социальной истории Англии [48].

* * *

Обращаясь непосредственно к анализу историографии новейшей истории стран и народов Центральной и Восточной Европы, уместно задаться вопросом: являются ли национальные историографии названного региона

нарративами (модное сегодня выражение) традиционными или также пост-модернистскими?

Создается впечатление, что большинство научных трудов в сфере истории вообще или трудов, относящихся к фундаментальным эпохам в истории человечества, таким как Древний мир, Средние века и др., а эти эпохи с точки зрения проблематики и методики исторического исследования имеют свою научную специфику, например медиевистика, или трудов, относящихся к специальным историческим дисциплинам (к архивистике, геральдике), а также относящихся к иным направлениям исторического знания, как то: археология, история искусства, история музыки, история науки – все эти труды построены по канонам традиционной нарративной истории и основаны на принципах традиционной методологии. Однако, по моему мнению, это утверждение можно отнести отнюдь не ко всем, а только к преобладающей части новейших исторических трудов, созданных начиная с 1990-х годов в разных странах Центральной и Восточной Европы: от Польши и Литвы и до России, Украины и Белоруссии. В этот перечень следует, разумеется, добавить и другие европейские страны, некогда принадлежавшие к уже несуществующему блоку во главе с СССР. Идеальный облик этого периода был определен кардинальными социально-политическими переменами в регионе на исходе XX и в начале XXI в.

В этот период историография названных стран, посвященная новейшему времени, переживала, по моему мнению, серьезный застой как по содержанию исследований, так и в области методологии. Это обусловлено рядом причин. Они проистекали из-за серьезных цензурных и политических ограничений в период реального социализма, когда некоторые темы были запрещены, какие-то – нежелательны, другие и вовсе опасны для их потенциального исследователя. Поэтому после развала квазикоммунистической системы необходимо было в первую очередь устранить «белые пятна», т.е., пополнить наши знания о замалчиваемых ранее темах. Другим характерным явлением стало отступление от прошлой марксистской методологии в описании и анализе исторических событий. Однако здесь трудности оказались еще более серьезными, о чем будет сказано ниже. В 1990-е годы нужно было создать новый, уже не марксистский, синтез национальных историй некоторых государств. При этом обозначилась тенденция, когда национальные историографии «уклонялись» от этой задачи, которая до сих пор не решена и остается актуальной и сегодня. При исследовании периода реального социализма историки указанных стран не столько стремятся сделать шаг вперед в развитии науки, сколько возвращаются к старым «досоветским» идеологемам до 1917 или до 1945 г.

Какие же реальные научные результаты в области методологии исторических исследований принесла «постсоветская» эпоха? Для российской историографии, по моему мнению, все новации были связаны с «ренессансом» воззрений, бытовавших среди российских историков до 1917 г.: с позитивизмом, неопозитивизмом, а также с принципами и подходами историков из либерального лагеря вроде П.Н. Милюкова. Вместе с тем в некоторых случаях в новейшей российской историографии под лозунгом поисков «национальной идеи» возрождается идеология великорусского национализма и эпигонов славянофильства начала XX в.

Специфический имперский интернационализм современной русской общественной мысли только оттеняет особенно ярко выраженный «национальный уклон» историографий как стран постсоветского пространства, так

и историографий стран, принадлежавших в прошлом к так называемому социалистическому лагерю, что является главной отличительной чертой творчества большинства историков стран Центральной и Восточной Европы. Под «национальным характером» истории или «государственным характером» (*national history, history of state – historia nacji i historia gosudarstwa*), я понимаю сосредоточенность на изучении истории народа (поляков, русских, литовцев, украинцев, чехов и т.д.), а также исследование судеб их государств, в первую очередь истории борьбы за сохранение и восстановление национальной государственности. Словом, национальные и государственные проблемы подчинили своему влиянию историческое творчество, и это явление продолжается до сих пор, хотя и переживает определенную эволюцию. Потребовалось достаточно много времени, чтобы у упомянутых историков возникла заинтересованность иными проблемами, например, этническими меньшинствами, женским вопросом или иными экзотическими сюжетами наподобие сочинений Мишеля Фуко [25], Жоржа Батая [24], Ежи Юрандота [33]. Перечисление модных тем, которые прежде считались недостойными исторического исследования, можно было бы продолжить, а среди вопросов, действительно имеющих значение, из поля внимания историков выпали такие проблемы как история религиозных сект и даже история ряда идейных течений, которые раньше замалчивались, а теперь представляются в новой форме.

Все же отмечу, что некоторые существенные с точки зрения постмодерна явления, значение которых для науки является, правда, не бесспорным, дождалось своего монографического описания и в нашей части континента. Примером может служить написанная в популярном ключе монография С.А. Романова «История русской водки» [13], которая, несмотря на якобы оригинальную тему, опирается, скорее, на традиционный, нежели на новаторский подход. К тому же сочинений подобного рода немало в околонучной литературе, рассчитанной, в первую очередь, на коммерческий успех.

Если говорить о соотношении в общем объеме исследований традиционной и с точки зрения постмодерна якобы новаторской тематики, то историография стран Центральной и Восточной Европы все еще отстает от французской или немецкой историографии, и в особенности – от англоязычной. Не стану утверждать, что, например, польскую историографию полностью не затронули такого рода веяния, но, представляется, что ей предстоит еще немало сделать для достижения общего уровня, существующего на Западе. Хотя и в Польше возникают интересные работы, такие как монография Иоланты Сикорской-Кулешо о проституции в Королевстве Польском в XIX в. [45]. Аналогичные тенденции можно отметить также в украинской и российской историографии. Правда, рассматривая подобные труды, задаешься вопросом о соотношении в них научного содержания и текущей общественно-политической конъюнктуры.

Существенные различия в развитии исторической науки на Западе и в странах Центральной и Восточной Европы, как я уже отметил выше, были обусловлены социально-политической системой стран «реального социализма» и налагаемыми на общество и историков, в частности, значительными ограничениями идеологического и культурного характера, а также нормами «коммунистической морали». Для преодоления отставания в области исторической науки в наших странах предстоит сделать еще очень много, но и прогресс в этой области огромен.

Однако некоторые тенденции и явления, характерные для прежней «советской» историографии, за исключением только прибалтийских республик, наблюдаются и по сей день особенно в странах постсоветского пространства, в том числе и в России. Исключение марксизма-ленинизма из сферы исторической науки в этих странах, разумеется, стало кардинальным переворотом, однако прочие традиции в историографии сохранились в малоизмененном виде. Наиболее рельефно это нашло выражение в белорусской историографии, которая на самом деле продолжает давнюю советскую историографическую традицию в практически неизменном виде.

Наследие советской исторической науки на постсоветском пространстве находит выражение в государственном администрировании развития науки, в системе научных учреждений и в образе их функционирования, в системе и в содержании подготовки научных кадров, в структуре и содержании диссертационных исследований и в порядке присвоения научных степеней и званий. Этот перечень можно было бы продолжить ссылками на особенности внутренней жизни научных коллективов. Однако для меня главное состоит в том, что «советские» традиции находят воплощение в проблематике, тематике, в композиционной структуре и в системе аргументации монографических исследований. Последние, с полным основанием, можно отнести к традиционной историографии (согласно принятой мною классификации). Например, с точки зрения традиционной историографии «история женщин» в XIX в. предполагает изучение предмета исследования в совокупности его социальных, национальных, сословных, конфессиональных, корпоративных связей и соответствующих им статуса и идентификации. Напротив, с точки зрения постмодернистского нарратива история женщин выглядела бы как описание биологической природы и психологических особенностей последней, как реконструкция восприятия женщиной окружающего общества и отношения общества к ней, как история ее личных и эмоциональных связей, разного рода негативных и позитивных предпочтений, следования моде и так далее. Постмодернистское описание, скорее, индивидуализировано в стиле литературной беллетристики, создает образ некоего типичного объекта, нежели описание исторического процесса. Правда, в конкретных исследованиях обе представленные модели, как правило, дополняют друг друга, однако одна из них все же остается преобладающей, что позволяет провести грань между традиционным и постмодернистским подходами к написанию исторических сочинений.

В итоге можно констатировать, что применительно к подавляющему числу работ, появившихся в нашей части Европы, трудно говорить о постмодернизме, поскольку постмодерн в них никогда не присутствовал. Он также никогда не был определяющей формой и ведущим методом исторических исследований, если и нашел какое-либо проявление, то в очень ограниченном объеме. Зато отчетливо заметна борьба между двумя традициями: советской историографии, с одной стороны, и традиции дореволюционной историографии, т.е. до 1917 г., либо до 1945 года – с другой. Это противоречие и по сей день сохраняется как ведущая тенденция в развитии исторической науки в странах Центральной и Восточной Европы.

Можно задаться вопросом, возможен ли вообще у нас постмодернизм в области исторических наук? На Западе постмодернизм исчезает, мода на него проходит. А в нашей части континента постмодернизм в исторической науке

прошел почти незамеченным, не оставив следа. Возможно, за исключением литературоведения, где он встретил значительный отклик.

От рассмотрения методологических проблем обращаюсь к анализу ряда новых тенденций и новых явлений в историографии стран Центральной и Восточной Европы. Выбранные мною примеры исторических трудов, опубликованных в Литве, на Украине, в России и в Белоруссии, не претендуют на статистическую репрезентативность, но являются, по-моему, весьма характерными и важными с научной точки зрения.

Литва

После восстановления независимости в 1991 г., условно говоря, «национальное направление» литовской историографии получило мощный импульс развития, хотя и в период существования СССР национальный уклон в исторической науке Литовской ССР был представлен достаточно весомо, что в частности находило выражение в публикации исторических источников, например, Литовских метрик. В 1980–1990-е годы новое поколение историков положило начало пересмотру советских концепций, особенно по проблемам истории XIX и XX в., начиная с серии «Изучение истории литовского национального возрождения» («*Lietuvių atgimimo istorijos studijos*»). Часть публикаций серии была переведена на польский язык, например, работы Эгидиуса Александровичюса и Антанаса Кулакаускаса [22], или Римантаса Микныса [36]. Постепенно рядом с доминирующей проблематикой национального возрождения стали появляться работы о других народах, населявших Литву и ранее [23]. При этом в опубликованной на Западе на английском языке книге Дариуса Сталюнаса о восстании 1863 г., в Литве была затронута проблема русификации всех народов, населявших земли бывшего Великого княжества Литовского, исключая, разумеется, этнически русских, численность которых в Литве была совсем невелика [46].

В новейшей литовской историографии отчетливо видна тенденция к расширению тематического и проблемного круга исследований, при этом постоянно подчеркивается полиэтничность и поликонфессиональность Литвы. Однако центральной проблемой становится континуитет литовской государственности от Миндовяга и до наших дней. Эти принципиальные положения находят отражение в обобщающих трудах, например, в англоязычной «Истории Литвы» Зигмантаса Кяупы [35] или в коллективной истории Литвы до 1795 года [34]. Важно подчеркнуть, что большинство наиболее интересных монографических исследований, обобщающих трудов и публикаций исторических источников рождается в Институте истории Литвы в прошлом — учреждении Литовской академии наук, а сегодня в государственном, хотя объявленном независимым исследовательском институте.

Современные литовские историки настроены на своего рода «экспорт» своих достижений. Многие их работы опубликованы на английском и немецком языках. Институт истории Литвы издает также англоязычный журнал «*Lithuanian Historical Studies*» и «Новости Литовской Метрики» по-русски.

Украина

Похожая тенденция заметна и в украинской историографии, хотя в области Новой истории (XVIII–XIX вв.) украинские исследователи обращаются преимущественно к истории казачества, подчеркивая, что это сословие воплощало национальную и государственную традицию в истории Украины после Богдана

Хмельницкого. Работы такого рода весьма многочисленны, среди них и солидные труды, основанные на внушительной источниковой базе, как, например, исследования Олены Апанович [1] или Тараса Чухлиба [16].

Одновременно на Украине опубликовано немало работ по истории XIX и XX в., в целом соответствующих главным тенденциям развития исторической мысли в Западной Европе, например, труды Богдана Гудя, начинавшего ученую карьеру как летописец советского комсомола [5]. Историю украинских земель Нового времени он описывал в идиллических тонах, а «воссоединение» Украины с Россией и тем более возникновение Советской Украины – как «гибель Аркадии» [4]. Аналогичным образом историю Украины рассматривают и другие авторы, трактуя ее в контексте международных отношений в регионе Центральной и Восточной Европы Нового времени. Особенно ценной, на мой взгляд, является работа киевского ученого Наталии Яковенко – автора прекрасно написанной истории Украины до 1795 года [19; 32]. Ей же принадлежит исследование по истории украинских аристократических элит (в том числе в работе «Параллельный мир») [20; 21]. Также в исследованиях истории XIX и особенно XX в. внимания заслуживают работы Ярослава Грыцака. Можно вспомнить его историю Украины и переведенные на польский язык новые интерпретации исторических событий в Украине [28–30]. Также был опубликован, наверное, первый, написанный украинскими историками по-украински обобщающий труд по истории Польши авторства Леонида Зашкильняка и Микола Крикуна [8]. Отдельным явлением остается публицистика Микола Рябчука, чьи работы хоть и базируются на историческом материале, однако являются своего рода анализом, прежде всего, современности. Их центральная проблема – поздняя кристаллизация национального самосознания украинцев и связанное с этим внутреннее разделение современной Украины. Некоторые из важнейших трудов Рябчука были переведены на польский язык [42–44].

Говоря о развитии новейшей украинской историографии, следует отметить количественный рост, а также расширение тематического и проблемного круга исследований. К наиболее существенным чертам ее развития мы бы отнесли, во-первых, обращение к истории Украины под углом отношений с соседями, применительно к Новому времени с такими странами как Великое княжество Литовское и позднее Королевство Польское и Россия; во-вторых, анализ властвующих элит на Украине и процессов их приобщения к русской и польской культурам; в-третьих, интерес к проблемам, связанным с Брестской Унией 1596 г., и к вопросам взаимоотношений между униатством и православием.

Практически во всех трудах украинских авторов присутствует отмеченная мною в целом для постсоветской историографии «национальная» тенденция, однако в данном случае эта тенденция выражается в гипертрофированном виде, нередко переходя грань объективности.

Россия

В мировой исторической науке современной российской историографии принадлежит одно из ведущих мест, поскольку она опирается на фундамент русской классической историографии и историографии конца XIX – начала XX вв., и европейской историографии указанного периода в целом. Российская советская историография испытала на себе все негативные влияния, о которых я не раз писал выше. Однако нельзя отрицать и того, что в СССР, претендовавшем на авангардную роль в мировой истории, историческая наука

многokrратно увеличила свой потенциал по всем направлениям научного развития, в частности и в области методологии, и в области научной критики зарубежных научных исторических школ, что позволяло советским историкам творчески осваивать достижения последних. В итоге современная российская историческая наука остается, наряду с немецкой, французской и английской историографиями, в первых рядах мировой исторической науки. По моему мнению, к ним с полным основанием можно причислить также историографию США.

Говоря о значении современной российской историографии, следует указать, что в ее рамках развиваются многие научные центры и еще большее число научных школ самой разнообразной идеологической ориентации, среди которых есть немало адептов западных течений общественной мысли, в том числе и неоллиберализма, и постмодернизма, и тому подобных. Поэтому в рамках одной статьи невозможно даже приблизительно отразить общую картину российских исторических исследований в области истории стран и народов Центральной и Восточной Европы в Новое время. Исходя из этого, рассматривая российскую историографию, я обращаюсь только к одному из немалого числа направлений, которое представляется мне и характерным, и достаточно интересным, поскольку оно генетически связано с модным сейчас и на Западе, и в России публицистическим феноменом, именуемым «империологией». Своего рода идейным и методологическим центром этого направления стала вышедшая в свет прекрасная серия исторических монографий «*Historia Rossica*». По сути все опубликованные в этой серии работы, как российских авторов, так и зарубежных, заслуживают внимания и представляют единую научную школу.

Среди тем, поднятых авторами, близкими по идейным позициям к названному направлению — вопросы истории Российского государства, в особенности тех событий, которые разыгрывались на его «окраинах» — на пограничье империи, особенно на Украине и землях, входивших до конца XVIII в. в состав Речи Посполитой, в том числе в Литве, в Белоруссии и в Царстве Польском (Королевстве Польском). Наиболее значительные работы в этой области — это труды А.И. Миллера, М.Д. Долбилова и Л.Е. Горизонтова, хотя, конечно, можно было бы привести значительно больше не менее ярких примеров.

Помимо проблем империологии, упомянутые авторы применили новые подходы к старым и, казалось бы, традиционным проблемам. А.И. Миллер, в частности, исследовал процесс русификации народов, населяющих Украину. Пожалуй, он первый, выделив процессы аккультурации, ассимиляции и интеграции, доказал, что русификация вовсе не была единой по отношению к разным национальным группам на Украине [9; 11–12]. «Полная русификация», по его мнению, направлена была, скорее, на украинское население — малороссов, которых отождествляли с русскими, в меньшей степени русификация касалась поляков или евреев, за которыми, в известной мере, сохранялись права на особое национальное и культурное развитие. Подходы Миллера к проблеме русификации позже существенно развил литовский историк Дариус Сталюнас [46].

Проблемы политики Российской империи в области вероисповеданий были представлены в работах одного из ведущих исследователей школы «*Historia Rossica*» М.Д. Долбилова, в частности в объемистой (1000 стр.) книге «Русский край — чужая вера» о временах правления Александра II [6]. Он же в соавторстве с Дариусом Сталюнасом опубликовал монографию о неизвестной ранее попытке российских церковных властей создания под протекторатом Российской империи католическо-православной унии (обратная уния) [7]. Эти новаторские

с точки зрения источников и интерпретации труды достойны внимания и одобрения. Вместе с тем методологически и концептуально к вышеназванным трудам примыкает, хотя и опубликованная десятилетием ранее, монография Л.Е. Горизонтова «Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.)», отразившая сложные и противоречивые пути развития двух народов в условиях вынужденного сосуществования Царства Польского и России в рамках империи Романовых, когда поляки обречены были испытать аккультуризацию и ассимиляцию, вмешательство разного рода властей в жизнь смешанных семей, принудительное обращение в католицизм или православие и так далее [3].

Говоря о новейшей российской историографии, помимо школы «*Historia Rossica*», хотелось бы выделить двухтомную историю России XX в. под редакцией А.Б. Зубова [10]. Независимо от вопросов интерпретации, это первый подобного рода обширный коллективный труд, представляющий новую версию исторических событий в России в XX в., далекую от советской традиции, по крайней мере, в главном направлении повествования. Поиски новых подходов можно только приветствовать, однако огорчает, что вместо научной критики советской историографии на страницах данного труда присутствует только ее огульное отрицание даже в таких фундаментальных вопросах, как причины и характер Российской революции 1917 г., экономическая, социальная и культурная политика СССР 1920–1930-х годов и ряд других.

Характерной чертой новых российских работ в области исторической науки является расширение пространственных горизонтов исторических исследований, развитие сравнительно-исторических исследований регионального характера. Применительно к региону Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы основополагающий вклад в этой области был внесен школой Т.М. Исламова и В.И. Фрейдзона, а также их учениками и последователями, к числу которых принадлежит и уже упомянутый А.И. Миллер. Широкое применение методов сравнительно-исторических исследований в равной мере характерно и для историков Литвы и Украины. Однако сравнительно-историческая методика российских исследователей отнюдь не ограничивается региональными рамками, а выходит на общеевропейский уровень и даже на уровень всемирной истории, примером чего может послужить новейший фундаментальный труд под редакцией А.О. Чубарьяна [2]. В польской историографии ученым, который постоянно подчеркивал обязательность использования исторической компаративистики, знания многих иностранных языков, даже если мы занимаемся историей собственной страны, был профессор Антони Мончак, а его школа сравнительно-исторических исследований может послужить примером не только для польской историографии.

Одной из особенностей современной российской историографии стало подчеркнутые стремления ряда авторов отказаться от построения концепций или провозглашения интерпретаций, сосредоточившись на изысканиях в области сугубо конкретной истории, уточнения фактов и деталей исторического процесса. Примерами могли бы послужить многие исследования, среди них библиографические справочники, посвященные высшему чиновничеству России в XIX столетии, составленные Денисом Шиловым и Ю.А. Кузьминым [17–18].

Белоруссия

Новейшая белорусская историография с точки зрения иностранного исследователя как в силу внутренних, так и внешних причин выглядит, если не как *terra incognita*, то как относительно закрытая область. С одной стороны, многие

белорусские историки по политическим причинам, опасаясь административного давления и даже преследования, избегают контактов и обмена мнениями с зарубежными коллегами. С другой стороны, эти же причины тормозят внутреннее развитие белорусской исторической науки, разработку новых исследовательских тем, появление новых концепций и интерпретаций. Сообщество белорусских историков, по моему мнению, слишком консервативно в смысле привязанности к прежней советской исторической традиции. Оно внутренне не приемлет новых форм исследований, ломающих старые схемы мышления и понимания исторических событий. Поэтому в Белоруссии до сих пор остаются канонизированными советские концепции Великой Отечественной войны и Победы во Второй мировой войне над гитлеровской Германией, освобождения братских народов от гитлеровского ярма и т.д. Если все же, не дай бог, кто-то захочет написать о советизации Западной Белоруссии во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов, то он должен быть готов к обвинениям в очернении советской власти и в непонимании процессов «исторической справедливости», а также вопроса освобождения белорусов от «панской буржуазной Польши». Приведенный пример умозрительен и поэтому, разумеется, не корректен. Однако он достаточно показателен, поскольку каждая из сторон спора об оценке советского прошлого огульно, без анализа результатов исторических исследований друг друга, вместо научной критики отвергает их по политическим соображениям. При этом не воспринимаются не только выводы, но и конкретный материал исторических источников.

Вместе с тем политика «многовекторности», проводимая до недавнего времени белорусскими властями, расширила возможности научного обмена Белоруссии с Западом, прежде всего с Польшей. Это позитивно сказалось на развитии белорусской историографии за пределами канонизированной властями тематики. Применительно к истории белорусских земель XVIII–XIX вв. молодые белорусские историки обратились к проблемам истории белорусских духовных (церковных) и светских элит, выразивших, по их мнению, не только полонистическую тенденцию или же тенденцию «западного русизма», отражавшую насаждение в Белоруссии официальной идеологии Российской империи, но и подленно национальную линию становления белорусской нации. В этом же ключе некоторые белорусские историки подходят к анализу и польских национальных восстаний на белорусских землях (от Тадеуша Костюшко до Январского восстания 1863 г.).

Отмеченная тенденция в белорусской историографии дает основание надеяться, что навязанная в стране внешними силами политизация исторической науки будет постепенно преодолена, а вместе с тем и относительная изоляция белорусских историков, которая провоцируется не только внутри Белоруссии, но и извне. Об этом свидетельствуют и значительные достижения белорусской исторической науки. Примером могут послужить исследования Геннадия Сагановича [14] и Александра Смоленчука [15]. Мы ожидаем новых трудов Яна Шумского, Андрея Тихомирова и других авторов, которые, я надеюсь, избегнут соблазнов постмодернизма и сохраняют верность традиционной исторической науке и сформированной многовековой научной традиции методологии и методики исторического исследования.

* * *

Современная эпоха, к которой уже примеряют ярлык «пост-постмодернизма», чревата далеко идущими последствиями не только в отношении исторических исследований, но и в сфере преподавания истории. Некоторые процессы,

на мой взгляд, уже не остановить. Модернизация исследований влечет необходимость модернизации и преподавания истории. Обходя методологические вопросы, ни один преподаватель уже не может обучать истории в «классическом» стиле, обращаясь исключительно к истории политической и социальной. В результате изменений в подходе к историческим исследованиям мы все чаще обращаемся к явлениям в сфере обычаев, деления по религиозной принадлежности, неформальным и формальным социальным группам (например, преступники, молодежные субкультуры), истории идей и воображения — иконографии. Новое поколение особенно восприимчиво не только к словам, но и возможно, прежде всего, к образам. Оно смотрит клипы, фильмы, читает комиксы и погружено в Интернет. Поэтому сегодня в историческом повествовании важен не только и не столько выбор тем и проблем, признанных важными, но, прежде всего, способ их презентации, и в этой связи — отход от традиционных лекций в пользу повествований, обогащенных обращением к современным явлениям, повествований визуализированных и с учетом индивидуальных особенностей реципиентов.

Современная эпоха и присущий образный характер мышления, характерный для массового сознания, нуждаются в углубленном изучении истории материальной и духовной культуры. Необходимо писать истории не только людей, но также предметов и явлений, например, историю обуви, историю перчаток и т. п., не только как историю технологии и производства, но и как историю культуры, хотя, надо оговориться, что и в этом случае предметом и объектом исследования все равно останутся люди. То же самое можно сказать и об истории идей и политических учений. Скорее всего, еще более глубокие исследования смогут коснуться интимной жизни людей, истории женщин, детства и внутренней жизни отдельных личностей и общественных групп (как формальных, так и неформальных в культурном значении).

Уже сегодня виден своеобразный синкретизм в исторических науках: отсылка к методологии социологии, политологии и этнологии, а также связанные с этим исторические исследования, опирающиеся на предпосылки, которые используются в вышеупомянутых науках. Остался один вопрос: какими методами в рамках обязывающих учебных программ будет возможно популяризировать такие темы? Полагаю, что, несмотря на дискуссионность и неоднозначную трактовку поставленных проблем революционные преобразования в преподавании и в тематике исследований вполне назрели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апанович О.* Гетьмани України і кошові отамани Запорозької Січі. Київ: Либідь, 1993. 288 с.
2. Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2011. Т. 1. Древний мир / отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. 822 с. М.: Наука, 2012. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П.Ю. Уваров. 894 с. М.: Наука, 2013. Т. 3. Мир в раннее Новое время / отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим. 854 с. М.: Наука 2013. Т. 4. Мир в XVIII веке. 786 с. М.: Наука, 2014. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов. 940 с. М.: Наука, 2017. Т. 6. Кн. 1. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций / отв. ред. А.О. Чубарьян. 690 с. М.: Наука 2018. Т. 6. Кн. 2. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций / отв. ред. А.О. Чубарьян. 642 с.
3. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.
4. *Гудь Б.В.* Загибель Аркадії. Етносоціальні аспекти українсько-польських конфліктів XIX—першої половини XX століття. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2006. 447 с.

5. *Гудь Б.В.* Комсомол Украины активный помощник партии в мобилизации молодежи на выполнение продовольственной программы СССР в годы XI пятилетки. Дисс. канд. ист. наук. Львов, 1987. 232 с.
6. *Долбилов М.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
7. *Долбилов М., Сталюнас Д.* Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи 1840–1873. Вильнюс: LII leidykla, 2010. 274 с.
8. *Зашкільняк Л., Крикун М.* Історія Польщі: від найдавніших часів до наших днів. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2002. 752 с.
9. *Imperium inter pages: роль трансферов в истории Российской Империи (1700–1917) / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер.* М.: Новое литературное обозрение, 2010. 389 с.
10. *История России. XX век / под ред. А.Б. Зубова.* М.: АСТ, 2009. Т. 1. 1894–1939. 1024 с.; Т. 2. 1939–2007. 848 с.
11. *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 270 с.
12. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 316 с.
13. *Романов С.А.* История русской водки. М.: Вече, 1998. 445 с.
14. *Сагановіч Г.* Грунвальд у беларускай гісторыі. Спраба разбору палітычнага міфа. Мінск: Медысонт, 2015. 416 с.
15. *Смалянчук А.* Раман Скірмунт 1868–1939. Жыццяпіс грамадзяніна краю. Мінск: Выдавец Зміцер Колас, 2018. 692 с.
16. *Чухліб Т.* Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи: (1663–1713). Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2004. 288 с.
17. *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 936 с.
18. *Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А.* Члены Государственного Совета Российской Империи. 1801–1906: биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 992 с.
19. *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України, Київ: Критика, 2009. 584 с.
20. *Яковенко Н.* Паралельний світ: дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ: Критика, 2002. 416 с.
21. *Яковенко Н.* Українська шляхта: з кінця XIV – до середини XVII століття: Волинь і Центральна Україна. Київ: Критика, 2008. 472 с.
22. *Aleksandravičius E., Kulakauskas A.* Pod władzą carów: Litwa w XIX wieku. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2003. 444 s.
23. *Bairašauskaitė T.* Lietuvos totoriai XIX amžiuje. Vilnius: Mintis, 1996. 331 p.
24. *Bataille G.* Historia erotyzmu. Warszawa: Aletheia, 2008. 251 s.
25. *Foucault M.* Historia seksualności. Gdańsk: Słowo / obraz teritoria, 2010. 488 s.
26. *Fukuyama F.* Koniec historii. Kraków: Znak, 2009. 320 s.
27. *Fukuyama F.* The end of history and the last man. New York: Free Press, 1992. 418 p.
28. *Нрыцак J.* Historia Ukrainy: 1772–1999: narodziny nowoczesnego narodu. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000. 359 s.
29. *Нрыцак J.* Nowa Ukraina: nowe interpretacje. Wrocław: Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego, 2009. 284 s.
30. *Нрыцак J.* Prorok we własnym kraju: Iwan Franko i jego Ukraina (1856–1886). Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2010. 528 s.
31. *Handelsman M.* Historyka. Zasady metodologii i teorii poznania historycznego. Warszawa: Neriton, 2010. Reprint wydania 1928 r. 362 s.
32. *Jakowenko N.* Historia Ukrainy od czasów najdawniejszych do końca XVIII w. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000. 394 s.
33. *Jurandot J.* Dzieje śmiechu. Warszawa: Iskry, 1965. 194 s.
34. *Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A.* History of Lithuania before 1795. Vilnius: Lithuanian Institute of History, 2000. 402 p.
35. *Kiaupa Z.* The history of Lithuania. Vilnius: Baltos lankos, 2002. 448 p.
36. *Miknys R.* Kształtowanie się nowoczesnego społeczeństwa na Litwie w pierwszej połowie XX wieku. Poznań: Instytut Historii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2007. 34 p.

37. Pleskot P. *Intelektualni sąsiedzi: kontakty historyków polskich ze środowiskiem «Annales» 1945–1989*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2010. 850 s.
38. Popper K. *Logik der Forschung*. Wien: Springer-Verlag, 1935. 248 s.
39. Popper K. *Open Society and its Enemies*. London: George Routledge & Sons, Ltd, 1945. Vol. I. The Spell of Plato. VIII + 268 p. Vol. II. The High Tide of Prophecy: Hegel and Marx. VI + 352 p.
40. Popper K. *Spółeczeństwo otwarte i jego wrogowie*. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1987. T. 1. Urok Platona. 314 s; T. 2. Hegel, Marks i następstwa. 354 s.
41. Popper K. *The Poverty of Historicism*. London: Routledge and Kegan Paul, 1957. 166 p.
42. Riabczuk M. *Dwie Ukrainy*. Wrocław: KEW, 2004. 202 s.
43. Riabczuk M. *Od Małorosji do Ukrainy*. Kraków: Universitas, 2002. 207 s.
44. Riabczuk M. *Ogród Metternicha*. Wrocław: Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego, 2010. 139 s.
45. Sikorska-Kulesza J. *Zła tolerowane: prostytutcja w Królestwie Polskim w XIX wieku*. Warszawa: Mada, 2004. 392 s.
46. Staliūnas D. *Making Russians. Meaning and practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2007. 466 p.
47. Tazbir J. *Protokoły mędrców Syjonu. Autentyk czy falsyfikat*. Warszawa: Iskry, 2004. 295 s.
48. Trevelyan G.M. *Historia społeczna Anglii*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1961. 636 s.
49. Weber M. *Etyka protestancka a duch kapitalizmu*. Lublin: Test, 1994. 199 s.
50. Zasz'towt L. *Europa Środkowo-Wschodnia a Rosja XIX–XX w. W kręgu edukacji i polityki*. Warszawa: Studium Europy Wschodniej, 2007. VII + 561 s.

REFERENCES

- Aleksandravičius E., Kulakauskas A. *Pod władzą carów: Litwa w XIX wieku*. Kraków, Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas Publ., 2003, 444 p. (In Pol.)
- Apanovych O. *Heťmany Ukrainy i koshovi otamany Zaporoz'koï Sichî*. Kyïv, Lybid' Publ., 1993, 288 p. (In Ukr.)
- Bairišauskaitė T. *Lietuvos totoriai XIX amžiuje*. Vilnius, Mintis Publ., 1996, 331 p. (In Lithuan.)
- Bataille G. *Historia erotyzmu*. Warszawa, Aletheia Publ., 2008, 251 p. (In Polish)
- Chukhlib T. *Heťmany Pravoberezhnoï Ukrainy v istorii Tsentral'no-Skhidnoï Evropy: (1663–1713)*. Kyïv, Vydavnychiy dim «Kyievo-Mohylians'ka akademiia» Publ., 2004, 288 p. (In Ukr.)
- Dolbilov M. *Russkii kraj, chuzhaia vera: etnokontsional'naia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije Publ., 2010, 1000 p. (In Russ.)
- Dolbilov M., Staliunas D. *Obratnaia unia: iz istorii otnoshenii mezhdú katolitsizmom i pravoslaviem v Rossiiskoi imperii 1840–1873*. Vil'nius, LII leidykla Publ., 2010, 274 p. (In Russ.)
- Foucault M. *Historia seksualności*. Gdańsk: Słowo / obraz teritoria Publ., 2010, 488 p. (In Pol.)
- Fukuyama F. *Koniec historii*. Kraków, Znak Publ., 2009, 320 p. (In Pol.)
- Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York, Free Press, 1992, 418 p.
- Horizontov L. Je. *Paradoksy imperskoj politiki: poliaki v Rossii i russkije v Pol'she (XIX – nachalo XX v.)*. Moscow Indrik Publ., 1999, 272 p.
- Gricak J. *Historia Ukrainy: 1772–1999: narodzyny nowoczesnego narodu*. Lublin, Instytut Europy Środkowo-Wschodniej Publ., 2000, 359 p. (In Pol.)
- Gricak J. *Nowa Ukraina: nowe interpretacje*. Wrocław, Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego Publ., 2009, 284 p. (In Pol.)
- Gricak J. *Prorok we własnym kraju: Iwan Franko i jego Ukraina (1856–1886)*. Warszawa, Wydawnictwo Krytyki Politycznej Publ., 2010, 528 p. (In Pol.)
- Gud' B.V. *Komsomol Ukrainy aktivnyi pomoshchnik partii v mobilizatsii molodezhi na vypolnenije prodo vol'stvennoi programmy SSSR v gody XI piatiletki*. Diss. kand. ist. nauk. L'vov, 1987, 232 p. (In Russ.)
- Handelsman M. *Historyka. Zasady metodologii i teorii poznania historycznego*. Warszawa, Neriton Publ., 2010. Reprint 1928, 362 p. (In Pol.)
- Hud' B.V. *Zahybel' Arkadii. Etimosial'ni aspekty ukrains'ko-pol's'kykh konfliktiv XIX – pershoï polovyny XX stolittia*. L'viv, Instytut ukraiноznavstva im. I. Kryp'iakevycha NAN Ukrainy Publ., 2006, 447 p. (In Ukr.)
- Iakovenko N. *Narys istorii seredn'ovichnoï ta rann'omodernoï Ukrainy*, Kyïv, Krytyka Publ., 2009, 584 p. (In Ukr.)

- Iakovenko N. *Paralel'nyi svit: doslidzhennia z istorii uiaвлен' ta idei v Ukraïni XVI–XVII st.* Kyïv, Krytyka Publ., 2002, 416 p. (In Ukr.)
- Iakovenko N. *Ukraïns'ka shliakhta: z kintsia XIV – do seredyny XVII stolittia: Volyn' i Tsentral'na Ukraïna.* Kyïv, Krytyka Publ., 2008, 472 p. (In Ukr.)
- Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoi Imperii (1700–1917)* / ed. M. Aust, R. Vul'pius, A. Miller. M., Novoje literaturnoje obozrenije Publ., 2010, 389 p. (In Russ.)
- Istoriia Rossii. XX vek* / ed. A.B. Zubov. M., AST, Publ., 2009. T. 1. 1894–1939. 1024 s.; T. 2. 1939–2007, 848 p. (In Russ.)
- Jakowenko N. *Historia Ukrainy od czasów najdawniejszych do końca XVIII w.* Lublin, Instytut Europy Środkowo-Wschodniej Publ., 2000, 394 p. (In Po.)
- Jurandot J. *Dzieje śmiechu.* Warszawa, Iskry Publ., 1965, 194 p. (In Pol.)
- Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A. *History of Lithuania before 1795.* Vilnius, Lithuanian Institute of History Publ., 2000, 402 p.
- Kiaupa Z. *The history of Lithuania.* Vilnius, Baltos lankos Publ., 2002, 448 p.
- Miknys R. *Kształtowanie się nowoczesnego społeczeństwa na Litwie w pierwszej połowie XX wieku.* Poznań, Instytut Historii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza Publ., 2007, 34 p. (In Pol.)
- Miller A.I. «*Ukraïnskii vopros*» v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraia polovina XIX v.). St-Petersburg, Aleteiia Publ., 2000, 270 p. (In Russ.)
- Miller A.I. *Imperiiia Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia.* Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije Publ., 2006, 316 p. (In Russ.)
- Pleskot P. *Intelektualni sąsiedzi: kontakty historyków polskich ze środowiskiem «Annales» 1945–1989.* Warszawa, Instytut Pamięci Narodowej Publ., 2010, 850 p. (In Pol.)
- Popper K. *Logik der Forschung.* Wien, Springer-Verlag Publ., 1935, 248 p. (In German.)
- Popper K. *Open Society and its Enemies.* London, George Routledge & Sons, Ltd, 1945, vol. I. The Spell of Plato, VIII + 268 p.; vol. II. The High Tide of Prophecy: Hegel and Marx, VI + 352 p.
- Popper K. *Społeczństwo otwarte i jego wrogowie.* Warszawa, Niezależna Oficyna Wydawnicza Publ., 1987, vol. 1. Urok Platona, 314 p; vol. 2. Hegel, Marks i następstwa, 354 p. (In Pol.)
- Popper K. *The Poverty of Historicism.* London, Routledge and Kegan Paul, 1957, 166 p.
- Riabczuk M. *Dwie Ukrainy.* Wrocław: KEW Publ., 2004, 202 p. (In Pol.)
- Riabczuk M. *Od Małorosji do Ukrainy.* Kraków, Universitas Publ., 2002, 207 p. (In Pol.)
- Riabczuk M. *Ogród Metternicha.* Wrocław, Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego Publ., 2010, 139 p. (In Pol.)
- Romanov S.A. *Istoriia russkoi vodki.* Moscow, Veche Publ., 1998, 445 p. (In Russ.)
- Sahanovich H. *Hrunval'd u belaruskai historyi. Sproba razboru palitychnaha mifa.* Minsk, Medysont Publ., 2015, 416 p. (In Belarus.)
- Shilov D.N. *Gosudarstvennyje deiateli Rossiiskoi imperii: Glavy vysshikh i tsentral'nykh uchrezhdenii. 1802–1917: biobibliograficheskii spravochnik.* St-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, 936 p. (In Russ.)
- Shilov D.N., Kuz'min Iu.A. *Chleny Gosudarstvennogo Soveta Rossiiskoi Imperii. 1801–1906: biobibliograficheskii spravochnik.* St-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2007, 992 p.
- Sikorska-Kulesza J. *Zło tolerowane: prostytutka w Królestwie Polskim w XIX wieku.* Warszawa, Mada Publ., 2004, 392 p. (In Russ.)
- Smalianchuk A. *Raman Skirmunt 1868–1939. Zhytciapis hramadzianina kraiu.* Minsk, Vydavets Zmitser Kolas Publ., 2018, 692 p. (In Belarus.)
- Staliūnas D. *Making Russians. Meaning and practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863.* Amsterdam; New York, Rodopi, 2007, 466 p.
- Tazbir J. *Protokoły mędrców Syjonu. Autentyk czy falsyfikat.* Warszawa, Iskry Publ., 2004, 295 p. (In Pol.)
- Trevelyan G.M. *Historia społeczna Anglii.* Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy Publ., 1961, 636 p. (In Pol.)
- Vsemirnaia istoriia: v 6 t.* / ed. A.O. Chubar'ian, vol. 1. Drevnii mir / ed. V.A. Golovina, V.I. Ukolova, Moscow: Nauka Publ., 2011, 822 p.; vol. 2. Srednevekovye tsivilizatsii Zapada i Vostoka / ed. P. Iu. Uvarov, Moscow, Nauka Publ., 2012, 894 p.; vol. 3. Mir v ranneje Novoje vremia / ed. V.A. Vediushkin, M.A. Iusim, Moscow, Nauka Publ., 2013, 854 p.; vol. 4. Mir v XVIII veke, Moscow: Nauka Publ., 2013, 786 p.; vol. 5. Mir v XIX veke: na puti k industrial'noi tsivilizatsii / ed. V.S. Mirzekhanov, Moscow, Nauka Publ., 2014, 940 p.; vol. 6, book 1. Mir v XX veke: epokha global'nykh transformatsii / ed. A.O. Chubar'ian, Moscow: Nauka Publ., 2017, 690 p.; vol. 6, book 2. Mir v XX veke: epokha global'nykh transformatsii / ed. A.O. Chubar'ian, Moscow, Nauka Publ., 2018, 642 p. (In Russ.)
- Weber M. *Etyka protestancka a duch kapitalizmu.* Lublin, Test Publ., 1994, 199 p. (In Pol.)

Zashkil'niak L., Krykun M. *Istoriia Pol'shchi: vid naǐdavnišnykh chasiv do nashykh dniv*. L'viv, L'vivs'kyĭ natsional'nyi universytet imeni Ivana Franka Publ., 2002, 752 p. (In Ukr.)

Zasztowt L. *Europa Środkowo-Wschodnia a Rosja XIX–XX w. W kregu edukacji i polityki*. Warszawa, Studium Europy Wschodniej Publ., 2007, VII + 561 p. (In Pol.)

Информация об авторе

Заштовт Лешек,
Профессор, доктор истории,
Центр восточноевропейских исследований
Варшавского университета,
Институт истории науки
Польской академии наук,
г. Варшава, Польша
ORCID: 0000-0001-7062-3180
E-mail: zasztowtles@poczta.onet.pl

Information about the author

Zasztowt Leszek,
Professor Dr. habil. Center for East European
Studies, University of Warsaw & Institute
for the History of Sciences,
Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
ORCID: 0000-0001-7062-3180
E-mail: zasztowtles@poczta.onet.pl

Славяноведение, 2022, № 3, с. 108–120

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 3, pp. 108–120

DOI: 10.31857/S0869544X0019979-9

Оригинальная статья / Original Article

Ежи Стемповский и экзистенциально-эсхатологическая интерпретация комедии А. Фредро «Пан Иовяльский»

© 2022 г. Л.А. Мальцев

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
(Калининград, Российская Федерация)

lamaltsev23@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ философско-эстетической проблематики эссе Ежи Стемповского «Пан Иовяльский и его наследники» в культурно-историческом контексте межвоенного двадцатилетия. Определяется место изучаемого эссе в творчестве Стемповского, выявляются его проблемно-тематические связи с другими образцами эссеистики писателя, интегральной метаидеей которой является идея постижения мира посредством библиотеки. Продемонстрирован механизм «неверного прочтения» комедии Фредро «Пан Иовяльский», состоящий в проведении далеких аналогий между Иовяльским, различными образами из литературной классики (главными героями романа Гюисманса «Наоборот» и драмы Шекспира «Буря») и историческими деятелями (древнеримским императором Калигулой). Последняя аналогия позволяет обнаружить точки сближения изучаемого эссе Стемповского с написанной позднее драмой Камю «Калигула». Делается вывод, что Стемповский интерпретирует комедию Фредро «Пан Иовяльский» как экзистенциально-эсхатологическую драму абсурда, что, конечно, расходилось с авторским замыслом.

Ключевые слова: польская литература, межвоенное двадцатилетие, комедия, эссеистика, «неверное прочтение», катастрофизм, абсурд.

Ссылка для цитирования: *Мальцев Л.А.* Ежи Стемповский и экзистенциально-эсхатологическая интерпретация комедии А. Фредро «Пан Иовяльский» // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 108–120. DOI: 10.31857/S0869544X0019979-9

Jerzy Stempowski and Existential-Eschatological Interpretation of Alexander Fredro's Comedy «Mr Jowialski»

© 2022. Leonid A. Maltsev

Immanuel Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russian Federation)

Abstract. The article analyzes the philosophical and aesthetic problems of Jerzy Stempowski's essay «Mr Jowialski and His Heirs» in the cultural and historical context of the Interwar period. The author defines the place of the considered essay in Stempowski's works. The article also reveals that there are important issue-based connections with other samples of the writer's essayism, the conceptual idea of which is the comprehension of existence through the library. The author explains the mechanism of «misreading» in Fredro's comedy «Mr Jowialski», which involves making distant analogies between Mr Jowialski, various images from literary classics (the heroes from the novel «A rebours» by Huysmans and Shakespeare's drama «The Tempest») and historical figures (emperor Caligula). The latter analogy reveals common ground between Stempowski's essay and Camus's later drama «Caligula». It is concluded that Stempowski interprets Fredro's comedy «Mr Jowialski» as an existential-eschatological drama of the absurd, which, of course, differed from the author's intention of writing a comedy.

Keywords: Polish literature, Interwar period, comedy, essay, misreading, catastrophism, absurd.

Reference for citation: Maltsev Leonid A. Jerzy Stempowski and Existential-Eschatological Interpretation of Alexander Fredro's Comedy «Mr Jowialski» // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Savyanovedenie. 2022. No. 3. P. 108–120. DOI: 10.31857/S0869544X0019979-9

Ежи Стемповский (1893–1969) – признанный мастер эссеистики, сочинения которого почти не переводились на русский¹ и не изучались в России. Несмотря на то что первой публикацией писателя был цикл эссе «Пилигрим» (1924), творческой точкой отсчета Стемповский считал 1929 г., когда, разочаровавшись в административной карьере (с 1919 г. работал в министерстве иностранных дел, с 1926 – в аппарате правительства Польши), он написал эссе «Пан Иовяльский и его наследники. Слово о перспективах шляхетского смеха» («*Pan Jowialski i jego spadkobiercy. Rzecz o perspektywach śmiechu szlacheckiego*», год публикации – 1931). Обращение к комедии «польского Мольера» – классика национальной драматургии Александра Фредро (1793–1876) выглядит довольно неожиданным, учитывая пессимизм Стемповского – его убежденность в недолговечности государственной архитектуры второй Речи Посполитой. Однако погружение вглубь прошлого и постижение природы «шляхетского юмора» перекликается с логикой литературного процесса межвоенного двадцатилетия, которую К. Выка определил в модальном двуединстве «трагизма» и «насмешки» над действительностью. Как вспоминал критик, «когда экономисты говорили о регистрации валют, о девальвации и автаркии, а политики размышляли над восстановлением общей безопасности посредством системы региональных договоров [...], были поэты, которые писали простую и наивную “Сказку о войне” (Е. Загурский)» [19. S. 274]². Катастрофизм как литературно-философское течение не был чужд Стемповскому, судя по его эссе об Иовяльском – старомодном и одновременно эксцентричном помещике, не терявшем чувства юмора в непредсказуемых ситуациях. Перечитывая шедевр вековой давности, Стемповский выносит приговор нестабильному укладу межвоенной Польши. Синхронно с публикацией работы о комедии Фредро он пишет эссе «Поляки в романах Достоевского», в контексте которого критическое отношение

¹ См. статьи «Поляки в романах Достоевского» и «Библиотека контрабандистов» в переводе Натальи Горбаневской [7].

² Перевод с польского здесь и далее мой.

эссеиста к идейным основам «польскости» не лишено провокативного подтекста (см. об этом [3]).

В комедию Фредро, ставшую предметом ожесточенной полемики критиков и названную Тадеушем Боем-Желеньским «сфинксом нашей литературы» (цит. по [12. S. 158]), Стемповский вкладывает смысл, с одной стороны, философически более глубокий, а с другой – более приближенный к «проклятым» вопросам XX в., чем буквальное содержание комедии «Пан Иовяльский». Последующие эссе Стемповского – «Поляки в романах Достоевского» («*Polacy w powieściach Dostojewskiego*», 1931), «Химера как рабочая лошадка» («*Chimera jako zwierzę pociągowe*», 1933), «Пограничные точки искусства у натуралистов» («*Pograniczne punkty sztuki u naturalistów*», 1937) свидетельствуют, что это отнюдь не эксклюзивный подход к комедии Фредро, но апробация особого интерпретационного метода, выражаемого принципом «прочитать немного больше того, чем написал автор»³. По Стемповскому, читатель не обязан рабски следовать за автором. По его мнению, читатель имеет право на далекие отступления, позволяющие провести неочевидные аналогии между осмысливаемым текстом и разными фактами мировой литературы, философии и науки, тем самым заново «открывая» хрестоматийный текст современникам. Эссеистический метод Стемповского предвосхищает теорию «перечитывания» («неверного прочтения») Харольда Блума, утверждавшего: «Чтение [...] – это запоздалое и почти невозможное действие, и когда оно сильное, оно почти всегда неверное» [1. С. 137]; «Отношение-влияние управляет процессом чтения так же, как оно управляет процессом писания, и поэтому чтение – это переписывание, а писание – перечитывание» [1. С. 137]. Следовательно, Стемповский как читатель Фредро выступает как бы его соавтором, «переписывающим» комедию. Вероятно, эссеист не лишен ощущения тайного двойничества по отношению к автору «Пана Иовяльского», о чем косвенно свидетельствует биографическое стечение обстоятельств – столетняя разница между датами рождения Фредро и Стемповского – соответственно 1793 и 1893 гг.

Читая комедию Фредро, Стемповский исходит из традиционного представления: усадьба Иовяльского – это своего рода замкнутый мир, в котором, по воле помещика, абсолютным законом является власть смеха, и этому принципу сознательно или невольно подчиняются все без исключения персонажи – от Януша и Камергерши до гостей усадьбы Виктора и Людмира. По мнению Стемповского, нарушение баланса между серьезным и смешным в пользу последнего является проявлением эксцентричности характера главного героя. Эссеист замечает, что комедия Фредро, в которой серьезное неизбежно трансформируется в смешное, контрастирует с трагическим фоном эпохи: «Чтобы оценить интенсивность развлекательной концепции мира, содержащейся в “Пане Иовяльском”, следует [...] принять во внимание, что пьеса [...] была написана буквально на следующий день после ноябрьского восстания или даже в последние месяцы его агонии»⁴. Примечательно и то, что «веселой» комедией Фредро Стемповский был занят тоже в трагический момент истории – в год биржевого краха, положившего начало Великой депрессии. Четыре года спустя, в статье «Химера как рабочая лошадка», посвященной экспериментам футуристов и сюрреалистов, Стемповский так комментирует это судьбоносное событие: «Труба архангела, прозвучавшая на Уолл-Стрит осенью 1929 года, была одновременно

³ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. Gdańsk, 2005. S. 214.*

⁴ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 221.*

поворотным сигналом [...] для литературных течений, тенденций и интенций»⁵. Этот социально-исторический фон творческой активизации эссеиста свидетельствует о том, что смех Александра Фредро и его пана Иовяльского как «всепобеждающий образ жизни»⁶ вступает в оксюморонные отношения с катастрофическо-эсхатологическим мировидением Стемповского. Выходя за рамки комедийного канона, которому следовал Фредро, оговаривавший, устами своего героя Людмира, что «прошло время мольтеровой комедии» [8. С. 228], Стемповский своим эссеистическим произволом ставит Иовяльского в ситуацию экзистенциальной предельности: «Классическая комедия позволяет представить в ней только свадебные торжества, зато запрещает изображение смерти. Поэтому мы почти ничего не знаем о последних минутах пана Иовяльского»⁷. Согласно Стемповскому, в глубинном подтексте комедии скрыто трагическое мироощущение, причем сквозь потенциальную личную трагедию героя просматриваются признаки вселенского конца: «Весело смеющийся пан Иовяльский, в своем шлафроке, с шепотью табака в пальцах, останавливается в одном шаге от того, что теологи называют *ta eschata*, последние вопросы, последние из последних, вместе с которыми кончаются дела и мысли человеческие и после которых ничего больше нет»⁸. В видении Стемповского экзистенциальная и эсхатологическая трагедийность имеет черты абсурдистские, поскольку комедия «Пан Иовяльский» есть «проявление бессилия смеющегося по отношению к не проницаемому для разума и лишенному смысла миру», «бессилия шляхетского сословия в мире неблагодарном и непостижимом»⁹.

Свою роль Стемповский видит противоположной тому, как им воспринимается миссия Фредро, названного «искушенным алхимиком, умеющим претворять смерть во флашки»¹⁰. Позиция Стемповского основывается, наоборот, на разрушении стереотипного восприятия «Пана Иовяльского» как веселой комедии. Критик показывает, что мнимо безмятежный смех Иовяльского оказывается на деле черным юмором, как, например, в басне о палаче и осужденном, приводимой в качестве иллюстрации трагического мировосприятия комедиографа.

Иовяльский в таком толковании представляется маской не только автора комедии, но и самого Стемповского, которого А.С. Ковальчик называет «катастрофистом», «апокалиптическим фланером, снимающим мерку с вещей и меряющим ею мир и дела смертных» [11. С. 172], «шестовской фигурой, провозглашающей апофеоз беспочвенности» [11. С. 203]. Стемповский констатирует: «Казалось бы, невинный факт, что пан Иовяльский смеется и обладает умением смеяться надо всем, ведет его все дальше и дальше к ситуации, все менее напоминающей мирный пейзаж Иовялувки и все более одинокой и пустынной»¹¹. Здесь прослеживается уже влияние на Стемповского не только Шестова, но и Ницше. Имена обоих философов отсутствуют в обширном указателе имен к этому эссе Стемповского, но не случайно и то, что и на Ницше, и на Шестова автор ссылается в написанном двумя годами позже эссе о Достоевском. Стемповский переосмысливает комедию Фредро, следуя

⁵ Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 356.

⁶ Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 217.

⁷ Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 232.

⁸ Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 253.

⁹ Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 275.

¹⁰ Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 219.

¹¹ Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 251.

духу афоризма Заратустры: «Кто поднимается на высочайшие горы, тот смеется над всякой трагедией сцены и жизни» [6. С. 29]. В эссе о пане Иовяльском подвергается интертекстуальной трансформации ницшевский мотив «смерти Бога», переименованный в мотив смерти смеха. Стемповский здесь ссылается на стихотворение Маяковского «Чудовищные похороны» (1915): «Что будет, если исполнится юношеское пророчество Маяковского, если смех умрет и будет похоронен»¹². Вероятно, аналогия комедии Фредро и стихотворения Маяковского возникла как следствие интертекстуальной переключки портретной характеристики Иовяльского в передаче Людмира («каждая его морщинка говорит, что рождена смехом» [8. С. 289]) и гротескной маски ужаса в стихотворении Маяковского («Размокло лицо, стало – кашица / смятая морщинками на вымуренном лбу» [4. С. 98]). Стемповский полагает, что, в отличие от стихотворения Маяковского, в комедии «Пан Иовяльский» диагностируется не смерть смеха как универсальный феномен, а «умирание шляхетского смеха»¹³ как партикулярное явление, имеющее локально-историческую обусловленность.

Категории Бога и смеха, по Стемповскому, казалось бы, логически исключают друг друга: «Не смеется бог, создающий мир. Смеясь – он смеялся бы над самим собой»¹⁴. Однако в специфике соотношения между двумя оговариваемыми категориями сказывается разница двух традиций – Иерусалима и Афин. Вышеприведенный тезис Стемповского имеет отношение к библейской традиции, для которой серьезность Бога в деле творения мира представляется само собой разумеющейся. В античной традиции эта проблема решается обратным образом, что демонстрируется в стихотворении Мережковского «Смех богов» (1889), не цитируемом Стемповским, но имеющем к проблематике его эссе прямое отношение. Смех, по Мережковскому, – божественная привилегия, тогда как уделом человека, даже такого исключительного, как Одиссей, является переживание посланных на его долю драматических и трагических испытаний: «В Провиденье веры полный, / Ты не видишь, Одиссей, / Как смеются эти волны / Над молитвою твоей» [5. С. 542]. Поведение пана Иовяльского, равнодушно воспринимающего радости и горести других героев пьесы, подобно смеху богов у Мережковского. Иовяльский тождествен Зевсу-Юпитеру, что недвусмысленно дает понять читателю Стемповский, иронически называя героя «Юпитером-Иовяльским герба Пустые Молнии»¹⁵. Мифологический «орел» образа Иовяльского обеспечивается этимологическим ключом к его фамилии: *Iovis* (лат.) и соответственно *Jowisz* (польск.) – Юпитер. В свою очередь, веселый нрав главного бога римлян определил семантику производного прилагательного в современных европейских языках: например, *joviale* (ит.), *jovial* (фр.), *jowialny* (польск.).

В этом контексте примечательно суждение Стемповского о «системах характерологии, опирающихся на соматические признаки»¹⁶ из эссе «О современной гуманитарной формации» («*O współczesnej formacji humanistycznej*», 1948): «Знатоку истории эта характерология [...] напоминает древние опыты классификации людей по олимпийским образцам: Юнона, Венера, Минерва, Диана, Веста, Юпитер, Аполлон, Марс, Вулкан, Меркурий [...] Древние, связывая

¹² *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 273*

¹³ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 278.*

¹⁴ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 249.*

¹⁵ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 272.*

¹⁶ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 11.*

характеры богов с формами тела, были фаталистами. Подвластная влиянию планет, судьба человека была для них заведомо замкнута в гороскопе»¹⁷. Астрологический ключ к образу Иовяльского указывает на то, что планета Юпитер управляет зодиакальным знаком Стрелец, под управлением которого родился Юзеф Пилсудский (5 декабря) и Ежи Стемповский (10 декабря). Восприятие Стемповским фигуры видного польского политического деятеля оказало существенное влияние на концепцию эссе «Пан Иовяльский и его наследники», в связи с чем Стемповский указывает, что в своей работе о Фредро он дал выражение «критическим взглядам на диктатуру маршала Пилсудского» [17. S. 8]. По утверждению Я. Томковского, «искушенные читатели не сомневались, что под образом пана Иовяльского скрывается “безумный старец”, великий и вместе с тем гротескный инсценизатор Истории — Юзеф Пилсудский» [18. S. 7]. Обращение к фигуре маршала представляет собой наиболее популярный вариант ответа на вопрос о подлинном «наследнике» Иовяльского, обозначенный во второй части названия эссе Стемповского.

Аналогией Иовяльский — Пилсудский обусловлено то, что Стемповский называет Иовяльского «человеком действия»¹⁸, причем действия «иррационального»¹⁹, более того — считает эти действия проявлением «крайнего легкомыслия»²⁰, тем самым отступая от имманентного смысла комедии. Приписывая Иовяльскому волюнтаризм и диктаторские замашки, эссеист приводит в качестве основного аргумента высказывание Елены: «Дедушка нелегко отказывается от своих забав. Мы не раз на коленях умоляли его окончить какую-либо из его шуток» [8. С. 256]. Однако те случаи, о которых говорит Елена, когда домочадцы «на коленях» умоляют Иовяльского, являются внесценическими у Фредро, а в самой комедии единственным проявлением «насилия» Иовяльского над другими является искусственное затягивание неудачной забавы Януша, представляющее не только забаву, но и своеобразный урок для Януша. Не будучи домашним тираном, Иовяльский предоставляет свободу выбора жениха своей внучке Елене, при этом напоминая ей о необходимости проявить зрелость при принятии окончательного решения о супружестве. Он пытается образумить также Камергершу, обладающую авторитарными наклонностями, однако не ограничивает и ее свободу воли. Вряд ли Иовяльского можно назвать инсценизатором, учитывая, что инсценизационные функции в пьесе разделены между излишне самоуверенным Янушем, неуклюже режиссирующим сцену розыгрыша «простолюдина», хитрым и удачливым Людмиром, надевающим «романтическую» маску в общении с Еленой, и невезучим Виктором, который пытается проучить Людмира, хотя его инсценизация оборачивается в итоге против него самого, не причиняя Людмиру никакого вреда. Сам Иовяльский баснями о мартышке в ванной, о Павле и Гавле и другими предупреждает окружающих, что инсценизация как «иррациональное действие» может нанести ущерб самому же инсценизатору. Стемповский без достаточных оснований наделяет Иовяльского иррациональным складом характера, — напротив, на протяжении всей пьесы герой Фредро последовательно призывает окружающих внимать голосу разума, но, как показывает развитие действия, его морализаторские усилия оказываются чаще всего безрезультатными. Об этом свидетельствует эпиграф к комедии, взятый у писателя XVII в. Анджея Максимилиана Фредро

¹⁷ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 11–12.*

¹⁸ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 239.*

¹⁹ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 241.*

²⁰ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 250.*

(«Голодный желудок сказками не убаюкаешь, рассуждениями не успокоишь» [8. С. 222]), и финальная басня о чижики и зяблике, иллюстрирующая зыбкость границ счастья и несчастья и соответственно предназначенная для предостережения счастливого Людмира и утешения несчастного Януша.

Стемповский рассматривает пана Иовяльского как типичное проявление шляхетского смехового начала, основанного на идее иррационального активизма, примером которого является крылатая фраза из поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш»: «*i jakoś to będzie*» («и как-нибудь будет!») [13. С. 177]. Однако главный герой комедии Фредро вряд ли соответствует этому стереотипу шляхтича: он в большей степени является не действующим, а морализирующим героем, басни которого являются эффективнейшим средством критической переоценки непродуманных действий.

Помимо «человека иррационального действия», в эссе Стемповского констатируется существование иного типа героя, также исходящего «из отрицательной оценки мира», смех которого имеет «издевательский оттенок»²¹ и основывается на «противоположности между “я” и внешним миром»²². Это тип смеющегося философа Демокрита, а также «некоторых скептиков», которые из тезиса о нерационально устроенном мире «делали вывод в пользу воздержания от действия»²³. К этой категории принадлежит сам автор эссе об Иовяльском, а также близкий ему по духу Лев Шестов, о котором Стемповский пишет в «Воспоминаниях...» («*Wspomnienia o Szestowie*»): «Шестов призывает нас мыслить как боги в минуту, когда они создали мир, не имеющий еще цельности в момент создания. Трещины в устройстве мира обнаруживаются в минуты трагических надломов нашей души, они наполняются страхом и поэтому наука и философия стараются как можно быстрее заделать трещины на своде космоса. Шестов призывает идти противоположным путем» [16. С. 58]. Мыслителей подобного типа Лешек Колаковский в своей работе «Жрец и шут» (1959) относит к категории шутов, при этом констатируя: «Как жрец, так и шут совершают некоторое насилие над умами: жрец уздой катехизиса, шут — иглой издевки» [10. С. 80]. К типу шутов может быть отнесен Иовяльский, в то время как противоположный ему тип «жреца» отсутствует в комедии, поскольку, в отличие от своих современников-романтиков, Фредро является безусловным скептиком в отношении «жреческой» установки.

Эрудиционная эссеистика Стемповского, к которой относится рассматриваемая нами работа «Пан Иовяльский и его наследники», обнаруживает в ее авторе свойства человека-«библиотеки». С библиофильскими увлечениями, доходящими до фанатизма, связана феноменальная память Стемповского, своеобразно, но, может быть, несколько преувеличенно охарактеризованная Антонием Слонимским. По свидетельству этого известного польского поэта и прозаика XX в., Стемповский «прочитал всю британскую энциклопедию и запомнил ее», однако «именно эта память в определенной степени тормозила, ограничивала его творчество» [15. С. 228]. «Старомодность» [18. С. 18], «недоверие к современности», «прочный союз с классиками» [18. С. 15] — качества, побуждающие искать точки пересечения между Стемповским и паном Иовяльским, в котором, вероятно, отражены некоторые черты индивидуального

²¹ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 237.*

²² *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 239.*

²³ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 240–241.*

портрета Фредро. Впрочем, цитирование героем множества поговорок и декламирование басен, свидетельствующее, с одной стороны, о превосходной памяти, а с другой — о нежелании или неумении продуцировать новый смысл, оцениваются Стемповским иронически и даже саркастически: «Включение в разговоры некоторого количества поговорок — будто бы вытряхивание содержания домашних кладовок с их гротескными, ненужными вещами, справедливо забытыми, обнаруживающими перед нашими глазами тщету дел и понятий, которые сама жизнь стыдливо исключила из оборота и определила на свалку»²⁴. Однако Доротой Сивицкой это литературное «скопидомство» пана Иовяльского позитивно интерпретируется как «задача [...] возделывания языкового хозяйства», в котором «найдется что-то подходящее к каждому, даже самому странному случаю, словно в старом шкафу или [...] доме, тщательно оснащенном на все случаи жизни» [14. S. 49–50]. В отличие от Стемповского, Д. Сивицкая интерпретирует Иовяльского не как безнадежно анахроническое явление, а как предвосхищение постмодерна: «Кто-нибудь вроде Жака Бодрийера сравнил бы пана Иовяльского с компакт-диском [...], из которого он сделал бы метафору постмодернистского бессмертия: заполненного времени, без свободного места для чего-то нового, а значит времени без сознания времени» [14. S. 50–51].

Подобно языковому сознанию пана Иовяльского, анализируемое эссе Стемповского отличается заполненностью «компакт-диска» — переизбытком литературных, исторических, медицинских фактов, не обязательно имеющих отношение к загадке пана Иовяльского. Точно так же как басни, рассказываемые Иовяльским, иногда не имеют достоверной связи с сюжетом комедии, аналогии между Иовяльским и, с одной стороны, пациентом из клиники для умалишенных, а с другой — с древнеримским императором Калигулой ошеломляют намеренной скачкообразностью мысли, и благодаря этому эссеист сам оказывается в рядах «наследников» пана Иовяльского. Отважусь предположить, что волюнтаризм Иовяльского, заставляющего гостей и домашних слушать бесконечные басни и гордящегося своей начитанностью, не чужд Стемповскому, проводящему эрудиционный «смотр» разных текстов. Их игровое столкновение друг с другом — сопоставление и противопоставление — эстетически самоценно. Это прочтение классического текста заведомо в «кривом зеркале», и смысл подобного эксперимента — не в том, чтобы после многих эссеистических «блужданий» вернуться к «Пану Иовяльскому», а чтобы, отталкиваясь от комедийного текста, затронуть фундаментальные проблемы национального и универсального бытия.

Четыре культурные аналогии в эссе «Пан Иовяльский и его наследники» определены основными вариантами ответа на вопрос о том, кто такой герой комедии Фредро — безумец, отшельник, мудрец или деспот? Рассматривая первую возможность, Стемповский ссылается на работу Мориса Миньяра «Состояние удовлетворения при слабоумии и идиотии» (1909). Опираясь на собственный профессиональный опыт, французский медик делает предметом исследования «немотивированное чувство удовлетворения»²⁵, являющееся, по словам Стемповского, «последней пружиной, [...] поддерживающей остаток духовной жизни пациента»²⁶. «Труд Миньяра, — резюмирует эссеист, — есть нечто вроде

²⁴ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 242–243.*

²⁵ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 229.*

²⁶ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 231.*

известия, неожиданно доставленного из ада о том, что пребывающие в нем осужденные играют в карты и чувствуют себя превосходно»²⁷.

Особенностью поэтики рассматриваемого эссе является его внутренняя диалогичность – выдвигание парадоксального суждения и оспаривание того же суждения автором. Проводя аналогию между пациентом Миньяра и паном Иовяльским, Стемповский оговаривает, что эта аналогия «ни в коем случае не является доказательством, что пан Иовяльский – сумасшедший»²⁸. Сосредоточившись на образе главного героя, Стемповский умалчивает о персонаже, гораздо с большим основанием соотносимом с вышеуказанным пациентом, – о Камергере, сыне пана Иовяльского. Человек со скудным кругозором, неспособный построить осмысленную фразу, ограничивающий поле своей деятельности занятиями птицелова, Камергер соглашается со всем, что говорят его собеседники, и именно это обеспечивает ему сходство с душевнобольными, описываемыми в труде французского психиатра. Безусловно, Камергер обладает более тревожным взглядом на мир, чем его отец, о чем свидетельствуют слова, сказанные в ответ на ложный сигнал Виктора об опасности, исходящей от Людмира: «Только прошу ничего не говорить о крови, потому что мне сейчас делается плохо!» [8. С. 297]. Этот страх Иовяльского-сына является более полным «выражением [...] бессилия шляхетского сословия»²⁹, чем смех Иовяльского-отца.

Стемповский приводит два литературных соответствия образу Иовяльского – это отшельник-эстет Жан дез Эссент из романа Гюисманса «Наоборот» и интеллектуал-маг Просперо из драмы Шекспира «Буря». Впрочем, характеристика героев Шекспира и Гюисманса введена Стемповским не столько для уподобления, сколько для противопоставления герою Фредро. Просперо и дез Эссент выполняют, согласно автору эссе, ту же функцию инсценизации бытия, что и Иовяльский, однако, в отличие от Иовяльского, в произведениях Шекспира и Гюисманса это инсценизация из серьезных намерений, обеспечивающая богоподобие героя: «Герой Гюисманса вообще не смеется, потому что им созданный искусственный мир должен быть серьезен в своей глубинной сущности как мир, созданный богами»³⁰; «Просперо приближается к богам в смысле противопоставления Папини: деятельность человека обладает признаками выбора среди предоставленных ему возможностей; бог не делает выбора, он охватывает все возможности разом»³¹. Просперо и дез Эссента духовно роднят библиофильские увлечения: по сюжету романа «Наоборот», дез Эссент унаследовал коллекцию книг от двоюродного прадеда по имени «дон Проспер», что является деталью, связывающей «Бурю» Шекспира и «Наоборот» Гюисманса на интертекстуальном уровне. Однако героя Гюисманса отличают от шекспировского Просперо мизантропические настроения, не чуждые пану Иовяльскому в трактовке Стемповского. Гюисманс привлекателен для польского автора не столько как декадент, сколько как последователь натуралистов. В статье «Пограничные точки искусства у натуралистов» Стемповский улавливает в прозаиках этой школы меланхолические и эсхатологические настроения («по их произведениям можно

²⁷ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 230.*

²⁸ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 233.*

²⁹ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 275.*

³⁰ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 246.*

³¹ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 249.*

описать целую систему эсхатологии, науки о последних вопросах»³², начиная от Флобера, которого он называет «жестоким талантом»³³, как Михайловский Достоевского, поскольку роман Флобера «Бувар и Пекюше» «уже более полувека, словно труба Страшного Суда, провозглашает гибель и ничтожество нашей цивилизации», и заканчивая Гюисмансом, который «собрал в своих романах всю энциклопедию состояний дискомфорта и безблагодатности»³⁴.

Подобно образному «дуэту» Иовяльский – дез Эссент, Просперо и Иовяльский определяются Стемповским как «полярно противоположные»³⁵. Однако в разнохарактерных героях Шекспира и Фредро присутствует определенная общность, обусловленная происхождением имени Просперо и фамилии Иовяльский от частично синонимических прилагательных: *Prospero* – «цветущий», «счастливый» (англ.), *jowialny* – «веселый» (польск.). С безмятежностью обоих героев связано устойчивое представление об их неотмирности, см. высказывание о Иовяльском Камергерши: «Старого Иовяльского совершенно не интересует, что и как делается в его доме, был бы только кто-нибудь рядом, чтобы слушать его пословицы, басенки» [8. С. 229]. В «Буре» Шекспира сам Просперо, раскрывая обстоятельства своего свержения, приводит слова брата: «Ведь Просперо – чудак! Уж где ему / С державой совладать? С него довольно / Его библиотеки» [9. С. 396]. Однако, выступая главным инсценизатором действия, Просперо становится строителем брака своей дочери Миринды и принца Фернандо. В «Пане Иовяльском» судьба внучки главного героя Елены и странствующего молодого человека Людмира устраивается вследствие стечения обстоятельств, без непосредственного воздействия на ситуацию со стороны Иовяльского. Просперо и Иовяльский проявляют себя как рефлектирующие герои, с некоторой долей скепсиса воспринимающие энтузиазм молодых персонажей, что проявляется соответственно в финальной басне Иовяльского и меланхолических словах Просперо: «Я не могу таким же быть счастливым, / Как те, кому все эти чувства внове; / И все-таки я бесконечно счастлив, / Но мне уже пора вернуться к книгам» [9. С. 439].

Гиперболизированным «двойником» пана Иовяльского у Стемповского является Калигула, названный автором эссе «великим юмористом, ценившим комическую силу, заключенную во вселенной»³⁶, и выделяющимся тем, что он попытался осуществить процедуру инсценизации «в космическом масштабе»³⁷. Называя инсценизации Калигулы даже «гениальными»³⁸, Стемповский заключает, что забавы императора «представляют один из крайних моментов иррационального действия, начатого с развлечения и развитого до безумия в огромном масштабе величайшей империи»³⁹. По утверждению Стемповского, Калигуле свойственно представление о хаотичности мироустройства, выражением чего становится акт преступления как «сильнейшее средство инсценизации мира» («Я убил, а мне ничего, говорит он себе»⁴⁰). Обратной стороной произвола Калигулы является его подозрительность по отношению

³² *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 315.*

³³ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 314.*

³⁴ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 313.*

³⁵ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 247.*

³⁶ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 263.*

³⁷ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 262.*

³⁸ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 264.*

³⁹ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 266.*

⁴⁰ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 261.*

к подданным — «восприимчивость к подслушанному шпионами слову раба, которое может разрушить всю их (тиранов. — Л.М.) конструкцию мира»⁴¹.

Сведения о Калигуле, почерпнутые польским автором из труда Светония о двенадцати цезарях, диссонируют с образом невозмутимого и уравновешенного Юзефа Иовяльского. При этом представленная Стемповским характеристика императора предвосхищает экзистенциально-абсурдистскую интерпретацию образа главного героя драмы «Калигула» (1938–1944) Альбера Камю. Не принадлежа к числу поклонников французского писателя-философа [20. S. 324–327], Стемповский более чем за десять лет до написания названной пьесы вступает с ее автором в досрочный диалог, раскрывая «ядро» образа Калигулы. В полном соответствии с положением Стемповского, роль Калигулы у Камю сводится к инсценизации преступлений, о чем, в частности, свидетельствуют его слова Цезонии: «Я приглашаю тебя на невиданный праздник, на вселенский судебный процесс, на прекраснейшее из зрелищ» [2. С. 426]. В насильственном вызывании смеха подданных происходит парадоксальное единение Калигулы с Иовяльским. Герой экзистенциальной драмы Камю — это будто бы гротескно гиперболизированный двойник веселого помещика из Подкарпатья: «Я хочу, чтобы все смеялись [...] Встаньте и смейтесь. (Стучит кулаком по столу). Слышите, я хочу посмотреть, как вы смеетесь» [2. С. 433].

Вместе с тем Калигула в драматическом изображении Камю — более радикальная фигура, чем в эссеистическом осмыслении Стемповского. По Стемповскому, как любому «космическому фокуснику истории», Калигуле свойственны «панибратские отношения с Олимпом»⁴². Согласно Камю, Калигула идет дальше — он сознает себя противником божества и утверждает свое превосходство над ним: «Человека, который любит власть, соперничество богов раздражает [...] Я доказал этим мнимым богам, что если у человека есть воля, то он справится с их жалким ремеслом без подготовки» [2. С. 446]. Если в эссе Стемповского основным критерием «гениальности» Калигулы называется его способность вызывать «удивление»⁴³ подданных, однако не конкретизируется сфера приложения этих «способностей», то у Камю Калигула неоднократно называется «художником» («Император-художник — это не укладывается в голове» [2. С. 418]; «я единственный художник за всю историю Рима, [...] кто согласует свою мысль со своими поступками» [2. С. 462]). Интерпретационно определяющим моментом сближения фигуры пана Иовяльского в толковании Стемповского с образом Калигулы в воплощении Камю является заложенный в героях эсхатологический потенциал. Так, Херея, бросающий вызов Калигуле во имя защиты общественных устоев, называет императора олицетворением «великой идеи, победа которой означала бы конец света» [2. С. 429]. Иовяльский тоже воплощает в себе, по Стемповскому, идею катастрофической «бесповоротности» бытия. Экзистенциальный вердикт, вынесенный Иовяльскому Стемповским, еще с большим правом может быть отнесен, по моему мнению, к Калигуле Камю, нежели к герою комедии Фредро: «Пан Иовяльский оказывается на границе некоего особенного состояния, о котором толком мы ничего не знаем, которое беспокоит нас своим неясным разрывом с жизнью, и в этом месте падает занавес»⁴⁴.

⁴¹ Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 260.

⁴² Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 262.

⁴³ Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 264.

⁴⁴ Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 253.

В эссе Стемповского «Пан Иовяльский и его наследники» механизм «перепрочтения» комедии Фредро представляет попытку подбора к тексту ключей, ни один из которых в строгом смысле слова не оказывается верным. Но это не отменяет продуктивности самой интерпретационной «ошибки» Стемповского: абстрагируясь от «генетического понимания “Пана Иовяльского”»⁴⁵, автор эссе доводит до максимума рецептивный потенциал интерпретируемого текста, производя «стыковку» комедии Фредро с философской, этической и эстетической проблематикой XX в. При таком «неверном прочтении» акцент делается не на главного героя комедии, а на его «наследниках», к которым относятся читатели межвоенного поколения, в том числе сам Стемповский.

Эссе о комедии Фредро есть не опыт сосредоточенного прочтения одного текста, а часть пути Стемповского к библиотеке как интегральной метаидее его творчества. Исследование комедии Фредро вступает в отношения комплементарности с основной метафорой эссе «Библиотека контрабандистов» («*Księgozbiór przemytników*», 1948): «Во встрече с книгами был определенный магический элемент, что-то вроде скатерти, которая сама по себе собирает готовые яства, что-то вроде ковра, на котором по желанию можно перенестись в далекие края [...] Каждый настоящий путешественник обладает таким ковром» [17. S. 98]. В цитируемом эссе Стемповский делает акцент на том, что, несмотря на жизненно-исторические препятствия, идея библиотеки находит провиденциальную форму своей реализации. Эссе «Пан Иовяльский...» позволяет по-другому расшифровать сказочные метафоры «ковра-самолета» и «скатерти-самобранки»: прочитанные книги переносят читателя «в далекие края» и представляют собой разнообразие «яств». Стемповский-читатель — это «пилигрим», «путешественник», «прохожий», обращающийся то к одной книге, то к другой, проводящий между ними тончайшие ассоциации, не заметные для невнимательного читателя и не вполне корректные для читателя педантичного. Эссеистический жанр становится вербально выраженной формой интеллектуального «путешествия» Стемповского по книгам и эпохам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Stempowski J. Eseje dla Kassandry. Gdańsk: Wydawnictwo słowo/obraz terytoria, 2005. 416 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1998. 352 с.
2. Камю А. Счастливая смерть. М.: Фабр, 1993. 574 с.
3. Мальцев Л.А. Мировоззрение Ф.М. Достоевского в реконструкции Е. Стемповского: к проблеме метастереотипности // Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Юго-Восточной и Центральной Европы (По материалам I Хоревских чтений). М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 290–300.
4. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13-и т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. 482 с.
5. Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4-х т. М.: Правда, 1990. Т. 4. 682 с.
6. Ницше Ф. Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 829 с.
7. Стемповский Е. Поляки в романах Достоевского. Библиотека контрабандистов // Новая Польша. 2000. № 7–8 (11). С. 54–75.
8. Фредро А. Избранное. М.: Художественная литература, 1987. 509 с.
9. Шекспир В. Буря: Трагикомедии. СПб.: Азбука – Классика, 2006. 480 с.
10. Kołakowski L. Nasza wesoła apokalipsa. Wybór najważniejszych esejów. Kraków: Znak, 2010. 352 s.

⁴⁵ *Stempowski J. Eseje dla Kassandry. S. 213.*

11. Kowalczyk A.S. Nieśpieszny przechodzień i paradoksy. Rzecz o Jerzym Stempowskim. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki, 1997. 352 s.
12. Markiewicz H. Lekcje «Pana Jowialskiego» // Pamiętnik Literacki. 1999. № 3. S. 153–166.
13. Mickiewicz A. Pan Tadeusz. Warszawa: Książka i Wiedza, 1985. 392 s.
14. Siwicka D. Śmiech jowialny // Teksty drugie. 1995. № 6. S. 44–52.
15. Słonimski A. Alfabet wspomnień. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1975. 283 s.
16. Stempowski J. Bez tytułu oraz inne publikacje nieznanne i zapomniane 1925–1939. Warszawa: Więź, 2014. 288 s.
17. Stempowski J. Od Berdyczowa do Rzymu. Paryż: Instytut Literacki, 1971. 415 s.
18. Tomkowski J. Jerzy Stempowski. Warszawa: Oficyna Wydawnicza, 1990. 72 s.
19. Wyka K. Rzecz wyobraźni. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1977. 600 s.
20. Zimnowoda A. Jerzy Stempowski i Lew Szestow. Egzystencjalizm spowity wschodnią melancholią. Krótka historia przyjaźni // Argument. 2018. № 8 (2). S. 319–333.

REFERENCES

- Blum Kh. *Strakh vliianiia. Karta perechityvaniia*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 1998, 352 p. (In Russ.)
- Camus A. *Schastlivaia smert'*. Moscow, Fabr, Publ., 1993, 574 p. (In Russ.)
- Fredro A. *Izbrannoje*. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1987, 509 p. (In Russ.)
- Kołąkowski L. *Nasza wesoła apokalipsa. Wybór najważniejszych esejów*. Kraków, Znak Publ., 2010, 352 p. (In Pol.)
- Kowalczyk A.S. *Nieśpieszny przechodzień i paradoksy. Rzecz o Jerzym Stempowskim*. Wrocław, Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Publ., 1997, 352 p. (In Pol.)
- Maia kovskii V.V. *Polnoje sobranije sochinenij: v 13 t.* Moscow, Goslitizdat Publ., 1955, vol. 1. 482 p. (In Russ.)
- Mal' tsev L.A. Mirovozzrenije F.M. Dostojevskogo v rekonstruktsii J. Stempovskogo: k probleme metastereotipnosti. *Prejemstvennost' kak faktor literaturnogo protsessa. Opyt Iugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Jevropy (Po materialam I Khorevskikh chtenii)*, Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2017, pp. 290–300. (In Russ.)
- Markiewicz H. Lekcje «Pana Jowialskiego». *Pamiętnik Literacki*, 1999, no. 3, pp. 153–166. (In Pol.)
- Merezhkovskii D.S. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 4, 682 p. (In Russ.)
- Mickiewicz A. *Pan Tadeusz*. Warszawa, Książka i Wiedza Publ., 1985, 392 p. (In Pol.)
- Nietzsche F. *Sochineniia: V 2-kh t.* Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 2, 829 p. (In Russ.)
- Shakespeare W. *Buria: Tragikomediia*. St-Petersburg, Azbuka – Klassika Publ., 2006, 480 p. (In Russ.)
- Siwicka D. Śmiech jowialny. *Teksty drugie*, 1995, no. 6, pp. 44–52. (In Pol.)
- Słonimski A. *Alfabet wspomnień*. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1975, 283 p. (In Pol.)
- Stempowski J. *Bez tytułu oraz inne publikacje nieznanne i zapomniane 1925–1939*. Warszawa, Więź Publ., 2014, 288 p. (In Pol.)
- Stempowski J. *Od Berdyczowa do Rzymu*. Paris, Instytut Literacki Publ., 1971, 415 p. (In Pol.)
- Stempowski J. Poliaki v romanakh Dostojevskogo. Biblioteka kontrabandistov. *Novaia Pol'sha*, 2000, no. 7–8 (11), pp. 54–75. (In Russ.)
- Tomkowski J. *Jerzy Stempowski*. Warszawa, Oficyna Wydawnicza Publ., 1990, 72 p. (In Pol.)
- Wyka K. *Rzecz wyobraźni*. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy Publ., 1977, 600 p. (In Pol.)
- Zimnowoda A. Jerzy Stempowski i Lew Szestow. Egzystencjalizm spowity wschodnią melancholią. Krótka historia przyjaźni. *Argument*, 2018, no. 8 (2), pp. 319–333. (In Pol.)

Информация об авторе

Мальцев Леонид Алексеевич,
доктор филологических наук,
профессор Балтийского федерального
университета им. И. Канта,
г. Калининград, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9137-0004
E-mail: lamaltsev23@mail.ru

Information about the author

Maltsev Leonid A.,
DSc. (Philology), Professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9137-0004
E-mail: lamaltsev23@mail.ru

Славяноведение, 2022, № 3, с. 121–136

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 3, pp. 121–136

DOI: 10.31857/S0869544X0019980-1

Оригинальная статья / Original Article

Город как модель пространства Мира Посмертия в российской, инославянской и западной фантастике

© 2022 г. Е.Н. Ковтун

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

kovelen@mail.ru

Аннотация. Данная публикация входит в цикл статей, посвященных исследованию российской и зарубежной фантастики XX–XXI вв. с точки зрения воплощения в ней художественного образа Мира Посмертия (МП) как особого локуса, в котором протекает посмертное существование человека (человеческой души). В настоящей статье подробно описана специфика и художественные функции урбанистических ландшафтов Мира Посмертия в сопоставлении с иными типами ландшафтов.

Ключевые слова: фантастика, фэнтези, жизнь после жизни, мир посмертия, урбанистика.

Ссылка для цитирования: Ковтун Е.Н. Город как модель пространства Мира Посмертия в российской, инославянской и западной фантастике // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 121–136. DOI: 10.31857/S0869544X0019980-1

City as a Model of the Universe of Afterlife's Space in Russian, Slavic and other Foreign Fantasy

© 2021. Elena N. Kovtun

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

kovelen@mail.ru

Abstract. The publication is a part of the cycle of our research articles on the Russian and foreign fantasy of the 20th and 21st centuries with the focus on the literary image of the universe of afterlife as a specific locus where the post-mortem human being (the human soul) dwells. In this article we shall concentrate in a more detailed way on the specifics and the role of the urbanistic (and other) landscapes of the universe of afterlife.

Keywords: fantasy, post-mortem being, universe of afterlife, urbanism.

Reference for citation: Kovtun Elena N. City as a Model of the Universe of Afterlife's Space in Russian, Slavic and other Foreign Fantasy // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2022. No. 3. P. 121–136. DOI: 10.31857/S0869544X0019980-1

Данная публикация основывается на результатах исследования¹, проведенного мною на материале русской (русскоязычной), инославянской, западноевропейской и североамериканской фантастической литературы прошлого и нынешнего столетий, посвященной изображению человеческого бытия после смерти в особом пространстве, именуемом мною Миром Посмертия (МП)². Основным результатом анализа более чем двухсот художественных текстов стала констатация существования в отечественной и зарубежной фантастике XX–XXI вв. единого «интертекста Мира Посмертия», созданного писателями разных стран, нередко и не подозревающими о существовании друг друга. Данный интертекст характеризуется четко определяемым «инвариантом» – набором устойчивых образов, мотивов и сюжетных конструкций, в совокупности раскрывающих проблематику, связанную со смыслом человеческой жизни и смерти, а в более широком плане – со смыслом существования человеческого рода в художественной модели одухотворенной нравственно-ориентированной вселенной.

Интертекст Мира Посмертия в моем понимании формируют произведения, в которых этот мир представлен как особое место (локус), однозначно идентифицируемое автором и читателем; единое пространство с собственной топографией, обитателями, нормами поведения; значимая часть фантастической модели реальности и авторского замысла. Отбор привлеченных к анализу текстов осуществлялся по тегу «загробный мир» на российском интернет-портале «Лаборатория фантастики»³. В сферу исследования попали главным образом произведения, относящиеся к волшебной фантастике (фэнтези), литературному мифу, сказке и притче. За пределами исследования осталась трактовка искусственного продления жизни, вплоть до достижения бессмертия, в научной фантастике, а также сатирическая фантастика, прибегающая к изображению «того света» в целях критики явлений реальной жизни. Не рассматривались мною и тексты о призраках, зомби и иных разновидностях «живых мертвецов», те сюжеты, которые чаще всего связаны с изображением нашего мира, а не обособленного загробного пространства.

Основными аспектами анализа Мира Посмертия в моем исследовании стали: канон (инвариантные характеристики) изображения Мира Посмертия, в том числе – его локализация по отношению к миру живых, изображение границы (или особой переходной зоны) между мирами живых и мертвых, фиксация момента перехода в загробный мир, образ проводника (наставника, сопровождающего, учителя), помогающего герою попасть и освоиться в МП, хронотоп и пространственные масштабы различных моделей МП, место и роль фантастики (сверхъестественного элемента) в изображении МП. Далее охарактеризованы базовые модели МП, вычлняемые на основе трех предложенных мной критериев: этическая ориентация (позитивные, негативные, нейтральные модели), опорная мифология (традиционная или индивидуально-авторская), объективная или субъективная природа МП (загробный мир как «иная»

¹ Подробнее об исследовании см. [1–3].

² В качестве синонимичных для обозначения МП я использую также словосочетания «тот свет», «страна (мир) мертвых», «загробное царство».

³ Лаборатория фантастики. <https://fantlab.ru>

объективная реальность, как результат прижизненной веры персонажа, как воля и представление главного героя). Кроме того, в рамках исследования были рассмотрены типичные локусы МП и связанные с ними мотивы, основные сюжетно-композиционные схемы повествования об МП, а также функциональность художественного образа Мира Посмертия и связанные с ним авторские гипотезы о целях и смысле загробного существования.

Одним из наиболее интересных аспектов анализа стало выявление «типичных» ландшафтов (локусов), присущих тем или иным моделям Мира Посмертия. Данные ландшафты рассматривались применительно к трем главным типам моделей МП: позитивным, негативным и нейтральным. В предыдущих публикациях о Мире Посмертия я уже характеризовала целостные «портреты» позитивных («райских»), негативных («адских») и нейтральных («реалистических») локусов МП. В данной статье будет показано соотношение в рамках данных моделей ландшафтов, с одной стороны, естественных (природных) и сельских, с другой – урбанистических, и рассмотрен круг специфических ассоциаций, связанных в повествовании об МП с темой города и промышленно-городской среды обитания.

Если наглядно представить соотношение городских и природных / сельских ландшафтов в пределах базовых моделей МП, получится следующая таблица.

Таблица 1. Доминирующие локусы МП.

Тип модели МП	Город	Сельская местность и природные ландшафты
Позитивная		+
Негативная	+	
Нейтральная	+	(+)

Урбанистические локусы, как видим, доминируют в негативной и нейтральной моделях Мира Посмертия (последняя, впрочем, нередко содержит и природные пейзажи); модели же позитивные отдают предпочтение негородским территориям – как естественным, так и окультуренным (парковым и сельским). Далее это будет показано на конкретных примерах.

Инвариант доминирующего (негородского) локуса *позитивной («райской») модели МП* характеризуется следующим устойчивым набором параметров: равнина или холмистая местность, часто в окружении гор; обязательное водное пространство (река, река – ручей, озеро, пруд, водопад, океан); пышная растительность (трава, цветущие кустарники и деревья); культурные ландшафты (фруктовые сады, поля, пастбища, луга, парки, променады, курортные зоны); отсутствие жилья или отдельно стоящие дома коттеджного типа, реже – сельские поселения (расположенные недалеко друг от друга дома с хозяйственными постройками, церковь, трактир и т.п.).

Изображения подобных «райских» локусов подчас удивительно схожи и в совокупности действительно формируют единый художественный образ. Вот лишь несколько вариантов описаний. «Когда мы поднимались по холму, я ненароком обернулся и увидел наконец Долину Вишен. Ах, что это была за долина, вся залитая белым вишневым цветом! Белые цветы и зеленая-презеленая трава! И через все это бело-зеленое серебряной лентой протекала речка [...] Со всех сторон Вишневую долину окружали горы, и они тоже были красивы. По их склонам

сбегали ручьи, с круч обрывались водопады»⁴. «Над головой я увидел зеленую листву и просвечивающее сквозь нее голубое небо [...] Подо мной была травянистая лужайка, а рядом — ствол дерева [...] Никогда не видел подобного ландшафта: великолепная перспектива зеленых лужаек, цветов и деревьев»⁵. «Вскоре мы [...] заскользили над поросшей травой равниной, по которой текла большая река [...] Где-то вдаль виднелись не то облака, не то высокие горы [...] Река оказалась за стеною цветущих кустов, стоявших у самой воды»⁶.

По бескрайней равнине разбросаны «обитатели [...] сады и башни»⁷ валаров в «Сильмариллионе» Д. Толкиена. «Поля [...] покатые холмы, луга и [...] леса»⁸ упоминает при описании рая герой романа Т. Уильямса «Грязные улицы Небес». А вот изображение «Империи ангелов» в одноименном романе Б. Вербера: «На западе раскинулась равнина, где ангелы прогуливаются, когда хотят пообщаться друг с другом [...] На юге я вижу долины, где ангелы собираются на свои собрания [...] На севере — крутые горы с огромными пещерами, где ангелы могут побыть в одиночестве [...] Местность чем-то напоминает глаз. Посередине длинной белой миндалины находится круг бирюзового цвета, похожий на радужную оболочку. Это лес голубовато-зеленых деревьев. А в середине этой оболочки, как блестящий зрачок, находится черное озеро»⁹.

Похожие пейзажи рисуют и российские фантасты. «Холм, лес, поле, реку, две деревушки»¹⁰ видит в МП героиня рассказа О. Рэйн «Солнце мое, взгляни на меня». «Поле такое... Широкое-широкое, до горизонта. Кусты всякие, трава, цветы, иногда деревья»¹¹, — вспоминает ставший ангелом персонаж романа В. Крапивина «Прохождение Венеры по диску Солнца». О том же говорят и герои «Сказки про рай тоннельного типа» А. Денисова: «Райская обитель подобна саду, мимо которого течет река»¹². А вот как описывает Небеса героиня романа Ю. Вознесенской «Мои посмертные приключения». «Под нами лежал широкий луг [...] По лугу вилась четкая желтая дорожка [...] Стоять на ней босиком было приятно, песчинки чуть покалывали подошвы ног, будто от песка исходили бодрящие целебные токи. Тропинка вела к стене зеленых деревьев на горизонте: судя по ее ровным очертаниям, это был парк, а не лес. Над зеленой стеной угадывались нагромождения каких-то исполинских кристаллов — то ли меловые горы, то ли дворцы»¹³.

С описываемым пейзажем в позитивной модели МП, как правило, соотносится ряд добавочных характеристик, в число которых входят: ясное освещение (однако без жгучих солнечных лучей), особая свежесть, чистота и прозрачность воздуха, мелодичный звуковой фон (шелест листьев, пение птиц). «Воздух долины хотелось пить, такой он был чистый и свежий»¹⁴. «Автобус был

⁴ Линдгрен А. Братья Львиное сердце. URL: https://librebook.me/the_brothers_lionheart (пер. со шведск.).

⁵ Матесон Р. Куда приводят мечты. URL: <https://bookzip.ru/reader/5555> (пер. с англ.).

⁶ Льюис К. С. Расторжение брака. URL: <https://azbyka.ru/fiction/rastorzhenie-braka> (пер. с англ.).

⁷ Толкиен Д. Р. Сильмариллион. URL: <https://bookzip.ru/reader/4948> (пер. с англ.).

⁸ Уильямс Т. Грязные улицы Небес. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=222092> (пер. с англ.).

⁹ Вербер Б. Империя ангелов. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/16547-bernard-verber-imperiya-angelov.html#text> (пер. с франц.).

¹⁰ Рэйн О. Солнце мое, взгляни на меня. URL: http://samlib.ru/r/rejn_o/01solnze.shtm

¹¹ Крапивин В. Прохождение Венеры по диску Солнца. URL: <https://vse-knigi.org/bookread-33560>

¹² Денисов А. Сказка про рай тоннельного типа. URL: https://mir-knig.com/read_340224-1#

¹³ Вознесенская Ю. Мои посмертные приключения. URL: <https://azbyka.ru/fiction/moi-posmertnye-priklucheniya>

¹⁴ Линдгрен А. Братья Львиное сердце.

залит ясным светом [...] Но солнце не появлялось [...] Я опустил стекло, вдохнув благоуханный и прохладный воздух [...] и услышал, как [...] в ясной тишине поет жаворонок [...] Недалеко от того места, где водопад срывался в озеро, росло большое дерево. Брызги воды и пены переливались на нем, сотни птиц мелькали среди листвы»¹⁵. «Я сделал глубокий вдох: воздух был прохладным и бодрящим [...] Потом я заметил, что на земле нет теней [...] Я [...] стал искать на небе солнце. Его не было [...] Был свет без солнца [...] На дерево опустилась необычная птица с серебристым оперением»¹⁶.

Не менее, чем пейзажные зарисовки, устойчива и мотивная структура, пронизывающая рассказ о позитивной версии МП. Ей присущи мотивы весеннего расцвета, изобилия пищи, наслаждения. «Все кругом бурлило и пело, была весна»¹⁷. «И благословен был тот край, ибо там [...] ничто не увядало и не меркло; не было изъяна ни в цветах, ни в листьях той земли; ни порок, ни болезнь не имели власти»¹⁸. «Подтвердил Пастор слова брата о загробных съестных утехах: — Рай в Евангелии от Матфея уподобляется пиру: “скажите званым: вот, я приготовил обед мой, тельцы мои, и что откормлено, заколото, и все готово; приходите на брачный пир”»¹⁹. Параллельно фантастами акцентируется и мотив здоровья, молодости (или бодрого долголетия), отсутствия болезней и физиологических потребностей плоти. «Есть и другие особенности, к которым я тоже должен привыкнуть. Например, не дышать [...] Мои легкие, как скрытый метроном, отсчитывали всю мою жизнь. Здесь их больше нет. Я нахожусь в бесконечном времени, в нематериальном теле»²⁰. «Меня поразило, что ни про кого нельзя было сказать, сколько ему лет. У нас на земле мы видим иногда мудрость на лице младенца или веселую простоту старика. Здесь каждый был и стар, и молод»²¹. «Я напряг как следует мускулы и почувствовал, что каждая частичка во мне здорова и словно бы радуется жизни [...] все тело будто смеялось»²². «Я ощущала себя абсолютно здоровой и полной бодрости»²³.

Особенно значим для «райских» моделей Мира Посмертия мотив обретенного «идеального» Дома как вечного и дорогого сердцу героев пристанища. «Такой дом мы с Энн всегда планировали когда-нибудь построить: из дерева и камня, с огромными окнами и просторной террасой, с которой открывается вид на сельский ландшафт [...] Дом стоял на поляне в обрамлении красивых деревьев — сосен, кленов и берез. Снаружи не было ни стены, ни забора»²⁴. «Перед нами стоял старый белый дом, совсем небольшой, с крашеными зелеными наличниками и дверью. Вокруг него в зеленой траве росли маргаритки, первоцвет и дикий миндаль, над которыми пышно цвели несколько вишневых деревьев и кусты сирени»²⁵. «Мы [...] подошли к [...] видневшемуся в глубине прицерковного сада белому двухэтажному дому под зеленой крышей с треугольным фронтоном [...] Меня провели в дом и показали его: внутренним

¹⁵ Льюис К. С. Расторжение брака.

¹⁶ Матесон Р. Куда приводят мечты.

¹⁷ Линдгрен А. Братья Львиное сердце.

¹⁸ Толкиен Д. Р. Сильмариллион.

¹⁹ Денисов А. Сказка про рай тоннельного типа.

²⁰ Вербер Б. Империя ангелов.

²¹ Льюис К. С. Расторжение брака.

²² Линдгрен А. Братья Львиное сердце.

²³ Вознесенская Ю. Мои посмертные приключения.

²⁴ Матесон Р. Куда приводят мечты.

²⁵ Линдгрен А. Братья Львиное сердце.

убранством он напоминал старинные русские усадьбы»²⁶. «Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом»²⁷.

Урбанистические ландшафты в позитивной модели МП достаточно редки и специфичны. По моим наблюдениям, все они в той или иной степени сводятся к трем основным вариантам. Первый представляет собой небольшой очаровательный городок сельского типа, как у Ю. Вознесенской: «Маленький городок, весь осиянный золотистым светом, но сам белый-пребелый, с высокой колокольной в центре»²⁸. Быт и повседневные занятия обитателей такого поселения включает в себя как «городские» (прогулки, интеллектуальное общение, чтение), так и «деревенские» (работа в саду и на огороде) занятия.

Во второй версии урбанистического ландшафта перед читателем предстает «футуристический» мегаполис в традициях научной фантастики, как в романе Р. Матесона: «Я говорю – город, Роберт, но до чего он отличался от городов на Земле! Никакой мутной дымки от смога, выхлопных газов, никакого шума от транспорта. Вместо этого – ряды удивительно красивых зданий всевозможных конфигураций [...] Ты видел Музыкальный центр в Лос-Анджелесе? Он может дать отдаленное представление об увиденной мною чистоте линий, правильном использовании соотношения пространства и массы, чувстве умиротворяющего единообразия»²⁹. Однако данный мегаполис у Матесона является не столько жилым массивом, сколько культурным центром: обитающие в коттеджах на лоне природы персонажи посещают его, чтобы получить информацию (навести справки о своих близких), прослушать лекцию или концерт.

Наконец, третьим вариантом является «райский град», в той или иной мере совпадающий с библейским представлением о Небесном Иерусалиме. Вот его описание в романе «Там...» А. Борисовой: «Никогда во время своей жизни Муса не видел столько пышной зелени, столько белоснежных дворцов, столько журчащих фонтанов. Стволы у деревьев были из чистого золота, круглые купола зданий отливали лазурью, фонтаны ласково журчали и рассыпались жемчужными брызгами». Или глазами другого персонажа того же романа: «Дворцы, синие реки, просторные площади, аллеи, окруженные садами дома»³⁰.

Как видим, независимо от версий, все типы «райских» урбанистических ландшафтов сочетают в себе признаки городского и загородного пейзажей. Наиболее отчетливо это предстает в описании, данном Б. Вербером в романе «Мы, Боги»: «Город богов сияет перед моим восхищенным взором. Как светлый луч, широкая дорога, обрамленная кипарисами, пересекает город [...] С обеих сторон холмы и долины перемежаются колоссальными зданиями [...] Сеть речек, через которые перекинута деревянные мосты, озера, покрытые бледно-розовыми кувшинками. На крутых склонах, которые я различаю на юге, большие переливающиеся бассейны обрамлены бамбуком, тростником и пальмами [...] Рынки [...] маленькие дома из белого камня, покрытые красной черепицей [...] украшенные скульптурами балюстрады, фонтаны [...] Теплый

²⁶ Вознесенская Ю. Мои посмертные приключения.

²⁷ Булгаков М. Мастер и Маргарита. URL: https://mir-knig.com/read_246462-1#

²⁸ Вознесенская Ю. Мои посмертные приключения.

²⁹ Матесон Р. Куда приводят мечты.

³⁰ Борисова А. «Там...». URL: <https://bestknigi.com/religija-i-duhovnost/jezoterika/164317-anna-borisova-tam.html>

воздух благоухает цветочной пылью и свежескошенным газоном. Я замечаю посадки зерновых культур и огороды. Несколько нехимических травоядных – козы, овцы, коровы, похожие на земных, мирно пасутся, безразличные к этому грандиозному пейзажу»³¹.

В негативных («адских») моделях МП естественный ландшафт гораздо менее частотен и представляет собой своеобразную «изнанку» своего позитивного собрата. Негативный Мир Посмертия предстает перед читателем как пустынная каменистая местность, покрытая пылью, пеплом и костями, в обрамлении безжизненных острых скал. «Адский» пейзаж примечателен отсутствием воды (за исключением рек, ограничивающих мир мертвых или отделяющих его от мира живых) и растительности – или наличием земной растительности в ее наименее привлекательных вариантах (колючие кусты, сухая трава, осока). Там, где в «райских» моделях фантасты описывают мягкий неяркий свет, прохладу, свежесть воздуха и аромат цветов, в «адских» МП мы видим сумерки, туман или непроглядную тьму, иногда подсвеченную багровыми сполохами, ощущаем невыносимую духоту и вонь. Здесь царствуют сырость, яростный зной или холод, а также безмолвие, противопоставляемое звукам «райского» МП – шелесту ветвей, журчанию ручьев, пению птиц.

Вот совокупный портрет «природного» пространства негативного МП. «Вязкая, плотная тьма с мерцающими отсветами где-то там, на самом краю, в удушливой сырости здешнего воздуха – приторно-теплого и в то же время вызывающего озноб. Багровые сполохи [...] Далекий подземный гул»³². «Меня пронизывал холод и ледяной ветер [...] Землю покрывал толстый слой пыли, под которой местами угадывались камни»³³. «Острые скальные пики невероятных пропорций возвышались [...] будто заброшенные готические сооружения, готовые рухнуть в любую секунду»³⁴. «Внизу появились и стали отблескивать валуны, а между ними зачернели провалы, в которые не проникал свет луны. Воланд осадил своего коня на каменистой безрадостной плоской вершине, и тогда всадники двинулись шагом, слушая, как кони их подковами давят кремни и камни»³⁵. «Небо было красным, но не таким, как бывает на закате. Это был злой раскаленный цвет зараженной раны [...] Там, где стена могил заканчивалась, была дорога [...] посреди пустынного нагромождения камней и костей. Дул сильный ветер, и колючий песок пустыни немедленно вонзился в его кожу тысячей острых жал»³⁶.

Аналогично изображает преисподнюю «с ее низким, всегда затянутым мрачными дождевыми тучами небом, пыльными бурями, бешено плюющимися лавой вулканами и сонными черными реками»³⁷ Р. Шекли. Схоже и описание Страны Мертвых в цикле о Земноморье У. Ле Гуин: «Тьма изогнулась, образовав нечто вроде арки ворот [...] и за этими воротами не было ни светлого песка, ни океана: только длинный темный склон неведомой горы, уходящий куда-то вниз [...] Больше нигде не было ни огонька, ни просвета. Их окружали

³¹ Вербер Б. Мы, Боги. URL: https://mir-knig.com/read_343907-3# (пер. с фр.)

³² Олди Г.Л. Герой должен быть один. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=57121>

³³ Мерль Р. Мадрапур. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=64647&p=1> (пер. с фр.)

³⁴ Бром Д. Потерянные боги. URL: <https://e-libra.su/read/481418-poteryannye-bogi.html>

³⁵ Булгаков М. Мастер и Маргарита.

³⁶ Гейман Н. Книга кладбищ. URL: https://bookscafe.net/read/geyman_nil-kniga_kladbisch-154470.html#p18 (пер. с англ.)

³⁷ Шекли Р. Сделка с дьяволом. URL: <https://knizhnik.org/robert-shekli/lavka-starinnyh-dikovin/9> (пер. с англ.)

как бы поздние сумерки пасмурного ноябрьского вечера – мрачная, холодная, непрозрачная серая мгла»³⁸. Мрачен и пейзаж у В. Пелевина: «Во все стороны до горизонта лежала каменистая пустыня [...] Небо [...] затянуто тучами. Их разрывал похожий на рану просвет, в котором сияло что-то пульсирующее и лиловое»³⁹. Примерно то же можно прочесть и у Ю. Вознесенской: «Каменистая почва под ногами шла под уклон и опускалась все ниже и ниже, тьма вокруг нас сгущалась. Навстречу нам поплыли ключья смрадного желтого тумана [...] Становилось все жарче, все темней, все тоскливей [...] Над головой нависали неподвижные тяжелые тучи, серый свет едва пробивался сквозь них и падал на каменистую равнину. Кое-где торчали голые черные скалы, похожие на гнилые зубы. Нигде не было видно ни кустика, ни травинки, между камнями почва была покрыта пеплом ржавого оттенка, воняло мокрой пылью, золой и кислой гарью»⁴⁰.

Однако гораздо более часто «адскую» природу негативных моделей МП олицетворяет собой урбанистический пейзаж. Фантастические произведения пестрят изображениями современного мегаполиса – как, например, у М. Суэвника. «Ад оказался город как город, за исключением того, что о нем нельзя сказать ничего хорошего. Его жители были грубы, как парижане, улицы грязны, как в Мумбае, воздух тяжелый, как в Мехико. Местные театры были закрыты, от библиотек остались только обгорелые стены, и, конечно, здесь не было церквей. В немногочисленные магазины, двери которых не были забиты, стояли длинные очереди. Общественные уборные отнюдь не блистали чистотой, и туалетная бумага в них давно закончилась»⁴¹.

Примерно о том же повествует и К.С. Льюис: «Почему-то я ждал автобуса на длинной уродливой улице. Смеркалось, шел дождь. По таким [...] улицам я бродил часами, и все время начинались сумерки, а дождь не переставал [...] Куда бы я ни шел, я видел грязные мебелишки, табачные ларьки, длинные заборы, с которых лохмотьями свисали афиши»⁴². Льюису вторит Д. Бром: «Осыпающиеся фасады, пустые, темные окна, обвалившиеся крыши. Стены заброшенных зданий пестрели граффити, сделанными углем и мелом»⁴³.

Основной прием, используемый фантастами при изображении урбанистической версии «адского» МП, – сгущение, концентрация негативных ассоциаций, связанных у читателей прошлого и нынешнего веков с понятием «город». Вымышленный мегаполис вбирает в себя черты всех реальных городских агломераций: «Границы Ада то сжимались, то разбухали, словно морские воды с приливом и отливом [...] Порой она обнаруживала, что с тоской смотрит на Лос-Анджелес, а на следующий день видела окраины Москвы»⁴⁴.

Примечательно, что превращение реальных городских пейзажей в панорамы преисподней совершается безо всякого участия фантастики. Читатель охотно видит «адские» черты в знакомых ему нищих предместьях, унылых кварталах многоэтажек, безобразных трущобах и свалках. «Они [...] оказались на

³⁸ *Ле Гуин У.* Волшебник Земноморья. URL: https://mir-knig.com/read_282588-1# (пер. с англ.)

³⁹ *Пелевин В.* Фокус-группа. URL: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-focus/1.html>

⁴⁰ *Вознесенская Ю.* Мои посмертные приключения.

⁴¹ *Суэвник М.* Платье ее из ярчайшего пурпура. URL: <https://knizhnik.org/majkl-suenwik/nichego-osobennogo-skazal-kot/17> (пер. с англ.)

⁴² *Льюис К.С.* Расторжение брака.

⁴³ *Бром Д.* Потерянные боги.

⁴⁴ *Суэвник М.* Платье ее из ярчайшего пурпура.

большом замусоренном пустыре [...] Слева вдалеке высилось несколько жалких построек с пластиковыми навесами вместо крыш и окнами, затянутыми дражным полиэтиленом. Лачуги отделяли друг от друга полоски земли, поросшей сорняками [...] В песочнице по соседству грудились битые стекла и обломки пластмассы. В дождевой луже мокли останки куклы с треснувшей головой [...] Сет [...] пошел [...] в сторону двух огромных жилых домов башенного типа [...] Света в окнах не было, и строения казались заброшенными. Их стены покрывали граффити [...] на дорожках вокруг громоздился мусор. Сет посмотрел под ноги: шуршащие пакеты, банки и жестянки с выцветшими наклейками, автомобильная шина, часть мотора, разбитый телевизор»⁴⁵.

В романе М. Галиной «Малая Глуша» Мир Посмертия, до которого в поисках умершей жены с немалым трудом добирается герой, представляет собой микрорайон на окраине провинциального райцентра. «Перед ними на растрескавшемся бугристом асфальте вырос хрущевский микрорайон, дома желтоватосерые, с облупившейся краской. Рядом с песочницей возвышались, накренившись, ржавые железные столбы, между ними висело на натянутых веревках белье. На балконах тоже висело белье, полосатые половички свешивались через перила»⁴⁶. А в рассказе С. Кинга «Чувство, которое словами можно выразить только по-французски» ад выглядит как унылая местность вдоль междугороднего шоссе где-то в штате Флорида.

Особенной остроты негативные ассоциации достигают при изображении различного рода промышленных зон и производственных территорий. «Все чаще стали попадаться нависающие над дорогой переплетения труб, ажурные металлические фермы, лестницы, рельсы и прочее индустриальное железо. Дома-утесы округлились вершинами и стали похожи на гигантские, торчком поставленные цистерны. Подобный пейзаж вполне подошел бы для какого-нибудь нефтеперерабатывающего комбината и впечатление производил такое же — унылое, гнетущее. Вдобавок и в воздухе стало отчетливо пованивать химическим производством»⁴⁷.

Реалистически воссозданные городские пейзажи безусловно доминируют в повествовании о негативном МП. Однако в нем же можно встретить и некоторые иные разновидности урбанистических ландшафтов. Одной из подобных разновидностей является условный «город мертвых» в «Волшебнике Земноморья» У. Ле Гуин: «Вскоре они пришли в один из городов царства мертвых, и Аррен увидел дома, в окнах которых никогда не зажигали свет. В открытых дверях некоторых домов стояли со спокойными лицами и пустыми руками души мертвых людей. Рыночные площади были пусты. Здесь никто ничего не продавал и не покупал [...] Ничем здесь не пользовались, ничего не создавали»⁴⁸. В данном описании заострены мотивы отсутствия движения, развития, жизни в наиболее общем значении слова. Символика смерти заостряется за счет отсутствия конкретных хронологических примет и бытовых деталей. Схожий «притчевый» прием можно усмотреть и в изображении гротескного «адского» города из «Книги кладбищ» Н. Геймана. «Город состоял из неправильных углов и кривых стен. Это был кошмар наяву, как будто все страхи [...] нашли себе воплощение в этом месте, похожем на огромную пасть

⁴⁵ Невил А. Номер 16. URL: <https://knijky.ru/books/nomer-16> (пер. с англ.)

⁴⁶ Галина М. Малая Глуша. URL: <https://bookocean.net/read/b/19602>

⁴⁷ Бачило А. Впереди — вечность. URL: <http://lib.ru/RUFANT/BACHILO/wechnost.txt>

⁴⁸ Ле Гуин У. Волшебник Земноморья.

с торчащими зубами. Это был город, построенный лишь для того, чтобы быть покинутым. Он был воплощенным безумием и ужасом своих бесноватых создателей, высеченным в камне»⁴⁹.

Основные мотивы, связанные с негативным МП, противоположны описанному выше «райским». Здесь преобладают тревога, отвращение и страх: «Ник посмотрел на город и пришел в ужас: его охватила смесь тошноты и страха, отвращения и брезгливости, приправленных оцепенением»⁵⁰. «У меня было такое чувство, что мне угрожает что-то омерзительное. Сначала я лишилась голоса и меня парализовало, потом стала дико вопить и бросилась бежать [...] Я была в совершеннейшей панике. Не понимала, что делаю. Упала в пыль, поднялась, снова упала»⁵¹.

Наиболее частотными настроениями, охватывающими персонажей в негативном МП, становятся депрессия, уныние, страдание. Даже если адские городские пейзажи и оказываются привлекательными внешне, они фальшивы, за раскрашенными декорациями скрыт обман. Таков безлюдный городок в «запретной зоне» (герой догадывается, что под этим эвфемизмом скрывается Мир Посмертия) в рассказе А. Дашкова «Черный “Ровер”, я не твой»: «Навстречу уже выплывал типичный провинциальный городок, застроенный преимущественно одно- и двухэтажными домами [...] Яркое электрическое освещение, обилие рекламных щитов и вывесок [...] Улицы безлюдны [...] Что заслуживало удивления, так это полное отсутствие автомобилей, а также телефонов. И ничего, хотя бы отдаленно похожего на почту. Шоссе сузилось и постепенно выродилось в проезжую часть обыкновенной улицы. Ни светофоров, ни постов»⁵².

Таков же и адский «город-курорт», в котором оказывается после долгих скитаний в преисподней героиня Ю. Вознесенской: «Мне и этот город, и эта вилла со стильной мебелью, садом и бассейном казались какой-то театральной декорацией. Не нравились мне и жители города. Они пытались наслаждаться жизнью, им было доступно все, что укладывалось в потребительское понятие “красивой жизни”, даже собственный возраст и внешность. Они не болели и не умирали, но они изнывали от скуки и ничегонеделанья, от всеобщего ко всему и ко всем равнодушия. Здесь никто никого не любил. Пары как-то случайно и бездумно сходились, иногда какое-то время жили вместе, томясь от тоски вдвоем и лениво скандала, потом так же случайно и нечаянно расходились, а встретившись на другой день на улице, уже не узнавали друг друга. Никто ничего не помнил ни о себе, ни о других. Вообще ни о чем»⁵³. Не случайно во всех моделях МП невозможно рождение детей и иных живых существ. Бесплодность любви, даже если она встречается в загробном мире, — универсальный для всех авторов символ смерти и посмертного бытия. Правда, речь идет о любви человеческой, «телесной». В духовном плане все иначе, особенно в позитивных моделях МП. Но это совсем иной аспект исследования.

Нейтральные модели МП, все чаще встречающиеся в современной фантастике, не содержат прямого противопоставления однозначно выделенных «полюсов добра и зла», столь характерных для позитивных и негативных моделей. Посмертная участь персонажа в них не зависит от того, насколько

⁴⁹ Гейман Н. Книга кладбищ.

⁵⁰ Гейман Н. Книга кладбищ.

⁵¹ Мерль Р. Мадрапур.

⁵² Дашков А. Черный «Ровер», я не твой. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=74013&p=1>

⁵³ Вознесенская Ю. Мои посмертные приключения.

добродетельно он прожил земную жизнь. Чаще всего нейтральные модели трактуют Мир Посмертия как «иную реальность», ожидающую после кончины всех и каждого. Как и реальность земная, она имеет собственные объективные законы, физические и моральные, к которым вынуждены привыкать и приспосабливаться герои соответствующих текстов. Загробное существование этих персонажей в основных чертах напоминает земное, отличаясь от последнего лишь некоторыми деталями: отсутствием телесных немощей, необходимости принимать пищу (хотя многие персонажи упорно не желают отказываться от этой привычки), угрозы физической гибели (хотя в подобных моделях автором нередко предусмотрена еще одна «окончательная» смерть, представляющая собой полное уничтожение личности, «души»).

В практически одновременно написанных романах россиянина Святослава Логинова и американца Кевина Брокмейера – «Свет в окошке» (2002) и «Краткая история смерти» (2006) – представлена одна и та же фантастическая посылка. Она исходит из давнего представления о том, что человек не умирает, пока он жив в памяти современников и потомков. Соответственно, Мир Посмертия в указанных произведениях представляет собой пространственно-временной континуум, в котором каждому умершему представляется возможность «прожить» еще одну «жизнь», по длительности не уступающую земной, а подчас и значительно более продолжительную. Мало того, в романе Логинова «второй шанс» предоставляет и дополнительные преимущества. За особую плату (а деньгами в данном МП служат полновесные «мнемоны» и дешевые «лямишки» – овеществленные воспоминания об умершем) здесь доступно омоложение, владение всеми существующими языками, избавление от нежелательных знакомств и т.п. В новом существовании практически нет ограничений: можно построить какой хочешь дом, выбрать любое место жительства, получить доступ к самым разнообразным развлечениям.

Но несмотря на головокружительные перспективы, герои Логинова, как и персонажи Брокмейера, в нежданной «второй жизни» ведут себя точно так же, как и в первой. Если они и занимаются делами, то непосредственно связанными с их земной профессиональной биографией. «Был один престарелый уличный музыкант, который принялся играть сразу по прибытии в город, извлекая медленные и печальные вздохи из своего аккордеона. Был молодой ювелир, который открыл магазин на углу Мэйпл и Кристофер-стрит и стал продавать серебряные подвески, украшенные бриллиантами»⁵⁴.

А в основном обитатели МП напоминают бодрых земных пенсионеров. Свободные от повседневного труда, они поддерживают прижизненные знакомства или заводят новые, порой влюбляются или расстаются с партнерами, продолжают прежние увлечения и хобби, проводят время в прогулках и путешествиях, ресторанах и кафе, посещают театры и спортивные матчи. И даже их посмертные жилища во всем напоминают земные: «Комната сына оказалась той самой, “Илюшкиной” комнатой, что вплоть до ухода Людмилы продолжала ждать в родительском доме [...] Даже полуразрушенный бобинник с записями Высоцкого стоял на полке»⁵⁵. Каждодневная суета, как и при жизни, поглощает умерших целиком. И лишь постепенное прекращение поступающих

⁵⁴ Брокмейер К. Краткая история смерти. URL: <https://e-libra.ru/read/416777-kratkaya-istoriya-smerti.html> (пер. с англ.)

⁵⁵ Логинов С. Свет в окошке. URL: <https://vse-knigi.org/bookread-33887>

от живых родственников воспоминаний-мнемонов (у Логинова) да глухой стук огромного метронома-сердца (у Брокмейера) способны время от времени напомнить им о странности и призрачности вторичного существования.

В нейтральных моделях МП, как и в негативных, персонажи чаще ведут городской образ жизни. Их вторичное бытие в целом протекает в реалистично воссозданных современных городских ландшафтах. И у Брокмейера, и у Логинова действие разворачивается в едином гигантском Городе, чьи районы и кварталы, постоянно разрастаясь, вмещают в себя всех умерших, о которых пока не стерлась земная память. «Долина Лимбо в любую сторону уходит в бесконечность, демонстрируя, что для человеческой памяти пределов нет [...] Но пока что миллиарды живущих сумели создать лишь один Город, окруженный океаном никуда⁵⁶»⁵⁷. «С каждым днем в городе оказывалось все больше людей, и тем не менее им находилось место. Иной, идя по улице, которую знал много лет, вдруг обнаруживал новое здание или целый квартал»⁵⁸.

Внутри гигантского мегаполиса умершие представители отдельных времен и культур предпочитают селиться поблизости друг от друга, так что в различных своих локусах единый Город обретает весьма несхожий этнически окрашенный облик. «В городе были библиотеки и табачные лавочки, магазины нижнего белья и прачечные. И сотни церквей [...] пагоды, мечети, часовни и синагоги [...] В каждом районе было свое место сборищ... Например, колоннада возле монумента и “Единственная таверна” в районе складов, а неподалеку, в районе оранжерей, “Русская чайная” Андрея Калатозова»⁵⁹. «Город располагался секторами, которые, словно дольки апельсина к центру, сходились к Цитадели. От ее распахнутых ворот легко можно было пройти хоть в пакистанский, хоть в испанский сектор [...] Где-то далеко в африканском секторе стучали тамтамы [...] В бразильском секторе [...] шли приготовления к карнавалу [...] Договорились, что завтра Анята зайдет за ним и сводит в китайский сектор, где есть очень красивая пагода»⁶⁰.

В нейтральном МП город лишен гротескных негативных черт, присущих мегаполисам «адской» модели, и местами весьма живописен. «Коляски и телеги соседствовали с велосипедами, мотоциклами и автомобилями 50-х годов. Столь же пестрой была и одежда жителей города. Некоторые женщины носили платья девятнадцатого и даже восемнадцатого века, другие шли в демократичной и вполне современной одежде. В этом сосуществовании эпох была какая-то неестественная красота»⁶¹.

Исключением можно считать случаи, когда автор специально подчеркивает «мертвую» природу города. Тогда этот последний, как и в негативном МП, теряет приметы конкретных эпох и стран, становясь «городом вообще», символом человеческой цивилизации. И основным мотивом, ему сопутствующим, становится увядание, разрушение. Таков, например, посмертный урбанистический ландшафт в романе Г. Казака «Город за рекой»: «Взгляд уже привычно скользил по домам-развалинам, голые обшарпанные стены которых поднимались не выше двух-трех этажей; было такое впечатление, будто верхние

⁵⁶ Особого «невещества», из которого и состоит в романе С. Логинова загробный мир.

⁵⁷ Логинов С. Свет в окошке.

⁵⁸ Брокмейер К. Краткая история смерти.

⁵⁹ Брокмейер К. Краткая история смерти.

⁶⁰ Логинов С. Свет в окошке.

⁶¹ Мара М. Хранители могил. URL: https://mir-knig.com/read_289741-1# (пер. с англ.)

этажи у них снесло вместе с крышами ураганным ветром [...] На фасадных стенах сплошь и рядом зияли трещины, штукатурка во многих местах отвалилась большими кусками; в продуваемых ветром помещениях там и тут торчали из дверных рам ключья войлока; расколотые трубы, заржавевшие стальные балки глядели наружу, как обнаженные части скелета»⁶². А в рассказе Л. Петрушевской «Черное пальто» мертвенность города подчеркивает не только темнота и пустота, но и незаконченность, вечный незавершенный ремонт. «Девушка легко бежала вниз по туннелю [...] мимо ям, лопат, каких-то носилок, здесь тоже, видимо, шел ремонт [...] Улица тоже оказалась пустой и какой-то полуразрушенной [...] В домах не было света, в некоторых даже не оказалось крыш и окон, только дыры, а посередине проезжей части торчали временные ограждения: там тоже все было раскопано [...] Они ехали по совершенно пустым и раскопанным ночным улицам»⁶³.

Все сказанное, конечно, не означает, что нейтральный МП совсем не знает загородных пейзажей. Например, в романе Логинова негородские ландшафты представлены как отдельные самостоятельные локусы, затерянные в безбрежных просторах Лимбо. «Некоторые, пока память о них не простыла, создадут себе домик, устроятся в нем поуютнее, и дрейфуют в нихиле сами по себе»⁶⁴. Провинциальные сельские картины доминируют при описании Мира Посмертия в романе Ф. О'Брайена «Третий полицейский». В романе А. Старобинец «Убежище 3/9» Навь, мир мертвых и сказочных персонажей, представляет собой лес, через который усыпанная хлебными крошками тропинка ведет к мосту на реке, где проходит граница с Явью. В романе же А. Григоренко «Мэбэт» Мир Посмертия помещен на заснеженный остров, а зоной перехода к миру живых становится загадочная и опасная Тропа Громов.

В некоторых произведениях сам Мир Посмертия предстает как специфическая зона перехода от жизни к «окончательной смерти», уже не доступной пониманию живых. Подобная версия МП изображена, например, в романе О. Токарчук «Последние истории». В первой из историй, озаглавленной «Чистый край», героиня, женщина средних лет, попадает в автомобильную катастрофу и, по-видимому, погибает на месте. Однако затем в течение нескольких дней субъективно она все еще остается на земле, пребывая в качестве гостьи в странном доме, стоящем в незнакомой местности. Окружающий дом ландшафт сочетает в себе городские и сельские черты. Сначала героиня «видит огни какого-то предместья», затем замечает «улочку, что сворачивает вбок, к лесу». Там-то и расположен приютивший ее коттедж, а больше поблизости нет никакого жилья. «Остался один дом, отодвинутый к самой горе, к лесу, сиротливый, за которым наблюдают — издали, украдкой — невнятные, столь отличные от него карликовые и убогие топорные гаражи, бараки, мастерские и бог знает что еще»⁶⁵.

Пейзаж у О. Токарчук подчеркивает переходный характер бытия героини, заостряя неопределенность, некончателюность решения ее судьбы. Похожую ситуацию можно обнаружить и в пьесе Д. Ковачевича «Сборный пункт», где обозначенный в заглавии локус (по-видимому, тоже зона перехода

⁶² Казак Г. Город за рекой. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=254118&p=1>

⁶³ Петрушевская Л. Черное пальто. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/petrushevskaya/8/j12.html

⁶⁴ Логинов С. Свет в окошке.

⁶⁵ Токарчук О. Последние истории. URL: https://mir-knig.com/read_244716-1 (пер. с польск.)

к «окончательной смерти») предстает как «песчаная местность, залитая прозрачным голубым светом»⁶⁶ и лишенная каких бы то ни было конкретных географических и топографических примет.

Особым, очень своеобразным вариантом нейтрального посмертия являются миры, творцами которых выступают сами умершие. В подобных версиях МП природные, сельские и городские ландшафты встречаются примерно в равных пропорциях. Мы видим это, например, в повести А. Бестера «Ад — это вечность» или в романе В. Пелевина «Бэтман Аполло». В первой Мир Посмертия включает в том числе космические панорамы: «Да заполнит пространство тысяча вселенных! — крикнул он. — Тысяча галактик да образует каждую вселенную и миллион солнц [...] Финчли закричал, когда вокруг него взорвался в беззвучном катаклизме свет. Звезды, близкие и горячие, как солнца, далекие и холодные, как игольные острия... Сверкающие красным, желтым, густо-зеленым и фиолетовым»⁶⁷. Во втором индивидуальное видение загробного царства порой содержит ностальгические картины — например некогда проведенного за городом детства: «Когда поезд остановился, было уже темно. За окном чернела платформа на краю соснового леса [...] Между соснами кое-где горели электрические лампы [...] А потом я увидел саму цель. Это был старый деревенский дом за дощатым забором. Кедаев вошел во двор — но пошел не к дому, а к стоящему рядом сараю. Зайдя внутрь, он уверенно включил свет. Я увидел обычное нутро хозяйственной пристройки — полки с разнообразным хламом, залежи хозяйственной мелочи, которая так и хранилась в его памяти все эти годы»⁶⁸.

И все же естественной средой обитания как для большинства современных писателей-фантастов, так и для их читателей является именно городская среда. Это проявляется отнюдь не только в количественном преобладании урбанистических ландшафтов в общем массиве текстов о Мире Посмертия. При внимательном чтении нетрудно убедиться, что в эстетической и нравственной оценке всех локусов МП преобладает именно точка зрения горожанина, уставшего от неизбежных негативных черт скученного городского быта. Вот почему мечты и думы о «положительном» посмертии облачаются в природные и загородные одежды, страхи же перед «отрицательным» вариантом загробного бытия приобретают урбанистический формат.

В этом нетрудно усмотреть присущие еще художественной словесности XIX в. (например, славянским литературам эпохи национального возрождения) представления об «идилличности» сельской — патриархальной и строго нравственной — и «порочности» (космополитичности и жесткой конкуренции) городской жизни. И сейчас, два века спустя, эти представления неизменны: естественные ландшафты и сельские просторы ассоциируются с вольной и одухотворенной жизнью на лоне природы. Город же выступает символом нечистоты, физических и нравственных страданий.

Если и говорить об изменениях, произошедших за двести лет в подобной традиционной точке зрения, то они, на мой взгляд, сказываются лишь в некотором смещении акцентов. Ранее противопоставление город — село шло

⁶⁶ Ковачевич Д. Сборный пункт (пер. с сербск.) // В каждом городе — свое время года. Избранные переводы Натальи Вагаповой. М.: Центр книги Рудомино, 2019. С. 478.

⁶⁷ Бестер А. Ад — это вечность. <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/22420-6-alfred-bester-ad-eto-vechnost.html#text> (пер. с англ.)

⁶⁸ Пелевин В. Бэтман Аполло. URL: https://mir-knig.com/read_341040-1#

главным образом по нравственному (патриархальный сельский идеал ассоциировался со строгой моралью, «новый» городской – с развращенностью) и, в ряде случаев, по этническому принципу («свои», соотечественники как носители «сельского идеала» – «чужие», иноземцы как воплощение пороков городской жизни). В современной фантастике основным аспектом противопоставления стал экологически-цивилизационный: «здоровый» и «естественный» сельский образ жизни, щадящий и возобновляющий природные ресурсы, противопоставляется городскому существованию как «нездоровому» и «неестественному», наносящему ущерб биосфере планеты.

Так, парадоксальным образом, повествование о самой, казалось бы, непредставимой из всех возможных противоположностей реальной жизни – о Мире Посмертия предстает квинтэссенцией вполне прижизненных (и весьма живучих) иллюзий и стереотипов. Но одновременно – и квинтэссенцией мечтаний и надежд на то, что там, за последней чертой, все мы наконец сможем существовать, как захотим.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бачило А.* Впереди – вечность. URL: <http://lib.ru/RUFANT/BACHILO/wechnost.txt> (дата обращения: 11.12.2021).
- Бестер А.* Ад – это вечность. URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/22420-6-alfred-bester-ad-eto-vechnost.html#text> (дата обращения: 11.12.2021).
- Борисова А.* Там.... URL: <https://bestknigi.com/religiya-i-duhovnost/jezoterika/164317-anna-boriso-va-tam.html> (дата обращения: 11.12.2021).
- Брокмейер К.* Краткая история смерти. URL: <https://e-libra.ru/read/416777-kratkaya-istoriya-smerti.html> (дата обращения: 11.12.2021).
- Бром Д.* Потерянные боги. URL: <https://e-libra.su/read/481418-poteryannye-bogi.html> (дата обращения: 11.12.2021).
- Булгаков М.* Мастер и Маргарита. URL: https://mir-knig.com/read_246462-1# (дата обращения: 11.12.2021).
- Вербер Б.* Империя ангелов. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/16547-bernard-verber-imperiya-angelov.html#text> (дата обращения: 11.12.2021).
- Вербер Б.* Мы, Боги. URL: https://mir-knig.com/read_343907-3# (дата обращения: 11.12.2021).
- Вознесенская Ю.* Мои посмертные приключения. URL: <https://azbyka.ru/fiction/moi-posmertnye-priklyucheniya> (дата обращения: 11.12.2021).
- Галина М.* Малая Глуша. URL: <https://bookocean.net/read/b/19602> (дата обращения: 11.12.2021).
- Гейман Н.* Книга кладбищ. URL: https://bookscafe.net/read/geyman_nil-kniga_kladbisch-154470.html#p18 (дата обращения: 11.12.2021).
- Дашков А.* Черный «Ровер», я не твой. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=74013&p=1> (дата обращения: 11.12.2021).
- Денисов А.* Сказка про рай тоннельного типа. URL: https://mir-knig.com/read_340224-1# (дата обращения: 11.12.2021).
- Казак Г.* Город за рекой. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=254118&p=1> (дата обращения: 11.12.2021).
- Ковачевич Д.* Сборный пункт // В каждом городе – свое время года. Избранные переводы Натальи Вагаповой. М.: Центр книги Рудомино, 2019. С. 459–528.
- Крапивин В.* Прохождение Венеры по диску Солнца. URL: <https://vse-knigi.org/bookread-33560> (дата обращения: 11.12.2021).
- Лаборатория фантастики. <https://fantlab.ru> (дата обращения: 11.12.2021).
- Ле Гуин У.* Волшебник Земноморья. URL: https://mir-knig.com/read_282588-1# (дата обращения: 11.12.2021).
- Линдгрэн А.* Братья Львиное сердце. URL: https://librebook.me/the_brothers_lionheart (дата обращения: 11.12.2021).
- Логинов С.* Свет в окошке. URL: <https://vse-knigi.org/bookread-33887> (дата обращения: 11.12.2021).
- Льюис К. С.* Расторжение брака. URL: <https://azbyka.ru/fiction/rastorzhenie-braka> (дата обращения: 11.12.2021).

- Март М. Хранители могил. URL: https://mir-knig.com/read_289741-1# (дата обращения: 11.12.2021).
- Матесон Р. Куда приводят мечты. URL: <https://bookzip.ru/reader/5555> (дата обращения: 11.12.2021).
- Мерль Р. Мадрапур. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=64647&p=1> (дата обращения: 11.12.2021).
- Невил А. Номер 16. URL: <https://knijky.ru/books/nomer-16> (дата обращения: 11.12.2021).
- Олди Г. Л. Герой должен быть один. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=57121> (дата обращения: 11.12.2021).
- Пелевин В. Бэтман Аполло. URL: https://mir-knig.com/read_341040-1# (дата обращения: 11.12.2021).
- Пелевин В. Фокус-группа. URL: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-focus/1.html> (дата обращения: 11.12.2021).
- Петрушевская Л. Черное пальто. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/petrushevskaya/8/j12.html (дата обращения: 11.12.2021).
- Рэйн О. Солнце мое, взгляни на меня. URL: http://samlib.ru/r/rejn_o/01solnze.shtm (дата обращения: 11.12.2021).
- Суэвник М. Платье ее из ярчайшего пурпура. URL: <https://knizhnik.org/majkl-suenvik/nichego-osobennogo-skazal-kot/17> (дата обращения: 11.12.2021).
- Токарчук О. Последние истории. URL: https://mir-knig.com/read_244716-1 (дата обращения: 11.12.2021).
- Толкиен Д. Р. Сильмариллион. URL: <https://bookzip.ru/reader/4948> (дата обращения: 11.12.2021).
- Уильямс Т. Грязные улицы Небес. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=222092> (дата обращения: 11.12.2021).
- Шекли Р. Сделка с дьяволом. URL: <https://knizhnik.org/robert-shekli/lavka-starinnyh-dikovin/9> (дата обращения: 11.12.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковтун Е. Н. «Канон» и интертекст «посмертного бытия» в фантастике XX–XXI вв.: к постановке проблемы // Савремена срpska фолклористика 8: Словенски фолклор и књижевна фантастика. Београд, 2020. С. 361–380.
2. Ковтун Е. Н. «Канон» и интертекст «посмертного бытия» в фантастике XX–XXI вв.: проблемный и функциональный аспекты // Stephanos. 2020. № 5(43). С. 59–92.
3. Ковтун Е. Н. «Канон» и интертекст «посмертного бытия» в фантастике XX–XXI вв.: аспект движения, перемещения, развития // В поисках границ фантастического: средства передвижения и перемещения в пространстве: сборник научных статей. Вып. IV / сост. и ред. В. Я. Малкина, Е. А. Нестерова. Москва: РГГУ, 2022. С. 9–28.

REFERENCES

- Kovtun Je. N. «Kanon» i intertekst «posmertnogo bytija» v fantastike XX–XXI vv.: k postanovke problemy. *Savremena srpska folkloristika 8: Slovenski folklor i knizhevna fantastika*, Beograd, 2020, pp. 361–380. (In Russ.)
- Kovtun Je. N. «Kanon» i intertekst «posmertnogo bytija» v fantastike XX–XXI vv.: problemnyi i funkcional'nyi aspekty. *Stephanos*, 2020, no. 5(43), pp. 59–92. (In Russ.)
- Kovtun Je. N. «Kanon» i intertekst «posmertnogo bytija» v fantastike XX–XXI vv.: aspekt dvizheniia, peremeshcheniia, razvitiia. *V poiskakh granits fantasticheskogo: sredstva peredvizheniia i peremeshcheniia v prostranstve: sbornik nauchnykh statei, vyp. IV*, sost. i red. V. Ia. Malkina, Je. A. Nesterova. Moskva, RGGU Publ., 2022, pp. 9–28. (In Russ.)

Информация об авторе

Ковтун Елена Николаевна,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела современных литератур
Центральной и Юго-Восточной Европы
Института славяноведения
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0001-9457-8556
E-mail: kovelan@mail.ru

Information about the author

Kovtun Elena N.,
DSc. (Philology), Leading Researcher,
Department of Contemporary Literature
of Central and South-Eastern Europe
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
ORCID: 0000-0001-9457-8556
E-mail: kovelan@mail.ru

Славяноведение, 2022, № 3, с. 137–140

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 3, pp. 137–140

DOI: 10.31857/S0869544X0019981-2

Оригинальная статья / Original Article

Влияние украинской словесной культуры на южнославянскую в XVII–XVIII веках¹

© 2022 г. Н.И. Толстой

(Публикация С.М. Толстой)

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

smtolstaya@yandex.ru

Аннотация. В XVII–XVIII вв. украинская словесная культура играла роль важного связующего звена между культурой восточных и южных славян (а также влахо-молдован) и служила источником, а иногда и образцом для ряда литературных произведений и даже норм литературного языка сербов, хорватов, валахов, молдаван, а отчасти болгар и великороссов.

Ключевые слова: украинская литература XVII–XVIII вв., литературный язык, Киевская Академия, переводы, южные славяне, культурное влияние.

Ссылка для цитирования: *Н.И. Толстой.* Влияние украинской словесной культуры на южнославянскую в XVII–XVIII вв. // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 137–140. DOI: 10.31857/S0869544X0019981-2

The Influence of Ukrainian Verbal Culture on South Slavic Culture in the 17th–18th centuries

© 2022 г. Nikita I. Tolstoy

(Publication by Svetlana M. Tolstaya)

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

smtolstaya@yandex.ru

¹ Впервые статья опубликована на украинском языке: *М.И. Толстой.* Вплив української словесної культури на південнослов'янську в XVII–XVIII ст. // *Тези доповідей VI Української славистичної конференції*, 13–18 окт. 1964. Чернівці, 1964. С. 103–106. В настоящем издании текст публикуется по авторской машинописи, сверенной с рукописью.

Abstract. In the XVII–XVIII centuries, Ukrainian verbal culture played the role of an important link between the culture of Eastern and Southern Slavs (as well as of Vlaho-Moldovans) and served as a source and sometimes a model for a number of literary works and even norms of the literary language of Serbs, Croats, Vlaho-Moldovans, and partly for Bulgarians and Russians.

Keywords: Ukrainian literature of the XVII–XVIII centuries, literary language, Kiev Academy, translations, South Slavs, cultural influence.

Reference for citation: *Tolstoy Nikita I. (Publication by Svetlana M. Tolstaya). The Influence of Ukrainian Verbal Culture on South Slavic Culture in the 17th–18th centuries // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2022. No 3. P. 137–140. DOI: 10.31857/S0869544X0019981-2*

Связи и влияния восточных и южных славян в области литературы и литературного языка были обоюдными на протяжении многих веков. В период до XVI в. превалировало влияние южных славян на восточных; с XVII в. начинается достаточно интенсивный обратный процесс. В нашу задачу входит освещение лишь одной стороны процесса: влияние восточнославянской, и даже несколько уже – украинской языковой культуры на литературный язык южных славян в период XVII–XVIII вв.

Элементы влияния книжной культуры восточных славян на южных наблюдаются еще в эпоху Киевской Руси, когда в сербской и болгарской литературе появляется «Житие Бориса и Глеба», «Слово о законе и благодати» и «Послание к брату столпнику» митрополита Илариона, «Слово о вере варяжской» Феодосия Печерского, «Житие Феодосия Печерского» Нестора, «Притча о белоризце» Кирилла Туровского, «Пролог», сборник «Пчела» и др. (см. труды А.И. Соболевского, М.Н. Сперанского, В.А. Мошина, Б. Ангелова и др.). Это проникновение продолжается в XIV–XVI вв., притом для начала XVI в. интересно отметить деятельность ряда «русских» (украинских) книжников в южнославянской среде на среднем Дунае: таковы были переписчики дьяк Елисей из Каменец Подольска (конец XV в.) и Андрей Русин из Санок (начало XVI в. – 1513 г.) и оригинальный писатель Василий Никольский из Закарпатья (начало XVI в.).

Довольно значительные в историко-культурном и историко-литературном плане факты влияния до XVII в. были в плане языковом интересны исключительно как свидетельство широты функциональной сферы единого древнеславянского литературного языка, отличающегося лишь более или менее значительными локальными вариантами. Для этой эпохи еще не характерно проникновение отдельных типичных «украинизмов» в книжный язык южных славян. К началу XVII в., вероятно, относится распространение Острожской библии и ряда других, достаточно многочисленных изданий «южнорусских» (украинских) друкарен. Авторитет Острожской библии в среде православных балканских славян и католиков-глаголитов был очень высок.

С середины XVII в. до середины XVIII в. спорадически наблюдается проникновение в литературный язык южных славян, главным образом сербов и хорватов, пользующихся глаголическим письмом, ряда «украинизмов», заимствованных не из украинской народной речи непосредственно, а из позднего древнеславянского языка Киевского центра и отчасти из «русской мовы» (на протяжении XVII в. этот процесс с гораздо большей интенсивностью наблюдается в Московской Руси). Влияние украинской словесной культуры

проявляется в двух сферах славянского юга: у православных сербов и отчасти болгар (через Афон, Молдавию и Валахию и косвенно – Москву) и у хорватских католиков-глаголитов (через Рим).

В XVII в. заметный след в сербской литературе оставил украинец («русин родом») Самуил Бакачич, подвизавшийся на Афоне и переведший «на языкъ сръбскій отъ рускаго» «Мессию правдивого» Иоанникия Галятовского (перев. 1669), с греческого «Грешных спасение» Агапия Ландоса (перев. 1684–1697), «Парадигмату или приклады» (перев. 1687) и др.

В XVIII в. «Меч духовный» Лазаря Барановича в 1736 г. переводит на сербский язык, близкий к народному, Гаврило Стефанович Венцлович, оставляя, однако, некоторые языковые особенности оригинала. Ему принадлежит перевод (1740 г.) отрывков из «Труб словес проповедных» того же Лазаря Барановича. В венецианской типографии для южных славян перепечатывается «Катехизис» Петра Могилы (1764) и ряд других киевских изданий. Широкой популярностью среди сербов и болгар пользуются сочинения Феофана Прокоповича; в славеносербской литературе известны его труды в виде «переводов», редакций и перепечаток («Теологическое тело», «Краткие сказания...», «Краткое толкование законного десятисловия...»). Часть этих редакций принадлежит перу Иоанна Раича, автора ряда оригинальных произведений и компиляций из «Камня веры» Стефана Яворского (1751). Наконец, Мануил (Михаил) Козачинский оказывается среди сербов не только одним из пионеров школьного дела, но и первым драматургом (см. его «Трагедию о смерти царя сербского Уроша Пятого» (1733), переработанную Иоанном Раичем в 1798 г.). См. труды Й. Скерлича, Дж. Радойчича, П.А. Кулаковского, С.И. Маслова и др.

Киевская Академия становится основным центром высшего духовного и гуманитарного образования славян Восточной Европы и Балкан. Значительное число ее воспитанников, украинцев по национальности, становятся учителями сербских школ. В ее стенах учится много сербов и болгар, будущих учителей и писателей (в том числе и знаменитый Иоанн Раич). Не меньшую культурную роль играют книги киевской и львовской печати, имевшие необычайно широкое распространение среди южных православных славян, ревниво относившихся к «чистоте риз» и опасавшихся униатских «подделок».

В качестве основной учебной литературы в сербских школах XVIII в. был «Букварь» Феофана Прокоповича, «Грамматика» Мелетия Смотрицкого и «Лексикон» Феодора Поликарпова. «Грамматика» Смотрицкого была распространена также среди болгар и хорватов-глаголитов, где одно время считалась образцовой.

Важную роль в далматинской глаголической среде сыграла Острожская библия. Затем следует отметить глаголические издания «Наук карстіански» (1628), «Азбукикидніак словинский иже опщенним начином називает се псалтериш» (1629), Служебник – *Missale* (1631), часослов и псалтырь (1648) Рафаила Леваковича со значительным числом русских и «южнорусских» (украинских) черт. Часослов и служебник (миссал) были переизданы (в 1688 и 1706 гг.) Иваном Пастричем. Дело Р. Леваковича и И. Пастрича продолжали в XVIII в. Мате Караман, Матия Сович, надбискуп (архиепископ) Камузиэ и др.

Украинское влияние на хорватов-глаголитов было связано с деятельностью Конгрегации *de propaganda fide*, где хорваты встречались с униатами украинцами (Мефодий Терлецкий, Иосафат Исакович, Филипп Боровичский). Римская

курия возлагала надежды на расширение унии и стремилась воспрепятствовать распространению «схизматических» книг среди южных славян, украинцев и белорусов. Именно поэтому она временно поддерживала издание книг на языке «общем» для южных и восточных славян. Далматинцы-глаголиты, тесно связанные с народом, использовали эту обстановку для борьбы с интенсивным процессом латинизации их культуры. То, что могло быть реакционным в среде восточных славян, сербов, болгар и македонцев, возымело прогрессивную роль в среде хорватов-католиков. К тому же глаголица оставалась непонятной вне Далмации (так же как часто в Далмации была непонятна кириллица) и не находила в то время распространения у остальных славян (см. труды Е.Ф. Шмурло, Й. Радоница, В. Ягича, М. Мурко и др.).

Следует отметить также очень значительную посредническую роль Молдавии, Валахии и Трансильвании, где украинская языковая культура имела глубокие корни и традиции и была связана с деятельностью не только Петра Могилы, но и таких видных представителей славянского просвещения в румынских землях, как Удриште Нестурел (XVII в.), Райча Думитрашко (XVII в.), Паисий Величковский (XVIII в.) и др. См. труды П.П. Панаитеску, Д.П. Богдана, П. Ольтяну и др.

Таким образом, в XVII–XVIII вв. украинская словесная культура играла роль важного связующего звена между культурой восточных и южных славян (а также влахо-молдован) и служила источником, а иногда и образцом для целого ряда литературных произведений и даже норм литературного языка сербов, хорватов, валахов, молдаван, а отчасти болгар и великороссов. Это свидетельствует о ее богатстве и высоком международном (межславянском) авторитете в ареале «греко-славянского мира» и в среде латинской образованности — в Риме и в кругу далматинских хорватов-глаголитов.

Сведения о публикаторе

Светлана Михайловна Толстая,
доктор филологических наук,
профессор, академик РАН,
зав. Отделом этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения Российской
академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4531-0024
E-mail: smtolstaya@yandex.ru

Information about the publisher

Tolstaya Svetlana M.,
DSc. (Philology),
Professor, Academician of the Russian Academy
of Sciences, Head of the Department
of Ethnolinguistics and Folklore.
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4531-0024
E-mail: smtolstaya@yandex.ru

Международная научная конференция
«Комиссия историков России и Польши в начале XXI века:
итоги, задачи и перспективы»

© 2022 г. Б.В. Носов, К.А. Кочегаров

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

bnossov@mail.ru, kirill-kochegarow@yandex.ru

Ссылка для цитирования: *Носов Б.В., Кочегаров К.А.* Международная научная конференция «Комиссия историков России и Польши в начале XXI века: итоги, задачи и перспективы» // *Славяноведение*. № 3. С. 141–147. DOI: 10.31857/S0869544X0019982-3

International Scientific Conference
«The Commission of Russian and Polish Historians
at the Beginning of the 21st Century: Results, Tasks, Perspectives»

© 2022. Boris V. Nosov, Kirill A. Kochegarov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Science
(Moscow, Russian Federation)

bnossov@mail.ru, kirill-kochegarow@yandex.ru

Reference for citation: *Nosov Boris V., Kochegarov Kirill A.* International Scientific Conference «The Commission of Russian and Polish Historians at the Beginning of the 21st Century: Results, Tasks, Perspectives» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie*. 2022. No 3. P. 141–147. DOI: 10.31857/S0869544X0019982-3

Уже более полувека начиная с 1969 г. Комиссия историков России и Польши регулярно проводила свои двусторонние научные конференции, в которых неизменно принимали участие ведущие ученые. Нередко к ним присоединялись историки из других стран. Эти конференции проходили поочередно в России (в СССР) и в Польше, большей частью в Москве и в Варшаве. Их также принимали и другие города, университетские и научные центры обеих стран, например Минск, Смоленск, Псков, Казань или же Гданьск, Плоцк, Пултуск. Конференции Комиссии историков России и Польши стали в начале XXI в. важным мероприятием в программе Дней польской и российской науки, которые в торжественной обстановке проходили с 2001 по 2011 г.

Конференция 2021 года занимает в этом ряду особое место. По плану она в этом году должна была проходить в Москве, ее подготовка активно развернулась и в России, и в Польше. Однако коронавирусная пандемия, кардинально повлиявшая на все стороны нашей общественной и научной жизни, внесла в эти планы принципиальные изменения. Транспортное сообщение между

Россией и Польшей прервалось, научные связи и контакты, как и личное общение ученых, были крайне ограничены и вынужденно переместились в пространство Интернета. Поэтому российская и польская стороны пришли к общему решению: в надежде на изменение внешней ситуации к лучшему перенести очередную московскую конференцию на 2022 г., а в 2021 г. провести внеочередную конференцию в сети Интернет. С технической стороны это было ответственное и неординарное решение из-за отсутствия подобного опыта в истории Комиссии. Надо сказать, что оргкомитет, технической частью работы которого руководила секретарь Комиссии Л. П. Марней, по моему мнению, успешно справился с этой отнюдь не простой задачей, разрешив все возникшие проблемы. Другой существенно важной проблемой стал выбор темы нашей конференции: во-первых, в последние два-три года и в России, и в Польше, и в целом на международной арене проблемы исторического прошлого обсуждаются с возрастающей интенсивностью и все больше приобретают в общественном мнении политизированный характер; во-вторых, межгосударственные и политические отношения России и Польши развиваются в последние годы по нисходящей линии, что не может не вызывать обеспокоенности и сожаления; в-третьих, как уже было отмечено выше, пандемия и ее последствия наложили отпечаток на все стороны общественной жизни. Поэтому оценка работы Комиссии историков, тенденций развития исторической науки в России и в Польше, обсуждение перспектив российско-польского научного сотрудничества и актуальных задач Комиссии историков России и Польши приобретают особое значение. Этими обстоятельствами был обусловлен выбор темы московской конференции, которая и вынесена в заглавие нашего обзора.

Организатором работы конференции выступила российская часть Комиссии историков России и Польши, центром ее проведения – Институт славяноведения РАН. Конференция проходила в Москве 27–28 октября 2021 г. В ее работе приняли также участие члены Комиссии, представлявшие Институт российской истории РАН, Московский государственный университет, Казанский университет, Высшую школу экономики, Институт истории науки ПАН, Варшавский университет, Университет им. Яна Кохановского (Кельце).

В докладах, представленных на конференции, и в выступлениях участников дискуссии был поставлен ряд важных научных проблем. Думается, что первое место (по значению) принадлежало проблемам методологии исторической науки. Соответствующие вопросы были поставлены в докладах сопредседателей комиссии Л. Заштовта («Между традиционализмом и постмодернизмом: к вопросу о методологии изучения новейшей истории стран и народов Центральной и Восточной Европы») и Ю. А. Петрова («Комиссия историков России и Польши и задачи исторического образования»), а также Я. Шумского («Из истории Комиссии историков России и Польши: опыт научного анализа»).

Докладчики, хотя и по-разному, обосновали общий вывод, что рубеж третьего тысячелетия ознаменован вступлением человечества в новую историческую эпоху, принесшую с собой новые угрозы и вызовы, которые историческая наука еще не осознала. В этом, по мнению Л. Заштовта, коренятся причины кризиса исторической науки, выход из которого докладчик видит в расширении проблемного и тематического пространства изучаемых конкретных исторических явлений и процессов. Обобщение результатов этих исследований позволит развить наши представления о единстве исторического процесса и о его закономерностях. Ю. А. Петров, отмечая принципиальное методологическое значение концепции единства исторического процесса, подчеркнул, что преодоление субъективизма в исторических исследованиях играет немаловажную роль еще и потому, что под тезисом о праве историка на субъективный подход и на некую оригинальную интерпретацию явлений и процессов исторического прошлого нередко скрываются привнесенные в науку извне политизированные суждения, не способствующие поиску истины. Докладчики были единого мнения в том, что проблемы методологии должны занимать достойное место в работе Комиссии, ее задачей является не определение неких общих и согласованных стандартов методологии, как это бывало в нашем советском прошлом, а развитие свободной не политизированной дискуссии по методологическим проблемам между российскими и польскими учеными. Выступивший в дискуссии Л. Е. Горизонтов выразил мнение, что примером общего подхода к изучению исторического процесса могла бы стать концепция модернизации. Ю. А. Петров отметил в ответ, что упоминаемая концепция основана на представлении о некой норме или стандарте «современности» в применении к историческому развитию, что последнее само по себе не поддается определению. Поэтому, по его словам, теория модернизации может иметь строго ограниченное применение только в отношении коротких исторических периодов и лишь отдельных конкретных стран, как, например, Россия эпохи Петра I или Речь Посполитая времени Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг. В докладе Л. Заштовта прозвучал, в частности, тезис о положительном влиянии французской Школы «Анналов» на историографию стран Центральной и Восточной Европы, что в известной мере способствовало во второй половине XX в. преодолению в Польше и в России (в СССР) ограниченности официальной марксистской

методологии. Поддержав тезис польского коллеги, чл.- корр. РАН Б.Н. Флоря, отметив в этой области вклад Комиссии историков России и Польши, подчеркнул, однако, что, говоря о Школе «Анналов», следует различать значение трудов ее основателей и поздних эпигонов. Влияние последних было, скорее, негативным, поскольку те в погоне за формальным новаторством и сомнительной сенсационностью отошли на позиции крайнего субъективизма.

В упомянутых докладах Ю.А. Петрова и Л. Заштовта видное место отводилось проблемам современного исторического образования. «Новое поколение, — подчеркнул Л. Заштовт, — особенно восприимчиво не только к словам, но и к образам. Это поколение, смотрящее клипы, фильмы, читающее комиксы и погруженное в Интернет, обладает специфическим образно-эмоциональным мировоззрением. Поэтому в преподавании истории сегодня важен будет не только и не столько выбор тем и проблем, но, прежде всего, способ их презентации, и в этой связи — отход от традиционных лекций в пользу повествований, обогащенных обращением к современным явлениям, повествований визуализированных и с учетом индивидуальных особенностей реципиентов». В этой связи, заключил Л. Заштовт, «революционные преобразования» в содержании и в методике преподавания истории вполне назрели.

Говоря о проблемах исторического образования, Ю.А. Петров отметил, что в работе Комиссии нашли отражение не только сугубо проблемы фундаментальной науки, но также и в значительной степени формирование в обществе системы исторических знаний. Он сослался на примеры последних лет, когда конференции были посвящены проблемам истории университетов и высшей школы, а также на участие членов Комиссии с российской и польской стороны в подготовке серии книг для российских и польских учителей, посвященных общей истории России и Польши в сравнительном изложении с XIV в. и до наших дней. Остановился докладчик и на работе Конгресса преподавателей истории в начале октября 2021 г. в Москве, в котором он руководил секцией. Петров отметил «два принципиальных тезиса: во-первых, о недопустимости конъюнктурного, антинаучного искажения истории и, во-вторых, что формирование новых концепций и интерпретаций должно осуществляться на основе всестороннего анализа исторического процесса, анализа конкретного соотношения сил и тенденций в конкретной исторически определенной ситуации, исключая догматический подход на основе антиисторического представления о неких трансэкзистенциальных ценностях». Возвращаясь к проблемам преподавания истории, он детально остановился на поднятом на Конгрессе вопросе о привлечении учащихся (школьников и студентов) к непосредственной работе с историческими источниками, в том числе и с архивными материалами, особо отметив, что важнейшим звеном в этой работе должны быть профессиональные историки: исследователи, источниковеды, комментаторы и, в первую очередь, преподаватели. Как отмечалось в дискуссии, затронутые в докладах сопредседателей Комиссии вопросы имеют принципиальное значение для совершенствования ее работы.

Тема преподавания истории Польши в Московском университете была рассмотрена в докладе Г.Ф. Матвеева («Подготовка полонистов в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова»). Именно МГУ принадлежала роль первопроходца в России и в СССР в деле подготовки профессиональных историков-полонистов, начало чему было положено еще в конце 1930-х годов. Докладчик охарактеризовал вклад выдающихся ученых кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ в развитие исторической науки и в подготовку специалистов по истории Польши. Остановился он на учебных программах и на методике преподавания. Особый интерес слушателей вызвал данный Матвеевым анализ сегодняшней практики работы университета и кафедры в условиях перманентной реформы высшего образования в России в 1990–2000-е годы. Участники дискуссии отметили, что с аналогичными проблемами столкнулись и польские университеты. Прозвучала также мысль, что отмеченные негативные тенденции в не меньшей степени присутствуют и в университетах Западной Европы и в Америке. Главный вывод Матвеева, что магистральным путем совершенствования преподавания и подготовки специалистов является максимальный учет и раскрытие творческого потенциала студента, его заинтересованности в исследовательской работе уже на стадии специализации по кафедре, оказался созвучным аналогичному тезису Л. Заштовта о значении индивидуализации и личностной ориентации педагогической работы в высшей школе и, прежде всего, на университетском уровне. Матвеев особо остановился на вопросе о сотрудничестве коллектива кафедры с Комиссией историков России и Польши, которое внесло существенный вклад в развитие связей ученых Московского университета с учеными Польской академии наук и ведущих польских университетов, отметив, в частности, что профессора из Польши нередко принимают участие в проводимых в МГУ научных конференциях, посвященных проблемам российской истории.

Б.Н. Флоря в докладе «Комиссия историков России и Польши — актуальные задачи», говоря о «переплетении исторических судеб России и Польши», указал, что следствием этого «стало

присутствие на территории Польши источников, важных для изучения русской истории, а на территории России — источников, важных для изучения польской истории». Он подчеркнул, что в силу разных объективных причин, например из-за перемещения и эвакуации архивных и музейных ценностей во время войн, такие исторические источники по воле случая могли оказаться в различных архивных собраниях и музейных коллекциях. Поэтому Комиссия историков России и Польши могла бы выступить с инициативой составления на двусторонней основе каталога или описи таких исторических источников польского и русского происхождения. Разумеется, подобная работа требует преодоления немалых формальных трудностей, прежде всего выделения для ее реализации двустороннего финансирования и выработки соответствующих критериев поиска, выявления и отчетности. Однако, полагает Б.Н. Флоря, Комиссия может дать импульс к началу столь важной для науки обеих стран работе.

Говоря об актуальных исследовательских проблемах, стоящих перед историками обеих стран, он обратил внимание на то, что в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени на территории и России, и Польши (Речи Посполитой) наблюдается сходная картина главных процессов социально-экономического развития (правда, при условии существенных различий, хотя последние не носили принципиальный характер). Упомянутое сходство выявилось особенно ярко с формированием в обеих странах крепостнических отношений. Вместе с тем, в те же самые исторические периоды в обеих странах складываются совершенно разные модели отношений государственной власти и дворянского (шляхетского) сословия. В Польше, в России и в Литве названная социально-политическая система просуществовала более трехсот лет, до середины XIX в., что, безусловно, нуждается в сравнительно-историческом изучении историками трех стран. Свой вклад в организацию этой работы, констатировал Б.Н. Флоря, может внести Комиссия историков России и Польши.

Упомянутый тезис об общих чертах и особенностях социально-экономического и политического развития России и Польши Нового времени получил развитие в докладе *Б.В. Носова* «Комиссия историков России и Польши и российские исследования по проблемам истории Польши XIX в.». Докладчик отметил, что в новейшей российской и польской историографии существенно пересматриваются концепции развития России и Польши XIX в. по всем направлениям — от процессов экономического и социального развития до истории общественного движения и культуры. Пересмотр часто сопровождается огульным отрицанием достижений предшествовавшей историографии. Объективная аргументированная критика, отметил Носов, — естественный процесс развития научного знания, однако отрицание вкладов предшественников в науку без критического анализа только на основании «устарелости» или идеологической неактуальности противоречит логике развития науки и свидетельствует о наличии существенных кризисных тенденций, что послужило основанием обратиться к анализу вклада российской части Комиссии историков в исследования процессов трансформации России и Польши в XIX в. Этот круг проблем, как показал докладчик, занимал одно из центральных мест в работе Комиссии на протяжении всей ее деятельности, особенно в 1990-е и в 2000-е годы.

Обсуждение проблемы общности исторических судеб России и Польши в рамках европейской истории и культуры, начатое Б.Н. Флорей, было продолжено в докладах польских участников конференции, посвященных выдающимся польским ученым — признанным специалистам по истории России XIX в. *В. Цабан* и *П. Глушковский* представили доклад «Деятельность профессора Виктории Сливовской в Комиссии историков в контексте ее научных исследований». Докладчики особо отметили роль Сливовской в развитии творческого сотрудничества ученых России и Польши. Существенным вкладом в общее дело стала ее книга под говорящим заглавием «Россия — наша любовь», написанная совместно с мужем Рене Сливовским. В настоящее время готовится к изданию ее перевод на русский язык. Все это сыграло решающую роль, когда в 1998 г. Сливовская возглавила польскую часть Комиссии историков. О ее вкладе в польскую и российскую историческую науку не раз писали и польские, и русские авторы, в том числе и профессор *В. Цабан* [2. С. 81–94], однако в данном докладе в центре внимания оказался, по нашему мнению, важный этап, когда, возглавив комиссию, Сливовская провела первую в своём новом статусе польско-российскую конференцию, посвященную новейшей польской и российской историографии с публицистически заостренным подзаголовком: «Произошел ли поворот?». Действительно, в 1990-е годы и российская, и польская наука пережили тяжелые времена, вызванные системной трансформацией социально-политических отношений, в ходе которой Польской и Российской академиям наук удалось сохранить и возродить на новых основах традиции российско-польского научного сотрудничества. Это в полной мере касалось и Комиссии историков России и Польши. Не случайно конференция 1999 г. была посвящена новейшей историографии, поскольку тогда, более двадцати лет тому назад, как и сегодня, нам предстояло ответить на вопросы об оценке сделанного, о дальнейших путях развития исторической

науки и о задачах Комиссии историков. На конференции 1999 г., труды которой в полном объеме, к сожалению, не были опубликованы и не сохранились, развернулась дискуссия между, говоря условно, «традиционалистами» и «обновленцами». Первые утверждали, что достижения историографии 1980-х годов оптимальны и лишь нуждаются в дополнениях в контексте раскрытия так называемых белых пятен. «Обновленцы», напротив, заявляли, что сам факт крушения СССР является якобы неопровержимым доказательством несостоятельности и ложности как методологии, так и содержания, условно говоря, всей «советской» историографии, что вся историография новейшей истории должна быть создана заново и на новых идеологических основаниях. В связи с этим встает вопрос, какое содержание в понятие «поворот», вкладывала Сливовская, когда формулировала тему конференции. Она сама говорила, что не приемлет превращение исторической науки в «мартирологию», т.е. идеологическое отрицание предшествующей историографии. Она выступала за исследование истории во всей ее противоречивости, против как коммунистического, так и антикоммунистического догматизма, против национальной ограниченности исторического знания, тем более против националистического толкования прошлого как польским обществом, так и российским. Как констатировали П. Глушковский и В. Цабан, аналогичные вопросы встают перед российскими и польскими историками и сегодня.

Тема места и роли России, а также значения польско-российских отношений в международной политике и в развитии культуры европейских народов была поднята в докладе *И. Шиллер-Валицкой* «Профессор Анджей Валицкий и его видение исследования России и русской общественной мысли». Действительный член Польской академии наук Анджей Валицкий (1930–2020) широко известен в России как выдающийся философ и историк, как специалист по истории русской общественной мысли и русской литературе XIX–XX вв. (см. [1]). Его труды получили заслуженную высокую оценку в нашей стране, что только подтверждается их многочисленными переводами на русский язык. В центре представленного доклада были вопросы сотрудничества А. Валицкого с Комиссией историков России и Польши, а также проблемы формирования образа России в общественном сознании современной Польши, чему была посвящена последняя книга Валицкого, опубликованная незадолго до его кончины. На основе материалов данной книги, личного архива ученого, а главное, личного общения И. Шиллер-Валицкая показала, что Валицкий выступал последовательным критиком политики нынешнего польского правительства в отношении России. Он исходил из общности исторической судьбы народов России и Польши, обосновывая этот тезис философски, исторически и с культурно-исторической точки зрения, несмотря на своеобразие польской и российской цивилизаций. С политической точки зрения, из этого вытекала объективная потребность конструктивного сотрудничества и взаимного учета интересов двух стран в рамках единого европейского пространства.

Как уже отмечалось в докладе Ю.А. Петрова, одно из главных направлений в работе Комиссии историков со времени ее основания была публикация и введение в научный оборот исторических источников. Среди достижений последних лет в этой области он отметил работу А.Ф. Носковой над публикацией документов по истории российско-польских отношений 1943–1945 гг. С докладом об этой публикации на конференции выступила и сама *А.Ф. Носкова* («Комиссия историков России и Польши и новейшие публикации архивных документов по истории советско-польских отношений»). Задачей доклада, по ее словам, было проанализировать ход работ над проектом Федерального архивного агентства России по изданию специального сборника «СССР и польское военно-политическое подполье». Хронологические рамки публикации: апрель 1943 г., когда были приостановлены официальные отношения СССР и польского правительства в Лондоне, и до конца 1945 г., когда на освобожденной Красной армией территории Польши власть перешла к объединенным вокруг Польской рабочей партии (ППР) левым силам. Отбором документов, их источниковедческой критикой и научным комментированием занимался главным образом Институт славяноведения РАН, причем на долю Носковой как составителя и комментатора легла основная тяжесть работы. При выявлении необходимых документов был принят за основу принцип сочетания впервые введенных в научный оборот архивных источников и уже изданных, в том числе рассекреченных в СССР/России советских материалов, а также материалов польского, английского, американского происхождения, опубликованных за рубежом, включая англоязычные издания документов польского правительства и его подполья.

Важное место в работе конференции заняли доклады по истории Комиссии. В центре внимания доклада *Л.П. Марней* «Научные связи России и Польши (СССР–ПНР) во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов: двусторонние комиссии – опыт сотрудничества» оказалась кризисный период в истории России и Польши, когда обе страны, пройдя через период распада социалистической системы, вступили в сложный этап социально-политической трансформации. В эти годы произошли

существенные изменения в системе научных учреждений обеих стран, возник ряд организаций, комиссий и групп, претендовавших на роль организатора и координатора международного научного сотрудничества, а разногласия в оценках тех или иных исторических событий и процессов становились основанием для политических интриг и кадровых манипуляций, когда критически нарушилась выстроенная ранее система научных публикаций, в том числе и публикаций трудов Комиссии историков России и Польши. Думается, что представленный доклад Марней станет важным шагом в исследовании этого сложного и противоречивого периода в развитии сотрудничества и контактов историков России и Польши.

К вопросам истории Комиссии обратились сотрудники Казанского университета *И.И. Шарифжанов* и *В.Е. Туманин*, выступившие с докладом «Казанский университет и деятельность Комиссии историков России и Польши», который заслуживает особого внимания, по меньшей мере, по двум причинам: во-первых, сотрудничество с региональными центрами России и Польши всегда было одним из основных направлений работы Комиссии, что остается ее важнейшей задачей и сейчас. И во-вторых, в 1990-е годы Казань и Казанский университет внесли в этот трудный период важнейший вклад в работу Комиссии, став центром проведения ряда научных конференций, в организации которых огромная заслуга принадлежит члену Комиссии профессору, заслуженному деятелю науки РФ *И.И. Шарифжанову*.

На октябрьской конференции 2021 г. в Москве главное внимание было уделено задачам и перспективам работы Комиссии историков России и Польши. Обзор конференции был бы не полон, если не остановиться кратко на применении в ее работе передовых цифровых технологий. В начале обзора мы писали, что конференция вынужденно проходила в онлайн-формате, что было нашим первым опытом в проведении российско-польских научных форумов. Однако тема цифровизации этим на конференции не ограничилась. С докладом выступил директор Института истории науки РАН профессор *Я. Сошинский* («Цифровизация в гуманитарных науках и ее важность для российско-польских исследований: на примере исследования происхождения книги»). В докладе речь шла о значении для науки создания «банка» электронных копий материалов архивных и библиотечных собраний, имеющих особое значение для исследователей из разных стран. В этом отношении тезисы *Я. Сошинского* перекликались с предложениями, выдвинутыми *Б.Н. Флорей*. Вместе с тем польский ученый на конкретных примерах (в том числе изучения книг из библиотеки *Н. Коперника*) показал, как составление компьютерных баз данных и оцифровка редких книжных собраний помогает значительно интенсифицировать процесс реконструкции тех или иных книжных собраний, которые ранее считались утраченными, будучи рассеяны по самым разным книгохранилищам, в том числе заграничным, в результате войн и различных политических катаклизмов.

Подводя итоги конференции, профессор *Лешек Заштовт* и профессор *Ю.А. Петров* констатировали, что проделанный анализ и внесенные рекомендации свидетельствуют о позитивном характере сотрудничества историков России и Польши, что Комиссия историков России и Польши, опираясь на накопленный потенциал, уверенно строит планы на будущее, и выразили надежду на их успешную реализацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Носов Б.В.* История русской общественной мысли XIX – начала XX века в научном наследии Анджея Валицкого // Славяноведение. 2021. № 3. С. 122–133.
2. *Цабан В.* Профессор Виктория Сливовска – исследователь истории России и ссыльных поляков в Сибири XIX века // Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши) / отв. ред. *Н.А. Макаров*. М.: Индрик, 2017. С. 81–94.

REFERENCES

- Nosov B.V. Istoriia russkoi obshchestvennoi mysli XIX – nachala XX veka v nauchnom nasledii Andzheia Valitskogo. *Slavianovedeniye*, 2021, no. 3, pp. 122–133. (In Russ.)
- Tsaban V. Professor Viktoriia Slivovska – issledovatel' istorii Rossii i ssyl'nykh poliakov v Sibiri XIX veka. *Rossia v pol'skoi istoriografii, Pol'sha v rossiiskoi istoriografii (k 50-letiu Komissii istorikov Rossii i Pol'shi)*, ed. *N.A. Makarov*, Moscow, Indrik Publ., 2017, pp. 81–94. (In Russ.)

Информация об авторах

Information about the author

Носов Борис Владимирович,
доктор исторических наук,
зав. Отделом истории славянских народов
Центральной Европы в Новое время,
Институт славяноведения Российской
академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4253-1259>
E-mail: bnossov@mail.ru

Nosov Boris V.,
DSc. (History), the head of Department
of the history of Slavic nations of the Central
Europe in the Modern Times.
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4253-1259>
e-mail: bnossov@mail.ru

Кочегаров Кирилл Александрович,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела истории славянских народов
Центральной Европы в Новое время,
Институт славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9877-7381>
e-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

Kochegarov Kirill A.,
Ph D. (History), Senior Research Fellow
of Department of the history of Slavic nations
of the Central Europe in the Modern Times.
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9877-7381>
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

НЕКРОЛОГИ

Славяноведение, 2022, № 3, с. 148–150

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 3, pp. 148–150

Памяти Виктории Сливовской (1931–2021)

© 2022 г. Б.В. Носов

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

bnossov@mail.ru

Ссылка для цитирования: *Носов Б.В.* Памяти Виктории Сливовской (1931–2021) // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 148–150.

In memory of Victoria Slivovska (1931–2021)

© 2022. Boris V. Nosov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

bnossov@mail.ru

Reference for citation: *Nosov Boris V.* In memory of Victoria Slivovska (1931–2021) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie*. 2022. No. 3. P. 148–150.

27 декабря 2021 г. ушла из жизни Виктория Сливовская – выдающийся польский историк, профессор, почетный доктор Российской академии наук, специалист по истории Польши и России XIX в. Ее труды по истории польского и русского освободительного движения вошли в золотой фонд не только польской, но и российской историографии. Научное творчество В. Сливовской, как и ее жизненный путь, были неразрывно связаны с Россией.

Научная карьера Сливовской берет начало в 1953 г. в семинаре С. Кеневича, и с этого времени её научная работа проходила в Институте истории Польской академии наук (ПАН), сотрудником которого В. Сливовская оставалась до последних дней. Под руководством С. Кеневича она проводила исследования в российских, белорусских, литовских и украинских архивах, выявляя, изучая и комментируя исторические источники для не имевшей аналогов в исторической науке и для своего времени новаторской 25-томной публикации по истории польского Январского восстания 1863 г. Издание этого труда, подготовленного Институтом истории ПАН и Институтом славяноведения АН СССР, коллективом польских и советских историков под руководством С. Кеневича и И.С. Миллера, осуществлялось параллельно в Польской народной республике и в СССР. На завершающем этапе реализации этого проекта, в конце 1970-х годов, В. Сливовская стала одним из его руководителей.

Выдающуюся роль сыграла В. Сливовская в осуществлении и другого фундаментального российско-польского научного проекта Института истории ПАН и Института славяноведения РАН, начатого еще в 1970-е годы по инициативе И.С. Миллера, С. Кеневича и В.А. Дьякова: «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX века. Исследования и материалы». Именно на долю В. Сливовской в ходе осуществления этого фундаментального издания выпала нелегкая роль выполнить львиную долю работы в качестве исследователя архивов, автора, комментатора, составителя и руководителя авторского коллектива польских и российских ученых. Выходившие в свет с 1980-х годов под ее руководством в сложных политических и финансовых условиях (особенно в 1990–2000-е годы) в Польше тома этого

издания не лишены недостатков, обусловленных объективными трудностями в период его создания. Тем не менее, в совокупности с публикацией документов Январского восстания 1863 г. оба эти многотомные издания представляют собой уникальное по составу и по работе составителей, комментаторов и авторов явление в мировой исторической науке, когда усилиями историков двух стран был введен в международный научный оборот комплекс разнообразных по происхождению, форме и содержанию исторических источников по социально-политической истории Польши и России XIX в. Роль В. Сливовской в решении этой беспримерной задачи едва ли можно переоценить.

Упомянутыми трудами, разумеется, не ограничивается ее вклад в изучение истории Польши и России XIX в. Ее перу принадлежит ряд новаторских и для польской, и для российской историографии монографий, в том числе об А.И. Герцене и Николае I. При этом для исследовательской лаборатории Сливовской и для ее научного стиля было всегда характерно сочетание, с одной стороны, максимально аутентичного воспроизведения и анализа каждого исторического источника, а с другой – в высшей степени корректное его включение в ткань авторского повествования и в контекст описываемой эпохи. Наиболее характерным примером такого рода трудов польской исследовательницы стали публикации дневников президента Варшавы (главы городской администрации) Сократа Старынкевича и польского ссыльного Юлиана Собиньского. Говоря о вкладе Сливовской в польскую и российскую историографию следует упомянуть, что, благодаря ее усилиям, в частности переводческой деятельности, на польском языке был опубликован ряд монографических исследований российских историков (О.П. Морозовой, Ю.И. Штакельберга, Н.Я. Эйдельмана и др.).

И все же главной темой научных исследований В. Сливовской на протяжении многих лет стала история польской политической ссылки в Российской империи в XIX в. Она опубликовала несколько фундаментальных монографий, многочисленные статьи и уникальные справочные издания, а также памятники мемуарной литературы. Однако этот перечень, впечатляющий сам по себе, нуждается в существенном дополнении. Работая над темой «Польская Сибирь», В. Сливовская объединила вокруг себя плеяду польских исследователей, образовавших Сибирскую комиссию ПАН, а также большую группу российских ученых – исследователей и архивистов – из регионов российского европейского Севера, Приуралья, Сибири и Дальнего Востока. С этой целью, а также стремясь ближе познакомиться с российской провинцией и посетить территории и памятные места, где некогда довелось провести многие годы героям ее повествований, В. Сливовская объехала Россию от Архангельска и Вологды, до Иркутска и Якутска, совершив даже путешествие по Транссибирской магистрали. Во многом благодаря научному энтузиазму В. Сливовской, на Севере и за Уралом активизировались научные исследования, посвященные политической ссылке в России и роли ссыльных в политической, общественной и культурной жизни отдаленных регионов России последней трети XVIII–XX в. Эти исследования успешно продолжают и в наши дни, в частности в рамках серийного издания «Польско-сибирская библиотека», осуществляемого под патронажем Польского культурного центра в Москве.

Многие годы В. Сливовская входила в состав Комиссии историков России и Польши, а в 1998 г. она сменила Ю. Бардаха на посту руководителя польской части комиссии. В годы ее председательства комиссия с российской стороны возглавляли Я.Н. Шапов и В.К. Волков. Во многом благодаря их общим усилиям Комиссия не только продолжила беспереывную работу, но и приумножила свой научный и творческий потенциал. Немаловажную роль Комиссия историков России и Польши сыграла в подготовке и проведении в начале 2000-х годов Дней польской и российской науки соответственно в России и Польше. Как знак признания вклада В. Сливовской в развитие польской и российской исторической науки и в сотрудничество Российской и Польской академий наук в 2001 г. ей было присвоено звание почетного доктора РАН.

Виктория Сливовская происходила из интеллигентной семьи левых социалистических убеждений, что было вполне созвучно общим демократическим и освободительным движениям XX в. за социальную справедливость. Ее детские годы пришлось на время Второй мировой войны и гитлеровской оккупации Польши. Освобождение Польши Красной армией Сливовская, как и ее сверстники и современники из среды левой интеллигенции, восприняли как путь к возрождению независимой Польши, к справедливому общественному устройству. Она не раз вспоминала, что тогда эти настроения были характерны для большинства польского народа.

Этими настроениями объяснялось и ее решение поехать учиться в СССР. Уже на рубеже 1940-х–1950-х годов, будучи в Ленинграде студенткой Педагогического института им. А.И. Герцена, Виктория ближе познакомилась с реалиями, как тогда говорили, «соц. действительности», и идеалистические представления о Стране советов ушли в прошлое. Однако она неизменно позитивно оценивала историческое значение Советского Союза, вполне сознавая объективные противоречия его истории, ее черные и белые страницы. В Ленинграде она познакомилась с будущим мужем – Рене Сливовским, также направленным на учебу в СССР. Именно в Ленинграде Виктория и Рене Сливовские в совершенстве овладели

русским языком и сформировались как специалисты по истории России и русской литературе. Рене Сливовский стал видным литературоведом и переводчиком русской классической и современной литературы. В Ленинграде в 1952 г. родился их сын Анджей.

В работе Виктория и Рене естественно дополняли друг друга, имея в виду органическую и понятную взаимосвязь русской и польской истории с развитием русской и польской литературы. Творческое сотрудничество обогащало их труды весьма существенным историческим и историко-литературным контекстом, а созданные Викторией сочинения отличались характерной образностью изложения. Приходят на память наши с ней разговоры о современной русской литературе, в частности ее тонкие наблюдения и глубокие суждения о прозе Эдуарда Лимонова и Сергея Довлатова или о советской поэзии андеграунда времен оттепели.

Десятилетия, прошедшие после ленинградской учебы, не пропали для Сливовских даром. С каждым годом они поднимались все выше и выше по ступеням профессионального и интеллектуального роста, и на этом пути незаменимую роль сыграли их российские друзья и коллеги из числа историков, литературоведов, писателей, журналистов, театральные деятели. Другими Сливовских были как официально признанные деятели российской науки и культуры, так и представители неконформистской интеллигенции. При этом искреннее дружеское расположение В. Сливовской распространялось в равной мере и на молодых ученых, среди которых довелось тогда быть и мне. Надо ли говорить, что поддержание столь широкого круга общения требовало от В. Сливовской, без преувеличения, титанического труда. Все друзья Сливовских в России были в той или иной мере связаны с ними общими научными и литературными проектами, что требовало от Виктории исключительной рабочей дисциплины и организованности, безукоризненного выполнения взятых на себя обязательств. Это касалось и разного рода помощи и содействия, оказанных ею российским коллегам, вплоть до предоставления своей квартиры на Новом свете приехавшим в Варшаву нуждавшимся русским друзьям. На каждое письмо, присланное из России, Виктория незамедлительно отвечала обязательно по-русски. Впрочем, это вполне распространялось на друзей Сливовских во Франции, в Израиле или в США. К помощи Сливовских не раз приходилось прибегать и мне. Однако самую большую мою благодарность я приношу Виктории, за то, что в 1990 г. она познакомила меня с Лукашем Конджелей, ставшим самым дорогим моим польским другом.

Политические кризисы в ПНР 1956 г. и особенно 1968, 1970, 1977 и 1980–1981 гг. негативно сказывались на научном сотрудничестве и личных контактах ученых двух стран, однако в целом надо подчеркнуть, что общая тенденция научного сотрудничества СССР и Народной Польши не только не прерывалась, но и продолжала устойчивое позитивное развитие. На отношениях Сливовских с российскими коллегами и друзьями политическая конъюнктура никогда не оказывала заметного влияния, а высказываясь временами довольно резко о некоторых людях, она никогда не руководствовалась политическими пристрастиями, осуждала проявления сервильности, не стремилась угодить ни польской, ни советской, ни российской политической цензуре, ни мейнстриму так называемого общественного мнения. Это в известной мере объясняет, что на протяжении примерно 70 лет В. Сливовская неизменно была желанным гостем нашей страны, олицетворяла сотрудничество и дружеские отношения историков России и Польши. Думается, отнюдь не случайно единственная и своего рода уникальная автобиографическая книга В. Сливовской, написанная в соавторстве с мужем, имеет многозначное и говорящее название, одновременно прозвучавшее как посвящение – «Россия – наша любовь». Над редакцией ее русского перевода В. Сливовская работала последние полтора года. Книга была издана в России в 2022 г. в переводе Марии Крисань.

Смерть настигла Викторию Сливовскую на 91-м году жизни, однако трагическая неизбежность не облегчает горечи осознания утраты, потому что кончина Сливовской стала одним из символов ухода в прошлое эпохи в истории польской и российской науки, в истории российско-польских отношений.

Информация об авторе

Носов Борис Владимирович,
доктор исторических наук,
зав. Отделом истории славянских народов
Центральной Европы в Новое время,
Институт славяноведения Российской
академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4253-1259>
E-mail: bnossov@mail.ru

Information about the author

Nosov Boris V.,
DSc. (History), the head of Department
of the history of Slavic nations of the Central
Europe in the Modern Times.
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4253-1259>
E-mail: bnossov@mail.ru

Славяноведение, 2022, № 3, с. 151–152

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 3, pp. 151–152

Памяти Людмилы Норайровны Будаговой
(1932–2022)

© 2022 г. И.А. Герчикова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

geririna@inbox.ru

Ссылка для цитирования: Герчикова И.А. Памяти Людмилы Норайровны Будаговой (1932–2022) // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 148–149.

In memory of Ludmila N. Budagova
(1932–2022)

© 2022. Irina A. Gerchikova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

geririna@inbox.ru

Reference for citation: Gerchikova Irina A. In memory of Ludmila N. Budagova (1932–2022) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie*. 2022. No. 3. P. 148–149.

3 февраля 2022 г. ушла из жизни, не дожив ровно семь месяцев до своего 90-летия, Людмила Норайровна Будагова, наша дорогая коллега, руководитель отдела, организатор и вдохновитель всех научных проектов, старейший сотрудник Института славяноведения РАН (с 1959 г.), один из ведущих славистов в нашей стране, посвятившая свою жизнь чешской литературе.

Окончив славянское отделение филологического факультета МГУ, она пришла в Институт славяноведения АН СССР, где была вначале аспиранткой, защитила в 1966 г. кандидатскую диссертацию, а в 1995 г. докторскую. С 1988 г. до самого последнего момента она возглавляла Отдел истории славянских литератур, отдавая этой работе все свое время.

Она была прекрасным организатором конференций и «круглых столов», проведенных отделом, инициатором многих научных трудов, коллективных монографий, где выступала и автором, и редактором, и переводчиком. От глав в «Очерках истории чешской литературы (1963) и «Истории словацкой литературы» (1970) она подошла к созданию высоко ценимого в научных кругах трехтомника «История литератур западных и южных славян» (т. I, II – 1997, т. III – 2001), в котором была руководителем и автором в том числе и обзорных вводных глав к разделам. Этот трехтомник был всегда ее гордостью. Были еще сборники «А.С. Пушкин и мир славянской культуры», 2000; «Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян», 2004; «Россия в глазах славянского мира», 2007; «Славянский мир в глазах России», 2011, «Россия и русский человек в восприятии славянских народов», 2014; «М.Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян», 2016; «Сражения и связи в программах и практике славянского литературного авангарда», 2018 и др. Последним ее «детисцем» стала книга «Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований», 2021, где Людмила Норайровна написала предисловие, в котором в традиционной своей манере не только мотивировала актуальность и важность исследования, но и отметила освоение авторами труднодоступного материала и их новые подходы, назвав их «героями, у которых нет страха перед чужим опытом». Она проявляла и строгость, и очень по-человечески поддерживала авторов, прежде всего молодых, поощряя их изыскания, находя всегда нужные слова, отмечая и чужие огрехи, и признавая свои собственные ошибки.

Готовится к выпуску сборник «Восприятие творчества Ф.М. Достоевского в славянском зарубежье», который будет посвящен памяти Будаговой. Это материалы последней конференции, прошедшей в октябре 2021 г., которую Людмила Норайровна готовила, организовывала, вдохновляла и успела составить план будущей книги и написать к ней обширное предисловие.

Творческие интересы Людмилы Норайровны были очень широки. Начинала она с истории чешской литературы, занималась поэзией Чехословакии. Ее любимым автором на долгие годы стал поэт В. Незвал (Одна из первых статей о нем вышла в 1960 г., в 1967 г. — монография «Витезслав Незвал. Очерк жизни и творчества», 1967), одна из самых ярких фигур чешской и мировой культуры, зачинатель авангардных течений поэтизма и сюрреализма в чешской литературе. Людмила Норайровна стала одним из ведущих исследователей чешского и шире — европейского литературного авангарда, перейдя от анализа творчества, помимо В. Незвала, отдельных чешских и словацких поэтов, таких как К.Г. Маха, А. Сова, О. Бржезина, И. Волькер, В. Завада, Я. Заградничек, Я. Сейферт, М. Флориан, Я. Есенский, Р. Фабри и других к обобщающему взгляду на литературный процесс в Центральной и Юго-Восточной Европе. В 2020 г. вышла ее последняя монография «Импульсы времени. Чешский литературный авангард в европейском контексте» (2020), ставшая ярким завершающим аккордом в ее многолетней научной деятельности.

Людмила Норайровна является автором более трехсот научных трудов. Следует вспомнить и об ее обширной популяризаторской деятельности. В качестве составителя, автора предисловий, комментариев, переводов она участвовала в изданиях многих чешских авторов на русском языке. Особо стоит упомянуть чешский город Шрамкова Сobotка, где Будагова, по ее словам, «проводила райские дни» (город находится в регионе «Чешский рай» на северо-востоке страны) и называла вторым домом. С 1957 г. в этом городке проходит фестиваль чешского языка, культуры и литературы. Будагова с 1977 г. неизменно принимала участие в фестивале, став его «политическим талисманом и неотъемлемой частью», как отмечала известный чешский литературовед Ярослав Яначкова. Итогом многолетней научной и популяризаторской деятельности Л.Н. Будаговой стал сборник «О литературе и культуре. Тексты для Шрамковой Сobotки» (O literatuře a kultuře: texty pro Šrámkovu Sobotku), вышедший в 2012 г. на чешском языке.

Знаменательным стало издание на чешском книги с символическим названием «Из моей жизни с чешской литературой», 2021 (Z mého života s českou literaturou). Это двадцать статей, написанных в период 1973–2020 гг. — здесь и о поэзии (конечно, о любимом Незвале, а также Я. Сейферте, Ф. Галасе, К.Г. Махе), чешском авангарде, прозе (Б. Немцова, Я. Гашек), литературоведении (Я. Яначкова, А. Феттерс). Книга издана в Чехии как дань огромного уважения и высокой оценки дела всей жизни, которая была наполнена и проникнута чешской культурой, духом этой страны. Работы Людмилы Норайровны переводились, помимо чешского, на словацкий, польский, сербский и немецкий языки. Деятельность ее была оценена премиями Словацкой академии наук, чешского литфонда, избранием в иностранные члены Матицы Сербской (1995), медалью философского факультета Карлова университета в Праге (1998), благодарностью Президента Российской академии наук (1999), медалью Славянского фонда России «За вклад в сохранение и развитие Кирилло-Мефодиевского наследия». 29 декабря 2020 г. она была награждена Золотой медалью имени И.И. Срезневского Института славяноведения РАН за выдающиеся заслуги перед отечественной славистикой.

Научные заслуги Людмилы Норайровны неоспоримы, и ее уход — это большая потеря для славистики, богемистики, литературоведения в целом. Но еще большая утрата для коллег, друзей, учеников, всех, кто ее знал — потеря человека с широкой душой, сильной, доброй, щедрой, интеллигентной, безупречно порядочной. Мы помним ее вдохновенную увлеченность и страстность, ее интерес и открытость новому, ее поощрительное отношение к молодежи. Нам будет недоставать ее песен и стихов, шуток, мелодичного голоса, ее огромного обаяния и отзывчивости, творческой искры, которую она вносила в работу. Мы помним ее такой. Вечная память.

Сведения об авторе

Герчикова Ирина Александровна,
Кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела истории славянских литератур, Институт славяноведения РАН, г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0003-1009-9182
E-mail: geririna@inbox.ru

Information about the author

Gerchikova Irina A.,
Ph D. (Philology), Research Fellow,
Department of the History of Slavic Literature,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy
of Sciences, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: 0000-0003-1009-9182
E-mail: geririna@inbox.ru

Славяноведение, 2022, № 3, с. 153–155

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 3, pp. 153–155

Памяти Ежи Бартминьского
(1939–2022)

© 2022 г. С.М. Толстая

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

smtolstaya@yandex.ru

Ссылка для цитирования: Толстая С.М. Памяти Ежи Бартминьского (1939–2022) // Славяноведение. 2022. № 3. С. 153–155.

In memory of Jerzy Bartmiński
(1939–2022)

© 2022. Svetlana M. Tolstaya

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

smtolstaya@yandex.ru

Reference for citation: Tolstaya Svetlana M. In memory of Jerzy Bartmiński (1939–2022) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie*. 2022. No. 3. P. 153–155.

Более шестидесяти лет продолжалась яркая, чрезвычайно насыщенная исследовательская, педагогическая, издательская, научно-организационная и общественная деятельность Ежи Бартминьского – выдающегося ученого, филолога, фольклориста, создателя польской этнолингвистической школы, академика Польской академии искусств, председателя комиссии по этнолингвистике при Международном комитете славистов, профессора Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской и сотрудника Института славистики Польской академии наук. Ему принадлежит более 700 научных трудов, в том числе 12 книг (на польском, русском, сербском, чешском, английском языках).

Появление Ежи Бартминьского на свет совпало с началом Второй мировой войны. Его детские и школьные годы прошли в Пшемышле, на польско-украинском пограничье, а с 1956 г. и до последнего дня его жизнь была связана с Люблином и Люблинским университетом, где он был сначала студентом, затем ассистентом, преподавателем, доцентом, профессором, проректором. Еще в студенческие годы он заинтересовался диалектами, фольклором и польской народной культурой, многие годы ездил в экспедиции, записывал и изучал диалекты и фольклор Люблинского края, Силезии и других районов Польши, собирал материал для Словаря польских говоров и Общеславянского лингвистического атласа. В 1971 г. Бартминьский защитил докторскую диссертацию о языке народной литературы Люблинщины, а в 1973 г. вышла в свет его книга «О языке фольклора», которая сразу принесла ему известность не только в Польше, но и во всем славистическом мире. В ней впервые было сформулировано понятие языка фольклора как стилистической разновидности диалектного языка и дан конкретный статистический анализ типичных языковых черт фольклорных текстов (прежде всего песен), отличающих их от повседневного языка диалекта. Этот подход нашел отражение и в следующей книге Бартминьского «О стилистической деривации. Народный говор в функции художественного языка» (1977 г.), которая была защищена в качестве второй

диссертации (хабилитации). Под стилистической деривацией в этой работе понимается система преобразований, которые претерпевает разговорный язык диалекта при его использовании в фольклорных и литературных произведениях. На базе этих работ, а также конкретных трудов по систематике и структуре фольклорных текстов (прежде всего колядок) впоследствии была создана общая теория текста, разработанная Ежи Бартминым совместно с его женой Станиславой Небжеговской-Бартминой (Tekstologia, 2009).

Наибольшее признание получили работы Е. Бартминого по этнолингвистике — дисциплине, обязанной своим появлением в польской науке именно ему. Теоретические основания этнолингвистики рассмотрены в большой серии работ самого Бартминого и его ближайших коллег и учеников. Они уточнялись и конкретизировались в ходе многолетней практической работы по созданию этнолингвистического словаря польской народной культуры, который получил название «Словарь народных стереотипов и символов». Замысел этого словаря возник у Е. Бартминого еще в 1970-е годы и первоначально предполагал создание словаря польского фольклора, но впоследствии расширился до рамок народной культуры в целом. Об основных положениях этнолингвистики и концепции словаря нашему читателю дает представление книга Бартминого «Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике», изданная в Москве на русском языке в 2005 г. Ключевое понятие этой концепции — языковой стереотип, т.е., по определению Бартминого, «субъективно детерминированное представление о предмете, охватывающее как описательные, так и оценочные признаки, а также являющееся результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей».

«Словарь народных стереотипов и символов» (*Słownik stereotypów i symboli ludowych*) задуман как монументальное многотомное издание, представляющее в лексикографическом виде польскую традиционную народную культуру во всем ее объеме и реконструирующее лежащий в ее основе образ мира и человека. Этот фундаментальный труд является по существу энциклопедией польской народной культуры и народного языка, обобщившей огромный языковой, фольклорный и этнографический материал, накопленный собирателями XIX и XX вв. и осмысленный на основе современного антропологического (когнитивного) подхода. К настоящему времени под редакцией Е. Бартминого издано 10 объемистых книг, относящихся к следующим темам: том I. Космос (книги: 1. Небо, небесные светила, огонь, камни; 2. Земля, вода, подземный мир; 3. Метеорология, Окружающий мир, свет, металлы); том II. Растительный мир (книги: 1. Злаки; 2. Овощи, приправы, промышленные культуры; 3. Цветы; 4. Травы; 5. Плодовые и хвойные деревья; 6. Лиственные деревья; готовится к изданию последняя книга этого тома — 7. Грибы, сорняки, заросли). За ними будут следовать тома: III. Животный мир, IV. Человек, V. Общество, VI. Религия, VII. Время, пространство, меры (каждый том будет состоять из нескольких книг). По полноте привлекаемого языкового, фольклорного, этнографического материала этот словарь не имеет аналогов в славистической науке, а по своему подходу, основанному на новейших методах лингвистической семантики, когнитивной науки, этнолингвистики, текстологии, антропологии, он оказывается исключительным явлением и в мировой гуманитарной науке. Концепция польского словаря в целом близка к комплексному подходу, лежащему в основе московского этнолингвистического словаря «Славянские древности», созданного по замыслу и под общей редакцией акад. Н.И. Толстого.

В последние два десятилетия Е. Бартминый возглавлял инициированный им крупный научный проект под названием «Европейский языковой образ мира» (EUROJOS), в рамках которого было проведено несколько международных семинаров и симпозиумов, посвященных изучению наиболее значимых духовных ценностей славян и других европейских народов. Продуктом этих коллективных усилий стала серия изданий «Аксиологический лексикон славян и их соседей» (LASIS), которые по своему подходу и общей концепции являются продолжением работы над «Словарем языковых стереотипов и символов», но, в отличие от него, изучают культуру не только в рамках устной народной традиции, но и вне этих рамок, т.е. с учетом и письменных источников, литературы, искусства, публицистики и всех иных форм выражения общенародного сознания, мировосприятия и традиционной системы ценностей. Изданные пять томов «Лексикона», посвященные концептам «ДОМ», «ТРУД», «ЧЕСТЬ», «ЕВРОПА», «СВОБОДА», стали первым опытом параллельного (выполненного по единой методике) описания системы ценностей славян большинства славянских, нескольких других европейских и отдельных неевропейских языков и традиций. Замысел такого масштабного аксиологического труда был подготовлен многочисленными предшествующими исследованиями (как теоретическими, так и практическими) самого Е. Бартминого и членов руководимого им люблинского коллектива этнолингвистов. Работа над «Лексиконом», хотелось бы надеяться, будет продолжена силами большого международного авторского сообщества.

С 1998 г. в Люблине по инициативе и под редакцией Ежи Бартмиńskiego начал издаваться ежегодник «*Etnolingwistyka*», насчитывающий уже более 30 томов. Этот журнал стал поистине международной трибуной этнолингвистики. В нем публикуются статьи по широкому кругу лингвистических, фольклорных, антропологических проблем, связанных в основном со славянскими языками и культурами, а также предварительные версии и материалы для статей к готовящимся этнолингвистическим словарям, материалы конференций, отчеты о проектах, рецензии и обзоры новейшей этнолингвистической литературы. Круг его авторов охватывает все славянские и многие неславянские страны.

Научные и личные контакты Ежи Бартмиńskiego и его коллег с российскими учеными (этнолингвистами, фольклористами, этнографами) продолжались многие годы. Он неоднократно приезжал на конференции и симпозиумы Института славяноведения и РГГУ, участвовал в конгрессах и конференциях фольклористов и этнолингвистов в Москве, Подмоскowie, Екатеринбурге, публиковал свои труды в наших изданиях, постоянно приглашал российских ученых в Люблин и публиковал их труды в редактируемых им журналах и сборниках в Польше. Московская и Люблинская школы этнолингвистики – это пример многолетнего плодотворного творческого сотрудничества, содержательного научного диалога и интенсивных контактов. В качестве председателя комиссии по этнолингвистике при Международном комитете славистов Бартмиński стал центром притяжения и единения этнолингвистов всех славянских стран. Проведенный под его руководством в июне 2021 г. международный конгресс этнолингвистики продемонстрировал огромный интерес славистической общественности к теории и практике этой дисциплины.

Ежи Бартмиński пользовался огромным авторитетом среди коллег – лингвистов, фольклористов, антропологов из всех славянских и многих других стран. В Польше он был одним из самых известных общественных деятелей, к его голосу прислушивались, его мнение оказывало влияние на сознание и поведение его современников. Он понимал ответственность людей науки перед обществом. Во времена Солидарности он участвовал в подпольной работе, был интернирован, а позже создал и возглавил общественный союз «Солидарность семей». Его моральный авторитет был очень высок. Это был человек большой души, открытой всем. Он отличался необыкновенной эмпатией и интересом к людям и их делу, отзывчивостью ко всем, кто оказывался рядом, а это были сотни людей – не только его прямые ученики и коллеги, но и самые разные люди из разных стран, особенно молодые, они буквально тянулись к нему и после первого же знакомства включались в его орбиту на долгие годы. Я познакомилась с Ежи Бартмиńskim в Люблине в 1978 г., и с тех пор более 40 лет мы были единомышленниками (он любил это русское слово) и близкими друзьями. С его уходом образовалась зияющая пустота, которую нечем заполнить. Это был человек высоких гуманистических идеалов, твердой моральной позиции, непримиримый ко всякой лжи, защитник демократии и справедливости. Исследователь и приверженец духовных ценностей, он сам – ученый и человек – стал достоянием и высокой ценностью нашей науки.

Информация об авторе

Толстая Светлана Михайловна,
доктор филологических наук,
профессор, академик РАН,
зав. Отделом этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения
Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4531-0024
E-mail: smtolstaya@yandex.ru

Information about the author

Tolstaya Svetlana M.
DSc. (Philology),
Professor, Academician of Russian Academy
of Sciences, Head of the Department
of Ethnolinguistics and Folklore.
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4531-0024
E-mail: smtolstaya@yandex.ru